

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

О назначении литературы в XXI столетии 2

КЛЮЧИ КУЛЬТУРЫ

А. Ю. Козлов. Десять веков русской литературы (фрагменты из книги). Трансформация системы духовно-нравственных ценностей в истории русской литературы (историко-литературный дискурс) 4

СЛАВОУ ОСЕНЕННЫЕ

Е. С. Роговер. Юрий Бондарев. Литературный портрет (к 85-летию со дня рождения писателя) 48

СМЫСЛОВЕДЕНИЕ

Александр Миронов. Руслó русского речения, или Обретение словосочетаний, русскую душу вполне упасающих... (фрагмент из ещё незаконченной книги — продолжение, начало в предыдущем выпуске журнала) 57

НОВЕЙШЕЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е. С. Роговер. «Чистота, наивность, нежность...» (о стихах российских поэтов) 63

П р и л о ж е н и е. Стихи из сборника «Звонящая упругость бытия» 68

К РАЗМЫШЛЕНИЮ О ГЛАВНОМ

Идейное лицо Ивана Ильина в контексте воззрений Адольфа Гитлера (редакционный анализ) 76

Русского духа твердь, или Прообраз кодекса нравственной жизни русского человека (редакционный взгляд) 93

ДУХОВНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЖУРНАЛА «ПИСАТЕЛЬ. XXI век»

Александр Александрович Фетисов (Эра Данилова. Камень, который отвергли строители. Выдержка из письма А. А. Фетисова к интеллигенции) 103

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

Вадим Петров, при участии **Александра Миронова.** «Пакт Молотова — Риббентропа. Политические аспекты заключения» (продолжение статьи Вадима Петрова «На пути к Пакту Молотова — Риббентропа...», опубликованной в предыдущем выпуске журнала) 114

Историческое значение договора между СССР и Германией в 1939 году: соглашение с дьяволом как единственная возможность обретения союзников для победы над ним (редакционный комментарий) 143

АРХИВЫ УЧАТ

Глава из рукописи Б. В. Асафьева «Музыка моей Родины». Предисловие Реставратора — Андрея Павлова-Арбенина 145

Русский народ, русские люди — характеры, быт 146

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Андрей Каратыгин. Нежный Людвиг ван Бетховен 172

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

О назначении литературы в XXI столетии

Журнал «Писатель. XXI век», родившийся внутри Российского Межрегионального союза писателей (на базе секции «Литературно-дискуссионные чтения»), начал уверенно жить. Первые же его шаги вызвали вопросы. Какие? А например, такие. Почему в нем ощущается партийность? Почему на его страницах много места отдается вопросам истории России? В ответ полагаем уместным заявить следующее. Спросим сами себя на манер известного выражения «Зачем та дорога, которая не ведет к храму?» — зачем всем нам какое-либо литературное произведение, которое не ведет человека к спасению его души? Кто-то, возможно, тут же возразит, что не надо собою подменять церковное дело. Но разве писатель не публичный человек? Разве он не ведет за собой многих, иногда даже вопреки собственному желанию? Да, сегодня есть и заметно множится цветистая литературная клоунада, тесня собой даже литературную чернуху и порнографию. Но к лицу ли умному писателю сия стезя? Ведь всякий опытный и дальновидный человек знает, что за все содеянное и даже не содеянное придется отвечать, пускай даже посмертно. Теперь о церковности в литературе. Мы говорим, что время упования на то, что душа отдельно, а тело отдельно, давно кануло в Лету, а значит, ныне не приходится делать вид, что писатели — это партия как бы нейтральных филологических живописцев, занятых как бы безобидным делом сладкого самовыражения. И еще. Зададимся вопросом: а разве объективное содержание жизни не обязывает каждого из нас к известной строгости? То есть пиши не пиши, но соответствуй сути момента и грядущей за ним перспективе. Иначе говоря, церковная жизнь сегодня — это главным образом ритуальные услуги. Поэтому время всемерных надежд на церковь ещё не пришло, а значит, «спасение утопающих (во всех отношениях) — дело рук самих утопающих». Теперь о партийности. Да, если речь идет о чьем-либо господстве, то тогда, конечно, упаси нас Господь от этого. Но если мы говорим о движении к добру, то тут уже иное. Ну не может честный писатель в XXI веке уклоняться от работы по различению фундаментальных проблем жизни, от формулирования в образной форме своего рода рецептов их преодоления, а значит, не может уклоняться от вопросов о зле и добре. И тут уже знание сути истории нашего Отечества вполне может помочь каждому из нас. То есть сегодня можно и нужно писать в категориях злое — доброе. И не надо уподобляться партии однополой люб-

ви, живущей демонстративно напоказ, дабы соблазнять незрелые души иллюзией абсолютной свободы и множить при этом во имя этой мнимой свободы духовно смердящую среду.

Завершая, дополнительно заметим, что именно литература есть та универсальная сфера культурной жизни, в рамках которой либо нечто рождается и радуется собой саму нашу жизнь, либо в ней же что-то намеренно или безотчетно убивается (мертвится), оставляя за собой лишь продукты распада когда-то живого. Поэтому не будем тешить себя иллюзией возможности собственного нахождения за пределами добра и зла. Нет и не может торжествовать немая истина, и если кому-то сказать о ней нечего, то ему и не следует умничать на буддистский манер, что все само собою образуется. Другими словами, не стал бы Господь давать человеку писательский дар попусту, а значит, наша общая задача употребить его во благо человека, дабы помочь ему обрести и твердую веру в Бога, и, если хотите, дары Святого Духа. А каковы они будут? Это уже решать не нам.

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

А. Ю. Козлов

ДЕСЯТЬ ВЕКОВ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(фрагменты из книги)

Трансформация системы духовно-нравственных ценностей
в истории русской литературы

(историко-литературный дискурс)

*«Святая русская литература» — так,
склонные к исповеди и к славословию,
назвали мы ее в юные годы в одной новелле...*

Томас Манн

Введение

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»¹. Эти слова нужно бы вписать во все учебники словесности и сделать правилом номер один. Чтобы дети наши с самого начала, приступая к изучению родной речи и родного языка, помнили, с каким чудом предстоит им соприкоснуться и к какому таинству приобщиться. Ибо дар речи — божественный дар, а слово — это живой организм.

Далеко не каждый учёный станет нынче отвергать существование Бога. Учёные сталкиваются с явлениями, ни объяснить которые, ни описать механизм их действия невозможно и теперь, и в перспективе. Наука сегодня подошла к рубежам познания, за которыми находится безграничный мир, недоступный научным знаниям, не подвластный разуму человека и изучению эмпирически, — мир, несравнимо больший тех знаний, которыми обладает современное человечество.

Ещё в 1908 г. — накануне страшных кровопролитных войн и революционных катаклизмов — священник и в то же время выдающийся учёный (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствоведения, философии,

математики, экспериментальной и теоретической физики и др.) **Павел Александрович Флоренский** (1882—1937) писал в своей книге «Столп и утверждение Истины»:

«Человек мыслящий уже понял, что на этом берегу у него нет ничего. Но ведь вступить на мост и пойти по нему нужно усилие, нужна затрата сил. А вдруг эта затрата ни к чему?.. Я остаюсь, остаюсь здесь. Но мучительная тоска и внезапная надежда не дают даже издыхать спокойно... Я бегу, стремительно бегу назад. Идти и не идти, искать и не искать, надеяться и отчаиваться, бояться истратить последние силы, из-за этой боязни тратить их вдесятеро, бегая взад и вперёд. Где выход? Где прибежище? К кому, к чему кинуться за помощью? “Господи, Господи, если Ты существуешь, помоги бедной душе, Сам приведи меня к Себе! Хочу ли я или не хочу, спаси меня. Как можешь и как знаешь, дай мне увидеть Тебя. Силою и страданиями привлеки меня!”».

А вот точка зрения нашего современника протоиерея Кирилла Копейкина, кандидата физико-математических наук, кандидата богословия (из материалов Второй Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима

Саровского и судьбы России», 2005 г.): «И, как это ни парадоксально, именно в XX столетии наука пришла к пониманию того, что человек так глубоко укоренен в мироздании, что любая попытка устранить его из картины мира может привести не к «объективности», но лишь к абсурду... И если мы могли бы в нашем... потемневшем мире уловить то состояние материи, которое нам больше недоступно, потому что мы ее видим не Божьими глазами и не изнутри духовного опыта, мы увидели бы, что Бог и все Им сотворенное связаны живой связью... Утверждение факта пронизанности материи жизнью... есть естественное следствие тварности мира... Мир связан с Богом, самой Жизнью, он и оживотворен, жив, не сам по себе, но в силу наличия этой связи, без которой ничто тварное просто не может существовать... Более того, оказалось, что те самые объективно измеряемые при помощи приборов параметры, которые мы приписываем микрообъектам, вовсе не являются «объективными»... но возникают лишь в сам момент наблюдения и не существуют вне его. Таким образом, новоевропейская физика по существу дошла до своего объективного предела... Само наблюдение делает мир таким, каким мы его видим... Тот, кто думает о себе просто как о наблюдателе, оказывается участником... это является участием в создании вселенной... Между квантовой механикой и функционированием сознания... глубокая связь... сознание не противостоит миру, но включено в мироздание и может воздействовать на него, а это находится в вопиющем противоречии с исходным постулатом новоевропейской науки...

К сожалению, покорившая сегодня едва ли не весь мир западноевропейская цивилизация не избежала предуказанной при Максимом опасности искушения тварным, а намеченный святоотеческой традицией путь символического познания мира «через человека» воспринимается ныне как маргинальный. Это стало результатом утраты веры в реальность символа, что, в свою очередь, было обусловлено возникшим на исходе Средневековья разрывом умопостигаемого и чув-

ственно воспринимаемого миров. Сама мысль о возможности **опытного богопознания**, которому оказывается причастна человеческая телесность, казалась католическим богословам признаком варварской дикости. Именно в этом пункте, подчеркивает прот. Мейендорф, коренится «то, что всегда противопоставляло Писание и эллинизм, Иерусалим и Афины, апостолов и философов, религию Воплощения и телесного воскресения и религию развоплощения и бессмертия души».

Шагая по пути цивилизации и технического прогресса, человечество на отдельных участках вплотную подошло к области божественного — непостижимого и непознаваемого. Именно так надо понимать путь к постижению тайн природы и так надо понимать, что такое человек и что такое человеческая речь — величайший феномен, рожденный природой по воле Божьей.

Каждое слово уникально, ибо оно есть живое существо, обладающее своей энергией и тайным смыслом, постичь который до конца современный человек пока не в силах, чувствуя только на себе его проявление, догадываясь о нём, но используя лишь одну мизерную часть его возможностей.

Убиение языков, их консервация начались на рубеже шестнадцатого-семнадцатого веков, когда стали появляться учебники, когда возникли первые попытки втиснуть живую речь в ряд правил, описать человеческую способность запечатлевать с помощью речи образы, возникающие в сознании, механизм возникновения которых современной наукой не познан и секрет его раскрыт быть не может. Как невозможно объяснить, кроме как Божьей волей, причину возникновения на Земле самой жизни и появление человека. Человека, сотворенного по образу Божьему и подобию, то есть способного мыслить и выражать свои мысли вслух и уметь воплощать их в своих деяниях, обладающего душой и стремлением к совершенству.

Потому-то всякое слово, сказанное во зло, и каждое дело, сделанное не во благо всего сущего, противоречат сво-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ей собственной природе и падают тяжким бременем на человечество, оставляя оспины на теле Земли, как метеориты оставляют следы на лунной поверхности. Оседают и накапливаются, отравляя существование и людей, и всего живого, отдаляя нас всё дальше и дальше от божественной сущности. Но слова, идущие от чистого сердца, воздвигают храмы.

Важно заметить, что в настоящее время упрощение, а значит, убийство языка, принимает характер катастрофический, поскольку оно становится элементом официальной культуры, культуры массовой.

Сколько слов уже забыто, вернее убито, и сколько омертвевших, полуживых, умирающих. Это следствие нашего небрежного отношения к ним.

Сегодняшнее положение усугубляется тем, что убийство языка происходит через воздействие на неокрепшие молодые умы и души. Юноши и девушки, ещё не успевшие ощутить радостей, которые несёт многообразие слов, форм и образов, выраженных с помощью языка, оказываются отрезанными и изолированными от этого блага. Их язык катастрофически быстро упрощается, универсализируется и, соответственно, вульгаризируется, теряет свою связь с *природой* речи. Во многом это происходит от неверного, мифологизированного преподавания русской литературы и её истории. Разорвана связь времён, отброшен, как устаревший хлам, как представляющий сугубо узкий интерес для специалистов, древний период русской литературы, создаваемой, говоря современным языком, высочайшими профессионалами, «профессионалами» духа.

Каков может быть результат этого процесса? Лишённый богатств родного языка, человек становится равнодушен к своему прошлому, ему становится всё равно, кто были его предки, ему всё равно, где он родился и где проживает. Он абсолютно равнодушен к тому, что будет и что останется после него. Он живёт только сиюминутным. Прошлое для него — прах, в будущем

его нет, значит, нет и будущего. Остаётся только мгновение настоящего, которое только и принимается за действительную жизнь. Отсюда возникает желание немедленного извлечения максимума удовольствий при минимуме затрат (чтобы не потерять своего — уже имеющегося), не прилагая труда, не заставляя работать душу, а следовательно, не выполняя своей основной миссии, для которой создан человек.

Не оглядываясь назад и не всматриваясь вдаль, толпы людей без роду-племени, без чувства родины (присущего любому живому существу), не имеющие святости в душах, потому что родной язык — это голос души, шатаются по планете в поисках удовольствия и выгоды и вырывают друг у друга жирные куски... Вот что ждёт нас, если мы и дальше будем так безответственно относиться к тому, как общаются наши дети, на каком языке они говорят, что они читают, что слышат вокруг себя каждый день, какая музыка доставляет им удовольствие...

Я могу допустить, что таким стадом, возможно, легко управлять. И, должно быть, кому-то это удобно. Но всё это, очевидно, кончится катастрофой. Не может не кончиться. Потому что любой дремучий дикарь бесконечно богаче духовно по сравнению с дикарём индустриальным, дикарём-постмодернистом со слепоглухонемой душой.

Эта книга продиктована самим временем. Пора уже посмотреть на русскую литературу глазами *реалиста* и понять наконец, что она не жалкая убогая хромоножка, плетущаяся вслед за «передовыми» изошрёнными западными идеями пресыщенного разума, а область высокого духовного полёта.

Хочется завершить вступление словами **Владимира Ивановича Даля** (1801—1872), прозаика, поэта, драматурга, лексикографа, человека, создавшего «Толковый словарь живого великорусского языка». Интересы его были всеобъемлющи и глубоки, однако самым прочным и долговечным был интерес к родному языку: «*Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не дела-*

ют человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или иному народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу принадлежит. Я думаю по-русски».

<...>

Совсем не случайно в XIX веке в литературе появляется новый своеобразный тип героя — «лишний человек» (Онегин, Чацкий, Печорин, Базаров, Рахметов и т. д.) — человек, не уместяющийся в рамках традиционного общества, как правило, «иностранное тело», прагматик, материалист и даже, вследствие всего перечисленного, нигилист и циник. В свете нового образа мышления таких личностей окружающая жизнь приобретает вид гротесковой комедии, а люди — подобие комических персонажей. В «лишнем человеке» и вольно, и невольно, сегодня уже совершенно определённо, угадывается будущий революционер, потрясатель основ, новатор, прежде всего в моральной и духовной сфере. Ещё пушкинский Онегин носит «широкий Боливар», подчёркивая тем самым свои «передовые» взгляды. И уже одного названия его шляпы (в честь лидера повстанцев Симона Боливара) достаточно, чтобы понять, откуда эти взгляды пришли.

Во всём мире идёт капитализация экономики и сопровождающая её демократизация общества и его эмансипация, то есть освобождение от различных сдерживающих факторов, мешающих развитию рынка, свободы предпринимательства, развитию потребительского спроса. Общество становится *потребительским*. С этого времени оно *вынуждено* потреблять всё больше и больше — без этого невозможно развитие промышленности, экономики и капитализма в целом. Принципы капитализации и христианской морали очень сложно привести в соответствие. Куда проще руководствоваться юридическим законом, находясь в рамках которого можно оста-

ваться «безгрешным» в глазах общества. Естественно, при таких условиях происходит резкое размежевание «России промышленной» и «России аграрной», живущей по принципу сельских общин, в основе которых лежит церковный уклад. В романе **Льва Николаевича Толстого** (1828—1910) «Анна Каренина» (1877) крестьяне помещика Левина целенаправленно выводят из строя сельхозтехнику. Толстой устами Левина объясняет это вековым дремучим состоянием крестьян, нежеланием их что-то менять. На самом же деле крестьяне чувствуют, что с приходом иностранной техники приходят и иностранные порядки. По-научному можно сказать: внедряется тип западной экономики. А западная экономика основывается на культуре, *чуждой* православному образу мышления. Потому что теперь уже ясно всем, хотя бы на примере Японии: экономика любой страны — это прежде всего *национальная* экономика, не только содержащая в себе элементы национальной культуры, но содержащая эту культуру в своей *основе*! И как состыковать общество, стремящееся ко всё большему потреблению, с православным самоограничением и постом? Человек, стремящийся к материальному достатку, не понимает, что стремление это беспредельно и потому пагубно. Оно ограничено только в сравнении «живем ли мы не хуже других» или «лучше, чем кто-то».

Важно заметить, что если Онегин и Печорин представляют собой тип «нового» человека, но тип *деструктивный, отрицательный*, да — вызывающий нередко сочувствие, свойственное вообще русской душе, но еще есть понимание того, что на смену духовности идет бездуховность, то Чацкий («Горе от ума», 1822 г.) являет собой запечатленную действительность, отражённую в зеркалах комнаты смеха. Все реалии, пропущенные через призму его зрения, становятся смешными, уродливыми, банальными и бессмысленными. Конечно, нравственное состояние высшего общества того времени оставляло желать лучшего. Конечно, идеалами

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

этого общества были поклонение богатству, чинам, власти; интриги, заговоры и... да все что хотите, — полное загнивание. Но позвольте! А когда же этого не было в околоставных структурах? Тогда с чем же боролась царская опричнина Иоанна Грозного? Да с тем же казнокрадством, с боярским произволом. Или что искоренял Петр I, набирая свое ближайшее окружение из верных, надежных помощников, невзирая на их сословное происхождение? Да чиновное и родовое чванство, боярскую (дворянскую) спесь, предательство, продажность. Но одно дело — царские опричники, другое — **Александр Сергеевич Грибоедов** (1795—1829), автор комедии «Горе от ума», композитор и драматург — человек, несомненно, одаренный; вот только одно существенное отличие — либерал и приверженец декабристов, ставящий своим идеалом *свержение монархии*, которой сам служит, самодержавия — основы русской государственности, оплота Русской православной церкви, символа соборности русских людей. Вся опасность образа Чацкого и состоит в том, что он откровенно вызывает симпатии своим остроумием, стремлением к «прямоте» и «честности», «бескомпромиссности», молодостью, «свежестью» ума — словом, вроде бы благими намерениями... Но с чем в итоге остается читатель? С полнейшей духовной пустотой и один на один с повседневным «абсурдом» российской жизни, с чувством полной безнадежности и беспросветности. Как ни странно, взамен почти ничего не предлагается.

Основной порок Чацкого — непомерная гордыня. В июне 1824 г. А. С. Грибоедов впервые читал свою пьесу. В своих письмах к С. Н. Бегичеву он сообщает, что среди его слушателей были Крылов, Шаховской, Булгарин, Столыпины. «Грому, шуму, восхищению, любопытству — конца нет, — пишет Грибоедов, но заканчивает письмо следующими словами: — Как... сказать людям, что громовые их одобрения, ничтожная слависка в их кругу

не могут меня утешить?» (А. С. Грибоедов [Полное собрание сочинений в 3 т. 1917 г.]). Вот и истоки гордыни — страшнейшего порока. Чацкий подобен падшим ангелам. Они — создание Божие, бесконечно малы по сравнению со своим Творцом. Но они возгордились, как дети, решив сравняться с Ним, и возроптали на Него. Общая оценка «Горя от ума» А. С. Пушкиным была высокой — это справедливо. Но при всем том он считал нелепым поведение Чацкого. Кроме того, Пушкин отрицал наличие в комедии «плана», то есть единства и развития действия. По сути — отсутствие конструктивной идеи. «*Чацкий совсем не умный человек*», — говорил Пушкин. Для тех, кто сомневается в словах гениального русского писателя Александра Сергеевича Пушкина, приведем мнение людей с более «прогрессивными» взглядами. В. Г. Белинский (характеризуя Чацкого): «*Это просто крикун, фразер, идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит. Неужели войти в общество и начать всех ругать дураками и скотами значит быть глубоким человеком?.. Это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади... Глубоко верно оценил эту комедию кто-то, сказавший, что это горе, — ... только не от ума, а от умничанья*».

Совершенно верно. Кто из нас в переходном возрасте 14—16 лет не болел максимализмом и нигилизмом от столкновения с внешним миром и неприятием его из-за его внешнего несоответствия внутреннему миру человека. Но это всего лишь детская болезнь. Как ни старайся преобразить внешний облик мира, грехи людей всегда останутся с ними.

А вот что писал о комедии критик, которого уж никак нельзя заподозрить в «консерватизме» или «отсталости», один из вождей нигилизма — Н. А. Добролюбов («О степени участия народности в развитии русской литературы», 1858 г.): «*Грибоедов как будто имел в виду русских сатириков, изображая Чацкого. Ни к селу ни к городу,*

людям, которые не хотят их слушать и не могут понять... начинают они кричать о Кузнецком мосте и вечных нарядах, об иголках и шпильках... восстают против бритья бород и ношения фраков (а сами выбриты и во фраке)... И тут же вдруг, как снег на голову, будь добр одетелен, служи бескорыстно, ставь общее благо выше собственного, и т. п. абстракции, весьма милые и вполне справедливые, но, к несчастью, редко зависящие от воли одного человека».

Забегая вперед, надо сказать, что поэт А. А. Блок после революции 1917 года сказал, что «*„Горе от ума“ — ... гениальнейшая русская драма*». Гениальнейшая, подчеркиваю, драма — еще бы, когда на глазах у Блока эти самые чацкие совершили государственный переворот, «ангелы» восстали, превратившись в бесов...

Конечно, Чацкий руководствуется благими намерениями, он говорит вроде бы правильные речи, но нам с вами — жителям XXI века должно быть хорошо известно, сколько пролито крови и искалечено человеческих судеб только под лозунгом «свобода, равенство, братство».

И все же в XIX веке русская культура переживает своеобразный период Возрождения. Этому способствует обращение к истории и духовному наследию Руси, к древнерусской литературе и использованию ее сюжетов — в том числе в изобразительном искусстве и в музыке.

Никто из классиков отечественной культуры того времени не обошел своим вниманием тему русской истории. Словно припадая к источнику с живой водой, обращались они к духовным родникам родной культуры.

Замечательного русского писателя **Владимира Ивановича Даля** (1801—1872), врача по образованию, принимавшего участие в боевых действиях, — многие нынче знают лишь как составителя толкового словаря. Русскую литературу намеренно лишили не только значительной, но и лучшей ее части и все только потому, что тот же Даль в своих рассказах неизменно вос-

певал православный дух русского народа. «Большинству из нас Владимир Иванович Даль известен как автор знаменитого “Толкового словаря”. Многие знают и о том, что Даль собрал уникальное собрание русских пословиц и поговорок. И лишь некоторые слышали о нем как о писателе-прозаике. Но о чем он писал? Что главное в его многочисленных писательских трудах?.. В рассказе “Искушение” есть замечательная сцена: два мужика, один из которых собирается ограбить и убить другого, стоят рядом перед иконами и молят Бога отвести нападения беса. Это два брата во Христе, которые понимают, что не они, а бес пытается совершить преступление и вовлечь человека в бездну греха, и они вместе борются с ним. Такую сцену, конечно, можно увидеть только в “Святой Руси” — и Даль это понял... Скончался Даль, уже крестившись в Православие... Похоронен на Ваганьковском кладбище. Как он и предполагал. Переход Владимира Ивановича Даля под кров Православной церкви закономерен и логически завершает его яркую и до сих пор мало оцененную судьбу. В самом деле, трудно представить себе, что автор “Толкового словаря” и “Пословиц русского народа”, автор “Ильи Муромца” и “Архистратига” не мыслил и не чувствовал как истинно русский и православный человек»².

Рассказ В. И. Даля «Шила в мешке, а грех на совести не утаишь». Солдат обкрадывает вдову, лишает ее последнего капитала, но при этом остается безнаказанным, так как виновным считают ее зятя. Казалось бы, все сошло с рук, — не пойман — не вор, живи и радуйся! Но деньги не принесут солдату счастья. Солдата начинает мучить совесть(!), он спивается. В конце концов его сослуживец заставляет его признаться во всем. Для современного человека такой сюжет может даже показаться абсурдом — муки совести, что это? Но дальше еще интереснее: он признается начальству в краже, возвращает краденое, и его не наказывают! Но и этим дело не кончается, он вместе с другом идет к вдове и бесплатно трудится на ее огороде, благодаря

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

которому она только и существовала после потери денег.

В то время для православного сознания это все было не только вполне понятно и справедливо, но и единственно правильно. Давайте подумаем вместе — во имя чего мы пытались отказаться вот от такой культуры? А потом, совесть — она же не спрашивает, признаёшь ты ее существование или нет...

Рассказы Владимира Даля ясно и просто отражают психологию и образ мышления православного человека, его отношение к жизни и смерти. В рассказе «Сражение», например, замечательно показано отношение православного воина к войне и защите Отечества: *«Раным-ранешенько в день праздничный, в день Спаса, уготовано было спасение праведным воинам. Собирались наши солдатушки пир пировать разгульный, погулять вольною волей, разгулем молодецким: собирались бить неприятеля, сходились штык со штыком и грудь с грудью...»* Сражение, случившееся в пору православного праздника, не только не омрачает сей праздник, но, наоборот, воспринимается как особая честь. И воин православный творит подобающую сему случаю молитву: *«Господи! Ежели хочешь, то да мимо идет меня чаша эта; но да будет воля Твоя, а не моя. Молод я и чашу смерти испить не хочется; но да будет воля Твоя, а не моя. А коли Спасов день присудил еси мне от сует мирских спасение, то прими благостынею Своею душу мою, подай силу и крепость мне и мужество, и победу пошли Царю-Государю моему во веки веков, аминь... «С Богом, — говорит им главнокомандующий, — с Богом! Я созвал вас, чтобы вместе помолиться, тепло и усердно...» ...Куда чиста и умилительна молитва русского солдата перед битвою!*

Гой, о чем, о чем ребята призадумались, в Спасов день, раным-ранешенько? Радостно всяк из нас душу кладет за веру, за Царя, за родимую сторонушку — не печаль, не страх потупили очи ясные, — благочестие святое очи молодецкие потупило; душу положить хотим с молитвою!

“Держайте, воины, — принял слово иерей, — держайте: с нами крестная сила и благодать ее. Благословляю вас именем Господним на бой смертный, да спасены будете ныне, в Спасов день, пред Господом. Карайте строптивых и непокорных — с вами крестная сила; щадите и милуйте покоренных — с вами благодать Божия, стойте сильно, мощно, аки оплот веры, победа Государева, надежда всей земли русской. Благословляю вас. Аминь”». Защита Отечества — это не просто кровавая резня, это святое дело и потому не только карать призван русский солдат, но щадить и миловать — все по совести. *«Легко и весело стало солдатушкам по молитве; освежила их вода святая, которою иерей окропил ряды бесстрашные; беззаботно, весело шагают наши солдатушки, песни развеселые сливаются с барабанами звучными. — Шутки и смех да веселые поговорочки по густым рядам разгуливают...»* На что способен такой солдат, чего ждать от него? Храбрости — да, отваги, смелости, доблести, но не зверства и насилия, не беспощадной резни. Дело-то — святое! Таким воинам сам Господь победу дарует. *«Пошли солдатушки, словно часы заведенные, пошли вперед, стоптали, смяли неприятеля; без счету его на месте положили, много в полон полонили, а которые на побег пошли, за теми погналася конница, понесли донцы с долгими копьями да гусары с саблями острыми...»*

К сожалению, в XIX веке многим светским материалистически-философски настроенным умам все это уже непонятно, недоступно и непостижимо. Однако русская литература все еще отдает дань древней традиции.

<...>

Но юность, идущая на смену, — веселая, отчасти беспечная, вольнолюбивая, стремящаяся к новизне, к оригинальности, к инакомыслию, — спешит скорее отбросить все «старое», «отжившее», чем пользовались деды и прадеды. Начинается это с внешней атрибутики и постепенно все более заходит в сферы духовные, в область морали. Новому поколению все кажется, что вот открылся перед ним неиз-

веданный мир безграничных возможностей, а стало быть, жить «старыми» принципами уже нельзя, невозможно. И более, что сбивает с пути, уводит на сторону, — это незнание собственной истории. Как писал **Николай Васильевич Гоголь** (1809—1852), «*Велико незнание России посреди России*». Не когда-нибудь писал, — в золотую пору расцвета русской литературы в частности и культуры вообще. В век создания и расцвета русской классической музыки, оказавшей влияние на мировую музыкальную культуру: Ф. И. Глинка (1786—1880), А. П. Бородин (1833—1887), М. И. Балакирев (1837—1910), М. П. Мусоргский (1839—1881), П. И. Чайковский (1840—1893), Н. Н. Римский-Корсаков (1844—1908), чьи образы и темы перекликались с русской литературой и были тесно связаны с ней.

«*Нужно проездиться по России*», писал Гоголь и посвятил этой теме немало строк. Ведь мы и по сей день полагаем, сидя в столицах, что уже знаем Россию, что это и есть русская действительность, и делаем выводы, а потом удивляемся последствиям. А что же, по мнению великого русского писателя, нужно узнать и почувствовать? «*Нет выше званья, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышление мне в радость*, — пишет он в письме своему другу Александру Петровичу Толстому в 1845 г. Но при этом вот как он понимает исполнение христианского долга для человека в миру: «*Монастырь ваш - Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней... Уже душа в ней болит, и раздаётся крик ее душевной болезни... или у вас бесчувственно сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Вспомните, что, когда приходила беда ей, тогда из монастырей выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее*». Нельзя не догадаться, что именно так же относится Гоголь и к своему литературному труду! Труд во славу Божию

во имя спасения России. Далее он поясняет своему адресату: «*У вас все двигалось быстро и ходило; и когда, изумляясь, спрашивали у вас самих: "Отчего это?", вы отвечали: "Все от чиновников, попались хорошие чиновники..."*»; и когда шло дело до представления к наградам, вы всегда выводили вперед ваших чиновников... а себе ничего... Чего не сделает русский человек, если станет таким образом поступать с ним начальник!.. Вам нужно проездиться по России... Слухам не верьте никаким... Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с большим любопытством, нежели фабрику или развалину... Знаете ли, как это важно, как это теперь нужно России и какой в этом высокий подвиг! Спаситель оценил его едва ли не выше всех других: он прямо называет миротворцев сынами божьими (Мф. 5.9)... Все перессорилося: дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками, мещане между собой, как кошки с собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающей силою на дружескую работу, между собой, как кошки с собаками... только между плутами видится что-то похожее на дружбу...» Читаешь наших классиков и дивишься, насколько они современны, или просто ничего не меняется..? Суть не в этом, а в том, что русская литература настаивала и настаивает на том, что никакой технический или юридический прогресс ничего не решат, без прогресса нравственного, духовного. То есть, не стяжав Божью благодать, счастья не получишь. «*В природе человека*, — продолжает Гоголь, — и особенно русского, есть чудное свойство: как только заметит он, что другой сколько-нибудь к нему наклоняется или показывает снисхождение, он сам уже готов чуть не просить прощенья. Уступить никто не хочет первый, но как только один решился на великодушное дело, другой уже рвется как бы переиграть его великодушием. (Нет, все-таки кое-что изменилось)... Грешит нынешний человек, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде, но грешит не от презобилья своего собственного

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

*разврата, не от бесчувственности и не оттого, чтобы хотел грешить, но оттого, что не видит грехов своих. Еще не ясно и не совсем открылась страшная истина нынешнего века, что теперь все грешат до единого, но грешат не прямо, а косвенно... (Похоже, эта истина не открылась до сих пор!)... Сказать честному, но близорукому богачу, что он, убирая свой дом и заводя у себя все на барскую ногу, вредит соблазном, поселяя в другом, менее богатом, такое же желание, который из-за того, чтобы не отстать от него, разоряет не только собственное, но и чужое имущество, грабит и пускает по миру людей; да вслед за этим и представить ему одну из тех ужасных картин голода внутри России... Показать таким же самым образом всем модникам, которые не любят нигде появляться в одних и тех же платьях, следуя за малейшим уклонением моды, — показать им, что они вовсе не тем грешат, что занимаются этой суетностью... но тем, что сделали такой образ жизни необходимостью для других, что муж иной жены схватил уже из-за этого взятку с своего же брата чиновника... Да вслед за этим и выставить всем модникам картину голода. Тогда им не пойдет на ум какая-нибудь шляпка или модное платье; увидят они, что не спасет их от страшного ответа перед Богом даже и те человеколюбивые заведения, которые заводят они в городах на счет ограбленных провинций... (Как все-таки это современно, и какая у Гоголя поистине христианская вера в человека!)... Велико незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек человека... **Не полюбите вам людей до тех пор, пока не послужите им...** Потому и любимы так сильно дитя матерью, что она долго его носила в себе, все употребила на него и вся из-за него страдала. Очнитесь! Монастырь ваш — Россия!» Так и хочется увидеть подобный лозунг на очередной предвыборной кампании.*

Духом православного христианства пропитано всё творчество Гоголя, по-

рой и серьёзно-иронически в истинно народном духе:

« — Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в троицу святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать её до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании», — читаем в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1842). Порой трагически-пафосно там же: «А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце прилась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и — сказал: “Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века **Русская земля!**” И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за **святую веру**». Или: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи, пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно **любимая Христом Русская земля!**» Сам язык повести, её художественные образы написаны в стиле древнерусских сказаний и былин. Сравните отрывок из «Слова о полку Игореве»: «Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: “Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзые комони, да позрим синего Дону!”» с отрывком из «Тараса Бульбы»: «Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом весёлый возврат на отчизну с добычей и славой, на вечные пес-

ни бандуристам, или же?..» Та же напевность стиля, обостренность осознания конечности земной жизни, та же трагедийность русского бытия.

Откуда это? Что заставляет русского человека жертвовать собой, во имя чего его постоянная готовность к самопожертвованию, зачем идет он в поход на чужие земли? Ради ли добычи и славы? А за что Тарас Бульба убивает родного сына?

«Так продать? Продать веру? Продать своих? Стой же, слезай с коня!», — вот за что, за Христову веру! Вот для чего использовал Гоголь сюжет давно минувших дней. Это естественная реакция истинно русских писателей на те процессы, которые уже происходят в обществе. На работы Чаадаева, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Творчество Гоголя станет более понятным, если всех его героев условно разделить на «мертвые» души и «живые». Да, живая христианская душа Николая Васильевича Гоголя с безошибочной ясностью видит и отличает души «мертвые» от душ «живых». Так, если циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» — это истории о живых христианских душах, то «Петербургские повести», пьеса «Ревизор» и, конечно, поэма «Мертвые души» — это о душах окаменевших, без признаков жизни. Все эти диканькинские черти, ведьмы, колдуны и бесы — не плод фантазии писателя и не столько персонажи народного фольклора. Это прежде всего художественная материализация человеческих пороков и соблазнов, которые для Гоголя так же реальны, как живые люди, которых одолевают пороки и искушают соблазны, — особенно в «Ночь перед рождеством»:

«Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом

черными смушками, с дьявольски сплетенною плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, приметил ее, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке». При всей вроде бы сказочности сюжета наблюдения весьма жизненные и вполне материальные. Но кроме этого, в начале повести описывается атмосфера предрождественского состояния христианского мира. В ночь перед Рождеством христианская душа подвергается наибольшему искушению. Гоголь и сам, вероятно, был тому свидетелем или испытывал подобное на себе. Но с рождеством Христовым, с первыми колоколами, после исповеди и причастия, происходит обновление христианского мира, люди как бы заново рождаются во Христе, освободившись от грехов прошедшего года. «...Только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчащим на голове... можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу». Как видим, и в реальной жизни черти вполне существуют, только без козлиных бород и рогов. Однако с пьяных глаз видится и не такая чертовщина. Недаром пьянство причислено к разряду грехов, а алкоголь — это дьявольское зелье, лишшающее человека ума. «В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех».

Но это что! То, что пьяницы знают — еще полдела, а вы по-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

попробуйте-ка стать праведником и сделать что-нибудь богоугодное. Вот тут-то вы и почувствуете на себе бесовскую силу. Непростое это дело — быть православным христианином:

«Кузнец был богобоязненный человек и писал часто образа святых: и теперь еще можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, черт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры черт поклялся мстить кузнецу».

Такова жизнь живых душ — насыщенная взлетами и падениями, восторгами и разочарованиями, радостью и страданием, болью и исцелением.

Мертвые же души прозябают в своей окаменелости. Они незыблемы и оттого порой внушительны и монументальны. Но до них не достучаться, не докричаться, сколько ни кричи. Ни вопль, ни плач, ни скрежет зубовой не тронут их, не расшевелият, не заставят обратить на себя внимание. И случайно затесавшаяся среди них живая душа Акакия Башмачкина вынуждена уходить в подполье, заворачиваться в кокон, прятаться в нору, боясь высунуть оттуда свое нежное тельце, чтобы не поранить его об острые, каменистые выступы «мертвых» душ. Но и там до него порой долетают острые осколки и больно ранят, вызывая его искреннее недоумение *«Что же вы меня обижаете?»*. И оставшись в конце концов, один на один со своей бедой, отвергнутый и не услышанный силь-

ными мира сего, вся сила коих заключается в каменной твердости их душ, Башмачкин медленно угасает, превращаясь в тень, призрак, легенду. Но эти бесплотные призраки страшнее еще живых людей. И толпы их будут гоняться за теми, кто своей окаменелой бездушностью пытается отгородиться от живых страданий «маленьких» людей.

В поэме Гоголя «Мертвые души» вообще нет положительного героя, там нет живых христианских душ! Тем интереснее тот факт, что Гоголь, подобно Пушкину и Лермонтову, дает главному персонажу поэмы Чичикову характеристику отрицательную, и так же вынужден говорить об этом прямым текстом:

«Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или телесное пятнышко, тогда беда!..

...А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: “добродетельный человек”; потому что обратили в рабочую лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем чем попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, и остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека. Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!»

Но то ли по привычке, что поэма без героя быть не может, то ли в силу чрезвычайной простоты и доверчивости нашей публики, Чичикова продолжают принимать за доброго малого. А чего, собственно? Человек занимается коммерцией, и все тут. А уж что он там продает-покупает — дело десятое. Словом, у читающей публики по

этому случаю невозмутимость Собакевича, который даже лицом не изменился по поводу предложения Чичикова продать мертвых душ.

Эта несообразность авторского замысла и читательского восприятия объясняется одним из важнейших свойств русской литературы — призывом к покаянию, главнейшим аспектом христианской жизни. Привыкшему к повседневности человеку писатель неожиданно открывает ее с такой стороны, что становятся видны все порочные стороны обыденного существования.

«Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своей действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека... Но не таков удел и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земля... Ему не собрать народных рукописаний, ему не зреть признательных слез и единодушного восторга взволнованных им душ... без разделенья, без ответа, без участия, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество».

— Посмотри, как мы с тобой живем! — говорит писатель читателю. А тот разводит руками:

— Что уж тут поделаешь, коли мы люди и ничто человеческое, особливо мерзость и подлость, нам не чуждо!

— А что, по-другому не можешь?

— Дык!.. Все одно, что содеяно — не воротишь!

— Тогда, брат, давай покаемся в содеянном, осознаем грехи свои, чтобы и дальше так не жить...

Но наше искусство обманывать самих себя достигло совершенства. Мы не станем побивать блудницу камнями. Но не потому, что сами безгрешны, а потому, что взяли и объявили блуд добродетелью. И даже больше. На

что нам вообще это слово «грех»? Для тех, кто хочет «по полной» насладиться жизнью, слово это, как сапожный гвоздь в пироге. Истребить надо все эти нравственные категории, например, сделав мировоззрение «научным». И все. Все кругом только химия да физика. И любовь это только химия да физика. Вот и счастлив человек. Вот вам и человеческое счастье! Но слова нет, а грех-то есть. Многие болезни не видны глазу, особенно в начальной стадии...

Не всем известно, вернее будет сказать — известно лишь узкому кругу специалистов, что одним из главных (сокровенных) своих трудов Н. В. Гоголь считал труд о Божественной литургии. Он работал над ним почти 20 лет и закончил незадолго до смерти. Гоголь хотел сделать это сочинение народным и пустить в продажу по малой цене, без своего имени, единственно ради поучения и пользы всех сословий. Оно вышло после смерти писателя под названием «Размышления о Божественной литургии» и содержало следующие главы: Предисловие, Вступление, Проскомидия, Литургия оглашенных, Литургия Верных, Заключение.

Глава «Вступление» начинается следующими словами:

«Божественная литургия есть вечное повторение великого подвига любви для нас совершившегося. Скорбя от неустроений своих, человечество отовсюду, со всех концов мира, взывало к Творцу своему — и пребывавшие во тьме язычества и лишенные боговедения, слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире только Тем, который в стройном чине повелел двигаться мирам, от Него созданным».

Если двойственность творчества Н. В. Гоголя обуславливается самой концепцией его подхода к жизни, то есть видением им этой двойственности — существования «мертвых» чиновничьих душ и «живой» народной души, то двойственность и даже тройственность толкований произведений **Александра Николаевича Островского**

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

(1823—1886) происходит исключительно от желания светской критики видеть и находить в произведениях то, чего там вовсе нет. Это происходило и происходит не только от обычной предвзятости и исключительной способности секулярного сознания к самообману, но во многом от духовной необразованности, неразвитости и невежества. Подчеркиваю, именно *духовной*, а не просто гуманитарной. Хотя именно секулярная критика и философия, как никакая другая, любит рассуждать о «свободе» духа, об «эмансипации» сознания и воли человека.

Особенным предметом духовных и идеологических спекуляций у секулярной критики являются ранние произведения авторов, нередко отличающиеся остроумием и легкостью стиля, но в то же время максимализмом, односторонностью подхода к теме и поверхностным ее освещением. Хочу обратить на это внимание молодых и начинающих литераторов. Мало кто из писателей XIX века, начиная с Пушкина и Лермонтова, и многих писателей XX века избежал покаянных признаний в ошибочности раннего периода своего творчества. Но каяться особо не в чем, так как для того, чтобы произведение твое заметили, нужно непременно угодить светской публике и критике, которые считают своим долгом находиться в оппозиции власти — как светской, так и духовной — по якобы «демократическим» соображениям и исходя из «свободы» личности. Но при этом они ставят себя автоматически и в оппозицию народу, при всем их «радении» о народной судьбе.

Таким произведением, нередко толкуемым критикой превратно с самого начала его выхода, стала пьеса А. Н. Островского «Гроза» (1859). Пьеса настолько же неоправданно возносимая критикой, насколько вызывающая искреннее недоумение читателей и зрителей чрезмерным своим пафосом, вложенным в нее не столько автором, сколько критикой, вместо уместной здесь трагедийности, создающей скорее среду для появления

анекдотов — в обыденном шутовском смысле. Судите сами. Добролюбов называет главную героиню пьесы Катерину «лучом света в темном царстве». Давайте обратимся к тексту пьесы и посмотрим, откуда сей «луч» излучается. Характер человека и свойства его личности закладываются в детстве. Вот что рассказывает о своем детстве Катерина:

«Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Выглядит вполне заманчиво и соблазнительно: забот никаких, работать не нужно и есть долгожданная «свобода» — делай что хочешь — мечта демократа. Что же делает Катерина? Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много, много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы, — у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать, где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было! Еще бы, замечательное девичье существование в купеческой среде в ожидании замужества, которое (а это ошибка не только героини Островского) должно было принести абсолютное счастье. Но такое существование, которое вполне можно назвать «растительным», никак не тянет на «луч», разрезающий мрак жизни. Даже посещение церкви вызывает в Катерине только состояние экзальтации. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый

столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. Глубочайшей ошибкой является толкование подобного состояния как «типичного» состояния верующего человека, и что именно таким должно быть отношение верующего к церкви и молитве. Такие опасные и вредные, с точки зрения христианской веры, экстатические состояния на языке православия называются «прелестью» и считаются недопустимыми и не менее вредными, чем ересь. Дальнейшее поведение Катерины тоже можно внешне принять за проявление глубокого верования. *А то, бывало, девушка, ночью встану, — у нас тоже везде лампадки горели, — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего я просила, не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно.* Такие истерические состояния, как и состояние религиозного экстаза, Православная церковь не только не приветствует, но она строжайше предостерегает от впадения в них как от своего рода кликушества. И потом, у православного верующего не может быть всего довольно. То есть он благодарен Богу за те материальные блага, которые имеет, независимо от их количества, но при этом он понимает все несовершенство своей духовной жизни, ибо «блаженны нищие духом»³ — то есть люди, испытывающие постоянный духовный голод.

Состояния психической неуравновешенности главной героини не только не имеют никакого отношения к православной вере, но и дискредитируют ее и извращают ее смысл, уводя во внешнюю атрибутику и приводя к психическим заболеваниям, о проявлении которых свидетельствует сама героиня. *А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не*

такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да не то. Различные видения, воспринимаемые за «откровения» о неземной жизни, звучание потусторонних голосов — все это признаки начинающихся душевных заболеваний и расстройства психики. Если Островский и пытался в противовес сложившемуся сословно родовому гнету и родительскому диктату, доходящему до волюнтаризма и самодурства, жестким родовым отношениям, сложившимся в специфической купеческой среде, создать образ чистой, возвышенной женщины, которую эта среда «заедает», то приемы, используемые им, крайне неудачны. Отчего потоги критики представить главную героиню пьесы «Гроза» в таком ракурсе чреватых последствиями: негативной реакцией публики от деликатного недоумения до откровенной анекдотичности. Другое дело — если рассматривать «Грозу» как драму человека, поверхностно воспринимающего православную веру, человека духовно непросвещенного и оттого поддающегося соблазну. Текст самой пьесы и монологи главной героини вполне реально свидетельствуют об этом. *Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие.* Лукавый — вот и все резюме. Это ответ на причины разворачивающейся трагедии. *И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! (чего и ждать от лукавого). Ночью, Варя, не снится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует.* (Здесь Островский очень точен в описании состояния соблазна). *Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо*

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...». Что уж тут фантазировать, какой луч света? Что же «осветил» нам этот луч? Натуру психически неуравновешенную, не приученную толком ни к какому труду, — ни к физическому, ни к духовному. Заменяющую духовную работу впадением в опасные беспочвенные мечтания и бессмысленные грезы, то, от чего православный верующий просит в молитвах Господа избавить его: «И избави мя, Господи, от помыслений суетных, оскверняющих мя, и от похотей лукавых» (молитва 1-я св. Макария Великого к Богу Отцу), «...и соблюди нас от всякаго мечтания, и темные слasti...» (молитва 6-я св. Макария Великого к Богу Отцу), «Господи, избави мя от всякого искушения. Господи, просвети мое сердце, еже помрачи лукавое похотение» (молитва св. Иоанна Златоуста). Лукавый искушает Катерину — это совершенно очевидно — и инструментом в его руках служит ее невестка Варвара, подталкивающая Катерину к грехопадению. Но при этом возникает величайший соблазн спутать православную веру с суевериями, к которым склонна главная героиня «Грозы». Поведение и мировосприятие Катерины мало чем отличаются от образа мышления окружающих ее свекровь Кабанову, олицетворяющую вместе с купцом Диким «темное царство». Так, странница Феклуша скорее пародия на богомольную странницу, рассуждающая вроде со знанием дела, но несущая подчас полную ахинею: «Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то!.. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!.. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну, так что ж! По не-

мощи моей Господь посылает... Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слышать — много слышала... А то есть еще земля, где все люди с песьими головами». Какая уж тут праведность. Говорить так о самом себе вообще недопустимо. Никто из великих подвижников и святых при жизни не позволял себе говорить о собственной праведности или святости.

Очевидно, что банальный конфликт поколений, из-за чрезмерной эмоциональной насыщенности, допущенной автором, и как следствия этого смещения смысловых акцентов, критика раздула до социального конфликта.

В силу недюжинного таланта драматурга все происходящее описано им с потрясающей психологической достоверностью. Островский очень точен в изображении природы соблазнов и подпадания человека под их власть. Так что независимо, верующий ли человек читает его пьесы или вовсе нет, одинаково верит и тот и другой. Но только вера позволяет разобраться в причинах неустойчивого состояния Катерины и дать им однозначную оценку. Самоубийство главной героини так же неизбежно, как и заранее предсказуемо. Кто считает, что это лишь следствие безвыходности из-за условий социальной среды и предательства любимого человека, пусть вспомнит роман «Анна Каренина». «Там, — возразят, — тоже среда». Да, рассуждая так, и принародное раскаяние Катерины относят к ее слабости. То есть не нужно было сознаваться, а жить в обмане, и все. Интересно бы посмотреть на судьбу литературного произведения, которое станет утверждать в российской культуре подобный статус. Беда в том, что раскаяние Катерина принесла принародно. В православной практике подобное исключается. Человек кается в своих грехах Господу, хотя и перед лицом священника, но отпускает грехи не священник, а Бог. Перед исповедью же кающийся в грехах просто просит прощение у всех, но не взваливает свои грехи на чужие плечи.

Таким образом, «Гроза» — это великолепная иллюстрация того, как лу-

кавый заманивает человека в свои сети, опутывает его ими, так что в конце концов приводит ставшего на неверный путь и окружающих людей в безвыходное положение.

Конечно, со временем Островский не мог не осознать глубину противоречий, содержащихся в замысле произведения и его восприятия критикой и публикой. Не случайно спустя девятнадцать лет вышла из-под его пера «Бесприданница» (1878), более сердечно принятая публикой за достоверность и жизненность. В «Бесприданнице» рассматриваются непреходящие вопросы нравственности, власти денег над человеком, превращения человека в живой товар, попрание в мире «чистогана» законов морали, превращения духовных отношений в отношения купли-продажи. Не случайно в наши дни «Бесприданница» вновь обрела актуальность и нашла живой отклик у публики. В то время как «Гроза» так и остается ярким, громогласным, высокохудожественным протестом, но мы так и не определились до сих пор — чему?

Основная черта «новой» русской литературы: обличая все отрицательные стороны русской жизни, она, тем не менее, не спешит превозносить ценности западного типа. Потому что в основе этой литературы подспудно лежат православные духовно-нравственные ценности, но которых она как бы «стыдится» и пытается подать их «завуалированно», «европеизировав» и «цивилизовав». В результате чего и возникает нигилизм, то есть отрицание всего.

В романе **Ивана Александровича Гончарова** (1812—1891) «Обломов» (1859) «выведен» «новый» человек Андрей Иванович Штольц — немец по крови, но родился и воспитывался в России, в деревне — явный опыт духовной «селекции» в литературе, смесь русской народной духовности и западной «деловитости». Сам роман, еще недавно трактованный как обличение «русского национального» безделья, на самом деле — философское осмысление

русского национального характера, особого нравственного пути, противостоящего всепоглощающей суете «прогресса» — читай идеологии потребительства. Хотя Штольц помогает Обломову в конце концов наладить хозяйство, чтобы снова кушать семгу, рябчиков и белые булки с «кофием», но вся идеология деятельности Штольца основывается на убеждении, что нужно же что-то делать. Теперь представьте себе, что Обломов стал ходить в церковь, поститься и причащаться и исполнять заповеди? Жизнь его неминуемо приобрела бы иной смысл и другое направление. Занятие собственным хозяйством и работа о состоянии жизни крестьян стали бы для него естественным образом жизни. Штольц не только бы перестал быть нужным, но и вовсе бы исчез за границей российской империи как элемент чужеродный. Вот она, тайна загадочного героя Гончарова, над которой почти сто пятьдесят лет ломают головы «критические» умы. Но секулярная публика видит только то, что желает...

И теперь уже борьба с чиновничье-бюрократическим аппаратом воспринимается как борьба с самодержавием — якобы источником порождения этого аппарата. Современный нам опыт доказывает, что единственным средством борьбы с бюрократической машиной является твердая самодержавная власть, опирающаяся на круг единомышленников. Вот этих-то единомышленников и становилось все меньше. Оппозиция стала модна, всегда удобна, «прогрессивна» и в умеренной форме — ненакладна, и главное — ни к чему не обязывала. Достаточно просто поругивать власть или ворчать в ее сторону, а то и просто рассказать «политический» анекдот и можно слыть «передовым» человеком.

Итак, самодержавный, «прогнивший» строй обличен. Перед русской литературой встала нелегкая задача описать общество и людей «нового» типа. Попытка описать такого героя была в романе **Ивана Сергеевича Тургенева** (1818—1883) «Отцы и дети» (1862).

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Силами художественной литературы создавалась «новая» идеология грядущего общества. «Новая» система духовно-нравственных ценностей — это на самом деле «новая» вера с «новыми» кумирами. А «новые» боги, как и прежние, требуют жертвоприношений. И жертвой такой стало русское дворянство — как класс. Причем, в отличие от ветхозаветного Авраама, оно само себя отдало на заклание, совершая великое самонасилие над собственной природой. В этом аспекте показателен роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859). Как для многих произведений того времени, посвященных теме «нового» поколения, здесь сочетается глубокий (благодаря великому таланту автора), не побоюсь сказать, **православный** реализм, с вопиющим самообманом в жанре фантастики. Основной замысел романа — уход старого «искалеченного» (термин Тургенева) поколения дворян и появление на исторической сцене «нового», «здорового» поколения, под которым подразумеваются уже появившиеся «разночинцы», способного так обустроить жизнь в России, что все будет непременно разумно, высокоразвито и, главное, высокодуховно...

Роман И. С. Тургенева после своего выхода был высоко оценен критикой, не только русской, но и зарубежной. И это очень... странно. Роман действительно великий, образчик богатства и разнообразия форм и оттенков русского языка, легкости стиля, тургеневские описания природы — объективно высокохудожественны и выпукло реалистичны, не оставляют равнодушным даже самые «непоэтические» натуры. Они органично вплетены в цепь повествования, не вызывая досадных «спотыканий» при чтении, но гармонично дополняют сюжет романа. Но ведь критика XIX в. восхищалась не столько тургеневской природой, сколько идейностью романа. А даже беглого прочтения достаточно, чтобы понять, что никаких разночинцев в романе нет. Мелькает какая-то не вызывающая симпатий фигура Михалевича — бывшего товарища по университету глав-

ного героя романа Лаврецкого, который изрекает некие откровенно абсурдные формулы вроде: «*Религия, прогресс, человечность!*» и над которым сам автор, будучи человеком искренним и правдивым, явно иронизирует, понимая всю расплывчатость данного лозунга, истолковать который можно как угодно. Зато с первых же страниц выявляется личность молодого, но очень способного чиновника Паншина. Вот тут действительно Тургенев зрит в корень и буквально на двести лет вперед. Чиновник, преемник бояр, — вот кто был в России реальным вершителем судеб и будет в грядущем абсолютным властителем. Кто не гнушается ни воровством, ни предательством, для которого народ — не более чем «полезное ископаемое», способное к репродуктивности.

Камер-юнкер Владимир Николаевич Паншин образ собирательный, но необычайно реальный: «*ловок — не хуже отца, говорит по-французски прекрасно, по-английски хорошо, по-немецки дурно — так и следует*», резюмирует автор, *порядочным людям стыдно говорить по-немецки*». Из дальнейшей характеристики следует, что г-н Паншин: «Верил в свой ум и свою проницательность, в душе холоден и хитер». Что скажешь? Такой тип даже сегодня не породит сочувствия. Тургенев же, как и ранее А. С. Пушкин оградил Татьяну от Онегина, демонстративно не выдает свою героиню Елизавету Михайловну Калитину за Паншина, поскольку она не может в силу своей природы полюбить такого человека и этим символично перечеркивает его как перспективное явление. Именно как чиновника «нового», либерального (!) образа мышления. Елизавета Михайловна — очевидно, «символ» «патриархальной» и «богомольной», уходящей России, того святого, что еще недавно было смыслом существования целого народа. И насколько идеалы эти духовно «выше» тех, что идут на смену! Этим автор опровергает то, за что превозносит роман либеральная публика, — парадокс! Светский читатель имеет удивительную способность

во всем видеть только то, что нынче «в моде», — вопреки очевидной правде. А персонаж романа, олицетворяющий старую эпоху, — Сергей Петрович Гедеоновский выглядит куда безобиднее, и только обоснует появление таких паншиных: *«Да кто нонеча не хитрит? Век уж такой. Один мой приятель, преподаватель и, доложу вам, не малого чина человек, говаривал, что нонеча, мол, курица, и та с хитростью к зерну приближается — все норovit как бы сбоку подойти»*. Хитрость — грех (это мнение автора), и век вот какой наступает — на это автор указывает сам (!), но закрывает глаза и пытается нас уверить, что на смену идет «замечательная» молодежь. Но ведь, кроме того же Паншина, другой молодежи, одержимой «кардинальными передовыми идеями», в романе нет, потому что ее и в действительности не было и нет, ведь нигилизм не может быть прогрессивен — здесь Тургенев так же реалистичен. Вот центральный монолог Паншина: *«Россия, — говорил он, — отстала от Европы; нужно подогнать ее. Уверяют, что мы молоды, — это вздор; да и притом у нас изобретательности нет, сам Хомяков признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали. Следовательно, мы поневоле должны заимствовать у других. Мы больны, говорит Лермонтов, — я согласен с ним: но мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами... Все народы в сущности одинаковы; вводите только хорошие учреждения — и дело с концом. Пожалуй, можно приноровиться к существующему народному быту; это наше дело, дело людей... служащих; но, в случае нужды, не беспокойтесь: учреждения переделают самый этот быт»*. — Страшные слова, не менее страшные, чем пророчества Ф. М. Достоевского, которые все как одно сбылись! Сбылось и это! Как отдает это сегодняшним «глобализмом» в самом худшем смысле этого слова — как явлением, отрицающим особенности национального характера и истребляющим национальную культуру! Гениальная Тургеневская прозорливость! Глас, брошенный через столетие.

И вот как этим «новым» людям возражает Тургенев словами главного героя Лаврецкого: *«Он доказал ему невозможность скачков и надменных переделок с высоты чиновничьего самосознания — переделок, не оправданных ни знанием родной земли, ни действительной верой в идеал, хотя бы отрицательный... Требовал прежде всего признания народной правды и смирения перед нею — того смирения, без которого и смелость противу лжи невозможна»*. И далее, что важно, Тургенев предлагает один из способов обустройства страны — не самый оригинальный, но самый реальный:

«Все это прекрасно! — воскликнул наконец раздосадованный Паншин, — вот вы вернулись в Россию — что же вы намерены делать?»

— Пахать землю, — отвечал Лаврецкий, — и стараться как можно лучше ее пахать.

— Это очень похвально, бесспорно, — возразил Паншин, — и мне сказывали, что вы уже большие сделали успехи по этой части; но согласитесь, что не всякий способен на такого рода занятия.

— Une nature poetique (поэтическая натура — фр.), — заговорила Мария Дмитриевна, — конечно, не может пахать...et puis (и потом — фр.), вы призваны, Владимир Николаевич, делать все en grand (в крупном масштабе)».

Мария Дмитриевна Калитина, как мы помним, — мать Лизы. Соответственно — старшее поколение, поколение, требующее кардинальной замены в силу собственной несостоятельности. Однако она поддерживает Паншина, да еще такими типичными либерально-псевдоинтеллигентскими аргументами. Здесь сарказм самого Тургенева доходит до верхних пределов. А слова Лаврецкого *«как можно лучше пахать»* — очевидный намек на земельную реформу. Совершенно логично, похоже, вопреки замыслу самого автора, Лиза Калитина и есть то самое молодое поколение, способное возвеличить Россию. Вот ее реакция на слова Паншина: *«... вся была на стороне Лаврецкого... самонадеянный тон*

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

*светского чиновника... ее от-
талкивал; его презрение к Рос-
сии ее оскорбило. Лизе и в голову не при-
ходило, что она патриотка; но ей было
по душе с русскими людьми...»*

Ее уход в монастырь в конце рома-
на — это не результат ее пассивности
и бессилия, а реалистичность взгляда
Тургенева на быстроизменяющиеся
жизненные идеалы общества. Он про-
сто не в состоянии представить Лизу в
обществе «будущего». Чтобы оправдать
уход Лизы в монастырь, Тургенев, по
совету П. В. Анненкова, вставил в ро-
ман целую главу о детстве Лизы и ее
воспитании. Павел Васильевич Аннен-
ков (1813—1887) — российский лите-
ратурный критик, мемуарист, пред-
ставитель эстетической критики, подго-
товивший **первое научное** издание
сочинений А. С. Пушкина! Но даже
после этого Анненков увидел в «само-
отречении» Лизы проявление **ущербно-
сти** ее натуры. Реакция Тургенева была
однозначной — при литературной прав-
ке романа он уделил большое внима-
ние прояснению своей позиции. Жиз-
ненный путь Лизы весьма продуман и
обоснован автором. Образ ее правдив
и натурален. В положительном смыс-
ле типичен как иллюстрация духовной
жизни русского народа. Точно, реали-
стично и правдиво описанная Турге-
невым в романе жизнь Лизы Калитиной
говорит о нем как о великом знатоке
русской жизни вообще, и в частности —
русской культуры и русской истории.
В итоге, позже выступая в защиту ро-
мана, видимую «покорность» судьбе
Лизы и «благочинную нравственность»
критик П. В. Анненков толкует иначе:
*«Кто из поклонников Лизаветы Михай-
ловны заметил, что в нежную, грациоз-
ную и обаятельную форму ее облеклись
такая **строгая и нежная идея**, какая
часто бывает не под силу и более разви-
тым и крепким мышцам?»* Ее уход —
более свидетельство о серьезной болез-
ни общества, чем покорное отречение
от радостной жизни. Вот что мы име-
ем в итоге!

И Лаврецкий, и Лиза — герои от-
кровенно положительные. Несмотря
на их кажущуюся «беспомощность»,

«излишнюю» мягкость, «чрезмерное»
«самокопание», они, несомненно, вы-
зывают симпатию у читателя, впрочем,
у людей, вульгарно понимающих «сми-
рение», возможно, и иронию и даже
раздражение. Положительные — не
только потому, что положительнее их
в романе никого нет, но потому, что
только к ним сам автор испытывает
полную искреннюю симпатию, и в ре-
альной жизни наблюдается явное от-
сутствие чего-либо более положитель-
ного. Поэтому ни Тургенев, ни крити-
ка не способны ясно описать «новое»
«лучшее» поколение, которое они толь-
ко «предчувствуют» и восхищаются.
Этот литературный прием «восхище-
ния» и «предчувствия», одновременно
с обличением «старого», стал не только
основным художественным приемом в
«новой» литературе, но и массовым и
наиболее «прогрессивным». Н. А. Нек-
расов (1821—1878), А. Н. Островский
(1823—1886), М. Е. Салтыков-Щедрин
(1826—1889), А. П. Чехов (1860—1904),
А. И. Куприн (1870—1938) и М. Горь-
кий (1868—1936) в наименее талант-
ливых произведениях и статьях —
просто переходят в ругань и огульное
поношение всего национального ис-
конно русского. И порождают, в силу
своей деструктивности, другой быстро
распространяющийся прием — *суевер-
ный мистицизм* с добавлениями ок-
культизма, язычества, «богоискатель-
ства», и сотворением кумиров... из за-
падных философов: Фридриха Ницше,
Зигмунда Фрейда, Карла Маркса...
*«Вольтер, Дидерот, Руссо и Рейнальд,
Гельвеций. Пятьдесят лет тому назад.
Мы и теперь не доросли до них...»* — за-
мечает автор романа по ходу повество-
вания. Но замечание это не более чем
дань моде и «книксен» в сторону свет-
ской критики. Это нельзя не заметить
по тому, как иронично описывает Тур-
генев «европеизацию» наших соотече-
ственников на примере отца Лаврец-
кого Ивана Петровича: *«Разлука с же-
ной (Маланьей — из дворовых девушек)
не очень пугала его; его бы скорее сму-
тила необходимость постоянно жить с
женою»* — таков его жизненный прин-
цип — в свое время тоже человека «но-

вого» поколения, стремящегося скорее перенять западную «культуру». Каков же результат этой европеизации? *«Иван Петрович вернулся в Россию англома- ном, — далее автор с большим юмором поясняет, что это значит: — Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков, кислое выра- жение лица, что-то резкое и вместе равнодушное в обращении, произношение сквозь зубы, деревянный внезапный хо- хот, отсутствие улыбки, исключитель- но политический и политико-экономи- ческий разговор, страсть к кровавым ростбифам и портвейну — все в нем так и веяло Великобританией; весь он ка- зался пропитан ее духом...»* — Крайне правдоподобное описание, что-то это очень напоминает...

Итак, теперь Иван Петрович совер- шенно готов к реформаторству в Рос- сийской глубинке: *«... Он называл себя патриотом, хотя Россию знал плохо, не придерживался ни одной русской привыч- ки и по-русски изъяснялся странно: “ока- зать новые опыты самоусердия”, “сие не согласуется с самою натурою обстоя- тельства» и т. д.»*. Какие же реформы он проводит? Соответствующие его статусу — реформы в «абсолютно» «ан- глийском» духе: *«Приживальщики и тунядцы подверглись немедленному из- знанию; в числе их пострадали две ста- рухи, одна — слепая, другая — разбитая параличом, да ещё дряхлый майор оча- ковских времен, которого, по причине его действительно замечательной жадно- сти, кормили одним черным хлебом да чечевицей. Так же вышел приказ не при- нимать прежних гостей. Появились но- вые мебели из Москвы; завелись плева- тельницы, колокольчики, умывальные столики; завтрак стал иначе подавать- ся... людям пошили новые ливреи; к фа- мильному гербу прибавилась надпись: «In recto virtus...» («В законности — добро- детель» — лат.)... Что же до хозяйства, до управления имениями... — все оста- лось по-старому, только оброк кой-где прибавился, да барщина стала потяже- лее, да мужикам запретили обращаться прямо к Ивану Петровичу. Патриот очень уж презирал своих сограждан», —*

а стало быть, и все русское. Великолепное по своей точ- ности наблюдение, которому нынче без малого сто пятьдесят лет: презре- ние ко всему русскому — вот основная черта наших «патриотов», «революци- онеров» и «реформаторов». Очень вер- но Тургенев показывает, чем заканчи- вают эти «реформаторы»: *«Иван Пет- рович вдруг захилел, ослабел, опустил- ся; здоровье ему изменило. Вольнодумец — начал ходить в церковь и заказывать молебны; европеец — стал париться в бане...»* Все вернулось на круги своя. И не потому, что «болото» русской повседневности затягивает, а потому, что в устройстве русской жизни — не- мало практического смысла, в который нужно основательно вникнуть, пре- жде чем что-то менять. Соответственны и наблюдения за отцом — сына Феди: *«И прежде замечал разладицу между словами и делами отца, между его ши- рокими либеральными теориями и чер- ствым, мелким деспотизмом»*. Став ино- родным телом в российской действи- тельности, Иван Петрович все больше деградирует, становится «совершенной тряпкой и плаксивым человеком... Он молился и роптал на судьбу, — совер- шенно не по-христиански, не по-рус- ски — так чего же он ждал, какой по- мощи? — Твердил, что ни во что не ве- рит, молился снова».

Воспитанный отцом Федор Ивано- вич Лаврецкий — внучатый племянник М. Д. Калитиной, получивший имя в честь святого мученика Феодора Стра- тилата (случайно ли?), называет себя и свое поколение «покалеченным». Вот картина из его детства до появления отца из-за границы: *«В низкой комна- те пахнет гераниумом, тускло горит одна сальная свеча, сверчок трещит од- нообразно, словно скушает, маленькие часы торопливо тикают на стене, мышь украдкой скребется и грызет за обоями, а три старые девы, словно пар- ки, молча и быстро шевелят спицами, тени от рук их то бегают, то странно дрожат в полутьме, и странные, так- же полутемные мысли роятся в голове ребенка»*. Вряд ли это может быть опи- санием «картины русской жизни».

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Картины «повседневной скуки», «бездуховности», «бессмысленности» существования. Обывательский быт всегда выглядит малоромантически и вполне рутинно. Замените «тусклую свечу» электрической лампой, трех дев телевизором или компьютерным монитором, на экране которого бегают солдатики и «виртуально» уничтожают друг друга, взрывая и разрушая все вокруг. Будет ли отличие? Небольшое и не в лучшую сторону. И автор сам подтверждает это, описывая появление новоиспеченного «англомана», берущегося за воспитание сына в «спартанском» духе, что заключалось в одноразовом питании, хождении с голыми коленками и выработке презрительного отношения к женщинам. *«Горе сердцу, не любившему смолоду!»* — заключает автор по поводу такого воспитания. Но при всем этом ни «англоман», ни сам Тургенев не отрицают невинность и христианскую непорочность. До полного нравственного падения в романе доходят только две фигуры: чиновник Паншин в своем монологе, приведенном выше, и бывшая супруга Федора Ивановича Лаврецкого Варвара, изменившая мужу. Образ Варвары Павловны в романе далеко не случаен. Это, прежде всего, сильное духовное испытание, через которое проводит автор своего героя, из которого тот после многих страданий и душевного кризиса находит вместе с автором романа единственный верный путь — возвращение на Родину. Радение о судьбе России — вот что заключается в словах Федора Лаврецкого *«как можно лучше пахать землю»*. До этих событий, связанных с женитьбой, Федор Иванович, получивший наследство, *«счастливо играл в карты, заводил знакомства, участвовал во всевозможных увеселениях, словом, плыл на всех парусах»*.

Но на этом его испытания не окончены. Теперь Варвара Павловна становится непреодолимым препятствием между Лаврецами и Лизой. Тургенев ведет своего героя почти к аскетизму. Не допускается даже мысль о возможности какой-либо внебрачной связи

главного героя. Можно утверждать, что Лаврецкий во многом схож с Левиным — героем романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Только Левин не проходит столь серьезных испытаний, а потому менее «реален» и правдив, хотя более близок к «идеалу». Но «сверхидеей» появления в романе Варвары Павловны, про которую говорят: *«Да-с, да-с. Ведь она, говорят, и с артистами, и с пиянистами, и, как там по-ихнему, со львами да со зверями знакомство вела. Стыд потеряла совершенно...»*, — является противопоставление её Лизе Калитиной. Образ Варвары — образ антигероя и противопоставление образу Лизы, не противоборство «добра» со «злом», а определение «добра» и «зла». Кроме того, это еще сравнение морали и нравственности города и деревни; Варвара жила в Москве, Лиза — родилась и воспитывалась в деревне. Силой своего таланта Тургенев чувствует, что настали времена, когда людям пора объяснять прописные истины. Пора снова говорить, что такое — хорошо и что такое — плохо. Каким же образом изображает Тургенев падение жены Лаврецкого? Варвара, воспитанная в духе полнейшей беспринципности, выходит за Лаврецкого только потому, что ей подвернулась «удачная» партия в виде молодого богатого помещика. Опять же — и родители советуют, мечтая пожить в собственном поместье. Краткую, но точную характеристику дает Тургенев отцу Варвары Павлу Петровичу Коробьину: *«дома ел умеренно, а в гостях за шестерых»*. Смерть первого ребенка Варвары и Федора вызывает сочувствие и жалость. Но каким же образом выходит Варвара из кризисного состояния? Легкомысленным поведением, романами на стороне. И лучшим местом для ее падения Тургенев выбирает, конечно же, Францию — законодательницу мод, Париж. Только во Франции подобные отношения могут выглядеть как фарс, как дурацкие куплеты «Старый муж, грозный муж...». В России же того времени (а нашего?) это была бы трагедия с множеством несчастных судеб, такая, например, как

«Анна Каренина». Не случайны и замечания Тургенева по поводу Франции и французов: *«Наглый и низкий, как все дуэлисты и битые люди»*, — это про m-г Joles — журналиста. Девица Моро/из Парижа — воспитательница Лизы (помимо Марфы Тимофеевны): *«Вследствие ли легкомысленно проведенной молодости, от парижского ли воздуха, которым надышалась с детства, — в ней гнезилось что-то вроде всеобщего дешевенького скептицизма, выражавшегося обыкновенно словами: “Tout la c’est des betises (все это глупости)”»*. Сравните это с характеристикой Марфы Тимофеевны Пестовой — Лизиной тетушки, из чувства собственного достоинства прожившей 10 лет в курной избе у мужика, — женщины, которой доверяет Лиза свои секреты: *«С Настасьей Карповной Марфа Тимофеевна свела знакомство на богомолье, в монастыре; сама подошла к ней в церкви (она понравилась Марфе Тимофеевне за то, что, по ее словам, очень вкусно молилась)»*. Марфа Тимофеевна нашла на улице собачку Роску и девочку Шурочку (выкупила у отца пьяницы) и воспитывала. А как рассуждает сам Лаврецкий по поводу измены жены: *«Он не понимал, что заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и как могла она, зная себя неверной, быть по-прежнему спокойной, по-прежнему ласковой и доверчивой с ним!»* — мнение не только Лаврецкого, но и самого Тургенева, — *«Ничего не понимаю!»* — шептали его засохшие губы». Для современного искушенного читателя звучит, может быть, наивно, но и в наше время человек испытывал бы те же чувства в подобной ситуации. Это только в современных, так называемых «французских» романах возможна счастливая совместная жизнь втроем в различных вариантах. На деле же все оборачивается тяжелейшей трагедией. Все кажется прекрасным только вначале. И настоящие французы в XIX в. — вроде Юстава Флобера (1821—1888), создавшего «Мадам Бовари» (1857), держались того же мнения. Можно отвергать мистическую сторону человека, его божественное начало, оставляя лишь

животное. Но только умственно, в душе же человек остается прежним и потому страдает, нанося себе непоправимый вред.

Зато как говорится в романе о России: *«Великая Россия — золотое дно для артистов»*, *«Москва — город хлебосольный, рада принимать встречаемых и поперечных, а генералов и подавно...»*, *«Врожденное всем русским добродушие»*, *«Русский человек боится и привязывается легко: но уважение его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому»*. И даже Марья Дмитриевна, мать Лизы, говорящая по-французски и рассуждающая о Лаврецком подобным образом: *«Марья Дмитриева с неудовольствием посмотрела ему вслед и подумала: “Экой тюлень, мужик! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему верной”*. «Мужик» — в данном случае для Лаврецкого это комплимент. Её уже коснулся «ветер перемен», для неё уже безнравственность — это свобода, свобода — греха. Тем не менее она замечает: — *Сливки у нас славные, не то что в лондонах и парижках»*. Один только положительный иностранец во всем романе — учитель музыки Христофор Федорович (Христофор Теодор Готлиб Лемм), в чью сторону Тургенев делает легкий поклон: *«Живое воображение и смелость мысли доступны одному германскому племени»*. Не случайно, что и Лемму — этому осколку старой Европы — не нравится Паншин. Он не выносит его органически, просто «чуя» в нем недоброе. Но и он давным-давно распрощался со своей родиной и уже оставил мечты вернуться. И его хоть и милая и трогательная персона, сочиняющая песни в высоком стиле вроде духовной кантаты: *«Только праведные нравы»*, в итоге лишь вызывает улыбку, пусть и добрую.

А кто же все-таки такой Лаврецкий, которого противопоставляет Тургенев грядущей безбожной, а значит, безнравственной идеологии мировой чиновничье-финансовой олигархии? Прежде всего, Федор Иванович Лаврецкий — потомственный дворянин! Да, тот самый класс, который приносится в «жертву»

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«новому» либеральному «божеству». Удивительная противоречивость между идеей романа, задуманного Тургеневым, и реальной жизнью, которую он старается описать реалистично, что позволяет ему сделать его православное мировосприятие. Это противоречие и двойственность тоже характерны для русской литературы XIX — начала XX в. Несмотря на всю «искалеченность», Лаврецкий во всем проявляет себя как человек православной морали и культуры. Не случайно в романе мать Лаврецкого — простая девушка Маланья. Вот уж кому с искренней неподдельной симпатией относится автор, к ее смирению и безропотности, покорности судьбе, к её незаметной тихой жизни и такой же безропотной смерти: *«терпеливое недоумение и постоянная кротость смирения... Так кончила свое земное поприще тихое и доброе существо, Бог знает зачем выхваченное из родной почвы и тотчас же брошенное, как вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало без следа...»* Лаврецкий с трепетом относится к православной вере и всему, что связано с ней. Узнав, что Лиза идет к обедне, он просит ее помолиться и за него, но как бы слегка стыдясь: *«Лаврецкий всходил на крыльцо калитинского дома. Ему навстречу вышла Лиза в шляпке и в перчатках.*

— Куда вы? — спросил он ее.

— К обедне. Сегодня воскресенье.

— А разве вы ходите к обедне?

Лиза молча, с изумлением посмотрела на него».

Но очевидно, что это один из тех эпизодов, во время которых и зарождается его любовь к Лизе. Описывая посещение Лаврецким церкви, Тургенев ясно дает понять о его искреннем серьезном отношении к вере. Но тут же, словно устыдившись, замечает, что в церкви только старуха, молящаяся на коленях, и странный мужик со странным выражением лица, у которого, оказывается, умер сын. В этом эпизоде, скрывающем «стыдливостью» от возникающего благодатного чувства, рожденного под влиянием атмосферы православного храма, и автор, и его герой

очень похожи на А. И. Куприна и его «паньча» из повести «Олеся». Тот тоже «стыдится» быть «совсем» верующим. Но Тургенев, как искренний человек и писатель-реалист, постоянно выдает себя. Посмотрите, сколько печального сарказма в этом фрагменте: *«Марья Дмитриевна... крестилась изнеженно-небрежно, по-барски — то оглядывалась, то вдруг поднимала взоры кверху: она скучала».* Зато какое трепетное отношение автора к «богомольной» Лизе: *«Лиза покраснела», «Лиза смутилась»... «Но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошел в ее девическую, чистую комнату».* Лиза отличается истинной христианской добродетелью — она трудолюбива. Не обладая одаренностью талантами, хорошо училась и играла на фортепиано. Лиза не может понять (!) разрыв Лаврецкого с женой — зачем жениться, если разводятся? Когда появляется жена Лаврецкого Варвара, которую считали умершей, Лиза считает, что ей — Лизе — «поделом» и даже мысленно винит себя перед ней. А какое глубокое понимание смысла жизни православного человека:

«Да, я за вас молилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не говорите легко об этом...». «Христианином нужно быть, — заговорила не без некоторого усилия Лиза, — не для того, чтобы познавать небесное...там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть...»

— Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю, я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на вас теперь: у вас такое веселое, светлое лицо, вы улыбаетесь...» Вот позиция православного человека — всегда помнить о смерти, но не как повода для грусти, а как осознания быстротечности и бесценности жизни, данной для искупления долга человека перед Богом. Это ли не постоянный повод для искренней радости? А далее Тургенев уже с головой выдает себя, без оглядки отдаваясь благодатным чувствам вместе со своим героем:

«Он (Лаврецкий) почувствовал, что она молилась и за него, — и чудное **умиление** наполнило его душу». «Вспомнилось ему, как в детстве он всякий раз в церкви до тех пор молился, пока не ощущал у себя на лбу как бы чьего-то свежего прикосновения; это, думал он тогда, **ангел-хранитель** принимает меня, кладет на меня печать избрания...» Опыт таких впечатлений не достается в результате умозрительных заключений, а только ценою постоянных молитв, наполненных искренней верой. Само восприятие жизни Лаврецким — это восприятие православного человека, неизменно состоящее в понимании русской жизни и от того вызывающее непреходящее чувство любви к России: «Русская картина навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила грудь его каким-то приятным давлением». Весь быт деревенского дома Лаврецкого, доставшегося ему от тетки Глафиры Петровны, пропитан духом древней христианской веры предков:

«У Изгольева висел образ “Введение во храм пресвятой Богородицы”, — тот самый образ, к которому старая девица, умирая одна и всеми забытая, в последний раз приложила уже хладающими губами». И Лаврецкому дорога и свята эта патриархальность — святость к «отеческим гробам»: «Следы человеческой жизни гложут очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успела одичать, но уже казалась погруженной в ту тихую дрему, которой дремлет все на земле, где только нет людской, беспокойной заразы».

И с каким подлинным наслаждением Лаврецкий погружается в атмосферу деревенской жизни: «Вот когда я попал на самое дно реки... И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь, — думал он, — кто входит в ее круг — покоряйся: здесь **незачем** волноваться, нечего мутить; здесь только тому и удача, кто прокладывает свою тропинку не торопясь, как пахарь борозду плугом. И понимая, какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной тиши!». Речь, конечно же, не о простом физическом здоровье от

«славных» деревенских сливок, но прежде всего — о здоровье духовном. Напомню, что Лаврецкий вернулся в деревню после проживания за границей, после Парижа — где оставил свою бывшую супругу «с артистами, и с пиянистами, и со львами да со зверями». В российской деревне Лаврецкий не просто «лечит раны», нанесенные несчастной любовью, но по-новому переосмысливает жизнь, понимая всю фальшивость и тщету своего прежнего существования: «На женскую любовь ушли мои лучшие года... пусть же выпрезвит меня здесь скука, пусть успокоит меня, подготовит к тому, чтобы и я ушел не спеша делать дело». И как апофеоз его чувств, его преображения и перерождения — резюме автора романа: «Никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины». После того как новое, теперь уже осознанное с высоты прожитых лет и перенесенных испытаний, вспыхнувшее чувство Лаврецкий был вынужден заглушить и расстаться с Лизой, он опять же нашел в себе мужество и силы укорить себя за «легкомыслие»: «Видно, Михалевич прав, — думал он. — Ты захотел вторично изведать счастья в жизни, — говорил он сам себе, — ты позабыл, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посетит человека. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное истинное счастье! Оглянись, кто вокруг тебя блаженствует, кто наслаждается? Вот мужик едет на косьбу; может быть, он доволен своей судьбою... Что ж? захотел ли бы ты поменяться с ним? Вспомни мать свою: как ничтожны малы были ее требования, и какова выпала ей доля? Ты, видно, только похвастался перед Панишиным, когда сказал ему, что приехал в Россию затем, чтобы пахать землю; ты приехал волочиться на старости лет за девочками. Пришла весть о твоей свободе, и ты все бросил, все забыл, ты победил, как мальчик за бабочкой...» Это искреннее тургеневское посыпание пеплом головы дворянства. Он еще и еще раз призывает заняться делом и обустрой-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ством государства, но не путем уничтожения всей русской жизни, а путем напряженной кропотливой работы «пахать как можно лучше». «Любовь на всякий возраст имеет свои страдания, — и он испытал их вполне», — говорит автор. В реакции самой Лизаветы Михайловны можно не сомневаться: «Теперь вы сами видите, Федор Иванович, что счастье зависит не от нас, а от Бога», — говорит Лиза Лаврецкому. А как образно все объясняет ему Марфа Тимофеевна: «Ох, душа моя, тяжело тебе, знаю; да ведь и всем не легко, уж на что я, бывало, завидовала мухам: вот, думала я, кому хорошо на свете пожить; да услышала раз ночью, как муха у паука в лапках ноет, нет, думаю, и на них есть гроза...» Это мысль о невозможности рая на Земле, о всеобщей греховности и о всеобщей потребности в искуплении грехов. Хотя даже и для Марфы Тимофеевны уход Лизы в монастырь является экстрамерой: «Лиза подняла голову, щеки ее пылали.

— Нет, тетушка, — промолвила она, — не говорите так; я решилась, я молилась, я просила совета у Бога; все кончено, кончена моя жизнь с вами. Такой урок недаром; да я уже не в первый раз об этом думаю. Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отомолить, отомолить надо...» Все отомолить — даром ничего не дается — это главное, и это истинное понимание жизни человека.

Для того чтобы оправдать ее поступок, Тургенев вводит дополнительно образ Лизиной няни Агафьи Власьевны из крестьянского семейства, прожившей очень сложную жизнь, но очень смиренно принимавшую опалу, большей частью объективно не заслуженную, но с точки зрения человека верующего — единственно правильную. В конце концов она стала молчалива и богомольна, ходила на все службы утренние и вечерние и раздарила все платя.

«Агафья рассказывает ей (Лизе) не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает она житие пречистой девы, житие отшельников, угодников Божиих, святых мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду, — и царей не боялись, Христа исповедовали; как им птицы небесные корм носили и звери их слушались...» Неисповедимы пути Господни, но и эта замечательная глава в романе своим появлением во многом обязана секулярной публике.

Здесь, в завершение спора об уходе в монастырь, который предпочла Лиза жизни в миру и браке, будет уместна цитата из книги митрополита Антония Сурожского «Таинство любви (беседа о христианском браке)» (1998): «Можно поставить вопрос: если Царство Божие на самом деле пришло в браке, то каково отношение этого Царства к человеку, выбирающему одинокую жизнь? В Церкви существуют два института, которые кажутся противоположными друг другу: это брак и монашество... Для всякого человека, который принадлежит Церкви... противоречий в ее бытии, ее сущности быть не может... Брак и монашество — как бы два лика одной и той же Церкви... Да, монах от этого отказывается, но он не отказывается от любви: во-первых, от любви к Богу, во-вторых, от любви к человеку. Монахом может стать только такой человек, который осознал и воспринял достаточно глубоко трагизм мира; для которого страдание мира настолько значительно, что он готов о себе позабыть совершенно для того, чтобы помнить о мире, находящемся в страдании; в оторванности от Бога, в борьбе; и для того, чтобы помнить о Самом Боге, распятом по любви к миру. И поэтому уход в монашество далеко не означает бегства из мира... Как видите, и в монашестве, и в браке корень всего — в любви, притом личной, живой, конкретной любви к миру, в котором мы живем...» Очень близко по смыслу тому, что писал П. В. Анненков.

Реализм романа, основанный на глубоком понимании Тургеневым своего времени, выражается не только в

точном определении будущих процессов в духовно-нравственной сфере, но и описании зарождения этих процессов, их гносеологические «корни». Вот монолог старого слуги Глафиры Петровны, доставшегося Лаврецкому в наследство вместе с домом: *«Барин (прадед Лаврецкого) был, что и говорить, — и старшого над собой не знал. Потому была, доложу вам, у вашего прадедушки чудная така ладанка; с Афонской горы им монах ту ладанку подарил. И жил он, ваш блаженный памяти дедушка, в хоромах деревянных малых; а что добра после себя оставил, серебра что, всяких запасов, все подвалы битком набиты были. Хозяин был... А вот дедушка ваш, Петр Андреич, и палаты себе поставил каменные, а добра не нажил; все у них пошло хинею; и жили они хуже папенькиного... а денежки все порешил и помянуть его нечем...»* Фактически это новозаветная притча о талантах: когда господин (Господь) дает трем слугам деньги (жизнь человеческую и прощение грехов). В то время, пока другие преумножают свои таланты, то есть божественный дар (ведут праведный образ жизни — живут во Христе), третий слуга закапывает свой талант в землю и он лежит там, не принося никому пользы и не приумножаясь, — то есть не делает вроде бы ничего дурного, но и не стяжает Божью благодать, не трудится духовно. Тургенев пишет о том, что уже следующее поколение (отец Федора Лаврецкого) не смогло продолжить традиций стареющих и теряющих былую силу предков: *«Как тараканы, сползлись со всех сторон знакомые и незнакомые мелкие людишки в его (деда) обширные, теплые и неопрятные хоромы; все это наедалось чем попало, но досыта, напивалось допьяна и тащило вон что могло, прославляя и величая ласкового хозяина...»* Последней вспышкой патриотизма и русского национального самосознания, осознания себя русским народом — народом богоносцем, была только война с Наполеоном в 1812 г.: *«Вся Россия подымалась на врага, и оба они (дед и отец Лаврецкого) почувствовали, что Русская кровь течет в их жи-*

лах. Петр Андреевич (дед) на свой счет одел целый полк ратников». Теперь уже до следующих тяжелых и кровавых испытаний...

В конце романа Тургенев ничего не сообщает об отношении Лаврецкого к церкви. Пишет только, что тот посетил отдаленную обитель, где монашествовала Елизавета Михайловна. Но и без лишних пояснений пронизательный читатель поймет его позицию: *«В течение этих восьми лет совершился, наконец, перелом в его жизни, тот перелом, которого многие не испытывают, но без которого нельзя остаться порядочным человеком до конца; он действительно перестал думать о собственном счастье, о своекорыстных целях».* Это совершенно определенно русское соборное сознание, отличное от западного индивидуализма, то есть эгоизма. И все же финал романа фантастичен, а потому несколько неопределенен и расплывчат. Тургенев говорит что-то смутное о *«гражданской пользе»*, о том, что будущее — за молодежью, за новым поколением, которое устроило в имении Калитиных *«порядки небывалые»*. Это всего лишь оптимистическая надежда на лучшее. Отправил бы Иван Сергеевич Тургенев Лизу Калитину в монастырь, если бы, как Федор Михайлович Достоевский, прямо взглянул правде в глаза? Вряд ли, поскольку всего через шестьдесят лет монастыри стали самым опасным местом для пребывания таких натур.

Спустя чуть больше десятилетия Тургенев попытался все же представить себе и публике этого пресловутого «нового» человека в лице Евгения Базарова — героя романа «Отцы и дети» — «народ» требовал «зрелищ». Здесь он окончательно «добил» дворянство, символизировав его фигурой Павла Кирсанова — дяди главного героя, сущим бездельником, который тоже, как Иван Петрович Лаврецкий, считает себя «патриотом» и «любит» русский народ, только общаясь с этим народом, отворачивается и нюхает одеколон. Но в чем же новизна «нового» человека Базарова? По сути, это тот же православно-христианский тип человека;

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

трудолюбив, склонен к само-совершенству, бескорыстен, даже аскетичен. Только возгордившийся и самонадеянный и потому позволяющий себе выражения вроде: «*природа не храм, а мастерская*» и, конечно, с некоторым презрением к женщинам: «*на других баб не похожа*». Кстати, в этом же духе воспитывал Федора Лаврецкого и его отец Иван Петрович. Но десять лет назад Тургенев считал это «искалеченностью». Словом, вся новизна, по Тургеневу, заключается — в прогрессировании распущенности и безнравственности. И в этом опять же проявилась его гениальность... И как раз, в силу этого, образ Базарова не живой и не реальный, он заранее мертвый. Именно поэтому Тургенев, не зная, что же дальше делать со своим героем, не представляя, до чего он может дойти в будущем, умертвляет его. Человек, для которого природа не храм, — не станет в нем и трудиться, по крайней мере добросовестно, а норовит, как та курица, — подойти «сбоку» к зерну. У него нет никаких стимулов что-то производить и созидать, даже для пропитания. И вот это гениально предсказал и показал Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» (1880), в «поэме» Ивана Карамазова «Великий инквизитор». Свобода греха — вот главный стимул для жизни! У человека, существующего *вне Бога*, только один стимул — возможность приобретать *наслаждения* и *как можно больше!* За это он готов отдать даже свою свободу и физическую и, что страшнее, духовную, и стать *рабом* страстей, наслаждений, бессмысленного веселья и просто проживания жизни в погоне за эфемерными идеалами, за рукотворными кумирами. И здесь уже все средства хороши — от ростовщичества до воровства и грабежа. Что в итоге отнимает у жизни всякий смысл, превращая ее в одно мгновение, по прошествии которого человек понимает, что жизнь растратчена напрасно, ни на что, любые материальные богатства — явление временное. И вот тут наступает ад — еще до физической смерти.

Уже **Фёдор Михайлович Достоевский** (1821—1881), побывав на каторге за участие в движении петрашевцев, успел заглянуть в эту бездну, что уготована людям, забывшим веру, отрешившимся от Бога. Он уже ясно видит, что в болезни господина Голядкина из повести «Двойник», созданной им ещё до каторги и ссылки (1849—1859), виновато не столько несправедливое *социальное* устройство общества, сколько его *безбожие*. Именно такими симптомами, какими страдает ранний герой Достоевского, страдают люди, отдаляющиеся от церкви Христовой. Раздвоение личности, различного рода мании, беспричинный страх, боязнь окружающего мира — всё это следствие нераскаянности грехов, непричастие тела Господня. И Достоевский препарирует гордыню Раскольникова в «Преступлении и наказании» (1866), самый тяжкий и страшный грех — основу всех грехов. Приоткрывает завесу, за которой уготована «счастливая жизнь» циничным Великим Инквизитором из «Братьев Карамазовых» (1880), в которой слабому человеку разрешён грех, чтобы человек не каялся, а просто не боялся греха, так как грех разрешён, но кем? И Достоевский называет грядущих властителей человечества их настоящим именем «Бесы» (1872).

Именно свойство секулярной публики и секулярной критики — принимать действительное за желаемое, видеть в современной литературе то, чего нет, читать «между строк», анализировать произведения, в основе которых лежит православное сознание, — с материалистической точки зрения и привело к тому, что с этого времени критическая литература становится крайне противоречивой и запутанной. Даже философы и критики, относящиеся к разряду «религиозных», используют в своих работах, по сути, материалистический подход и секуляризованный тезаурус, то есть материалистическую систему понятий. Поэтому анализ произведений Федора Михайловича Достоевского — толкователя христианской идеологии и православного писателя — столь не однозначен.

Его считали близким по духу Владимиру Соловьеву, Н. А. Бердяеву, В. В. Розанову, Д. С. Мережковскому, Волынскому, Л. Шестову, С. Булгакову, Волжскому, В. Иванову — философам подчас не только разных точек зрения и взглядов, но прямо противоположных. Достоевского называли «отцом» нищезнания, феноменологии, экзистенциализма... И чем дальше, тем больше критика его произведений становилась запутаннее и противоречивее (Лев Шестов — Лев Исаакович Шварцман, 1866—1938, «Достоевский и Ницше», 1902) «...да кто же, наконец, такие все эти Достоевские и Ницше, что говорят, как власть имущие? И чему они учат?.. Но они ничему нас не "учат". Нет большего заблуждения, чем распространение в русской публике мнения, что писатель существует для читателя. Наоборот — читатель существует для писателя (нужны ли комментарии?). Достоевский и Ницше говорят не затем, чтоб распространить среди людей свои убеждения и просветить ближних. Они сами ищут света, они не верят себе, что то, что им кажется светом, есть точно свет, а не обманчивый блуждающий огонек или, хуже того, — галлюцинация их распространяемого воображения». Вряд ли сами произведения Федора Михайловича способны так воздействовать на психику бедного читателя, как такого рода умозаключения известного русского философа. Но посмотрите, что дальше пишет Лев Шестов: «Возможны, конечно, ошибки в истолковании отдельных мест сочинений Достоевского, даже целых романов (!). На что же надеяться в таком случае? На критическое чутье? Но читатель недоволен таким ответом. От него отдает мифологией, старостью, плесенью, ложью — даже **умышленной** ложью. Ну, что же? Тогда остается одно: **произвол**. Может быть, это слово своей откровенной правдивостью более расположит к себе слишком требовательных людей, заподозривших права критического чутья, — в особенности, если они догадываются, что *apres tout*, этот произвол будет не совсем уже произвольным». Тем, кто так

и не вник в смысл этих слов, можно понять его жанр так: критическая статья, в которой отрицается не только сама критика, логика, но и здравый смысл вообще. И это закономерно при сугубо секулярном подходе к анализу произведений, смыслом которых является торжество православной веры. Апокалиптические предсказания Достоевского в романах «Братья Карамазовы» и «Бесы» кажутся секулярной публике, не понимающей происходящих в обществе духовных процессов, слишком «мрачными», «нагнетающими», «неправдоподобными» по своей жестокости и бесчеловечности. Но разве то, что происходило с Россией в XX в., не точно соответствует «сценарию» Достоевского и не во сто крат страшнее этого «сценария»? А в 1902 г. все это казалось чем-то вроде «психоза»: «Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладеет свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть... Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога, ибо человек ищет не столько Бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже **знахарскому чуду, бабьему колдовству**, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником. Ты не сошел со креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: "Сойди со креста, и уверуем, что это ты"». (Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»). С нашим с вами опытом вполне можно без всякой «философии» опознать в этом отрывке сегодняшний день. Но на чем же строится вся теория «Великого инквизитора»? На сюжете Нового Завета, на психологии человека, отвернувшегося от Бога: «Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадываются наконец глупые дети, что хотя они и бунтовщики, но бунтовщики **слабые, собственные, бунта своего не выдерживающие**». Где же здесь «галлюцинации» и «абсурд», что здесь неяс-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ного и неточного для читателя XXI века? «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете... Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить». Нужна ли тут вообще критика современному читателю? Ставит ли Достоевский «психологические опыты»? Теперь уже очевидно, что нет. Мы сами их ставили над собой, а он только предостерегал нас об их опасности. Вот отрывок из его «Дневника писателя» (1876—1880), написанный задолго до появления не только компьютеров, но и массового производства электрических игрушек и литературы в стиле «фэнтэзи»: «Жаль еще тоже, что детям теперь так все облегчают — не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки... Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении... Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть оупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни се...» Ни то ни се, способное воспринять любую идею, как благо, если это благо пообещать.

Анализ произведений Достоевского, который проводит Василий Васильевич Розанов (1856—1919) в работе «Чем нам дорог Достоевский», совсем не случайно более основан на чувственном, интуитивном восприятии: «Суть Достоевского, ни разу в критике не указанная (сколько я знаю ее историю) (смотрите, как точно, исключив всякие измышления, — на простом интуитивном уровне), заключается в его бесконечной интимности... Достоевский есть самый интимный, самый внутренний писатель, так что его читая как будто не другого кого-то читаешь, а слушаешь свою же душу, толь-

ко глубже, чем обычно, чем всегда... Чудо творений Достоевского заключается в устранении расстояния между субъектом (читающий) и объектом (автор), в силу чего он делается самым родным из вообще сущих, а может быть, даже и будущих писателей, возможных писателей». Точно и проникновенно — пример того, как надо понимать Достоевского секулярному сознанию. Но далее начинается «работа ума» и возникает абсурд: «Идеи были у вас и прошли... Но свои идеи, и прошедшие — дороги. Вот почему “все идеи” Достоевского могут пройти или могут оказаться ложными, или вы их перестанете разделять: и от этого духовный авторитет Достоевского несколько не уменьшится. Это — чудо». Это было бы чудом небывалым, если бы «все идеи» Достоевского прошли, а его произведения нас до сих пор волновали бы. Но дело в том, что идеи Достоевского это не просто «его» идеи, это духовная переработка гением Достоевского Нового Завета, который он хорошо знал и толкованием которого занимался на каторге с заключенными, слушавшими охотно его «лекции». «... Иссякает народная сила, гложет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие, — и что вынесут в уме и сердце своем современные дети народа, взросшие в скверне отцов своих? Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отставать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли... Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму... перед властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все, заключает в себе всякую силу, а что все, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, — все вздор...» В чем же причина, откуда это? А от власть предержащих, от безнаказанности и самовластия чиновника, «высшего класса», «элиты». «Народ видит и дивится такому могуществу: “Что хотят, то и делают” — и понево-

ле начинает сомневаться: «Вот она где, значит, настоящая сила, вот где она всегда сидела; стань богат, и все твое, и все можешь.» Развратнее этой мысли не может быть никакой другой». Это и есть причина революции, а не какая-то мифическая свобода. Зачем свобода без денег? «Началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно; убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана. Я ведь знаю, что и прежде было много скверного, но нынче бесспорно удесятирилось. Главное, носится такая мысль, такое как бы учение или верование». Именно верование, заменяющее подлинное. И как все это современно.

Ключ к пониманию творчества Достоевского состоит в том, что никакая философия не в состоянии «пояснить» «постулатов» веры. Своим героям Достоевский присваивает монологи, суть которых есть смысл жизни для людей, читателей.

Существует такая легенда: в первые годы советской власти в России рассматривался проект памятника Ф. М. Достоевскому. И тогда народный комиссар просвещения А. В. Луначарский предложил в шутку высечь на пьедестале надпись: «Достоевскому от бесов». Для нас неважна правдоподобность этой истории. Важно, что сами «бесы» прекрасно понимали, о чем писал Федор Михайлович. Лидер большевиков В. Ульянов презрительно называл Федора Михайловича «эпилептиком» — читали, дескать, знаем... Тогда уже и до сознания русской критики стали доходить его идеи. Уже в 1918 г. **Николай Александрович Бердяев** (1874—1948) написал работу «Духи русской революции», где одну из глав посвятил творчеству Достоевского: «...в Достоевском нельзя не видеть **пророка** русской революции. Русская революция пропитана теми началами, которые **прозревал Достоевский** и которым дал **гениально острое определение**. Достоевскому дано было до глубины раскрыть диалектику русской революционной мысли и сделать из нее последние выводы. Он не остался на поверхности социально-политических

идей и построений, он проник в глубину и обнажил метафизику русской революционности. Достоевский обнаружил, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный. Так удалось ему религиозно постигнуть природу русского социализма. Русский социализм занят вопросом о том, есть ли Бог или нет Бога. И Достоевский предвидел, как горьки будут плоды русского социализма. Он обнажил стихию русского нигилизма и русского атеизма, совершенно своеобразного, не похожего на западный». Заметьте — характер революции религиозный. А коли так — значит, многие действия, в том числе и убийства, будут носить **ритуальный** характер! И дальнейшие события, вплоть до расстрела царской семьи, подтвердили и это, и всю предыдущую историю русского самодержавия и русского православия. «Для Достоевского проблема русской революции, русского нигилизма и социализма, религиозного по существу, это — вопрос о Боге и о бессмертии. “Социализм есть не только рабочий вопрос или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу **атеистический вопрос**, вопрос **современного воплощения атеизма**, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю” («Братья Карамазовы»). Можно было бы даже сказать, что вопрос о русском социализме и нигилизме — вопрос апокалиптический, обращенный к всеразрешающему концу. Русский революционный социализм никогда не мыслился как переходное состояние, как временная и относительная форма устройства общества, он мыслился всегда как окончательное состояние, как царство Божие на земле, как решение вопроса о судьбах человечества. Это — не экономический и не политический вопрос, а прежде всего вопрос духа, вопрос религиозный». Вот смысл идеи мировой революции — прежде всего «очищение» мира от Бога, чтобы стать самим как Боги и устройство без Него земного рая. Надо ли объяснять дьявольскую суть такой идеи? «Даже **Вл. Со-**

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ловьев не понял опасности русского нигилизма, когда шутиливо формулировал credo русских мальчиков таким образом: «Человек произошел от обезьяны, следовательно, будем любить друг друга». Достоевский глубже проник в тайники русского нигилизма и почувствовал опасность. Он раскрыл диалектику русского нигилизма, его сокровенную метафизику». Уже идет критика предыдущего непонимания происходящих процессов. Думается, что не один Владимир Соловьев в том повинен. Это обвинение целым поколениям русских философов и критиков, и прежде всего тем, кто недооценивал предостережений Достоевского, считал их фантастическими или «слишком» мрачными. «Философом русского нигилизма и атеизма является Иван Карамазов. Он провозглашает бунт против Бога и против Божьего мира из очень высоких мотивов, — он не может примириться со слезинкой невинно замученного ребенка. Иван ставит Алеше вопрос очень остро и радикально: «Скажи мне сам прямо, я зову тебя, отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для того необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание; согласился бы ты быть архитектором на этих условиях?» Иван ставит тут вековую проблему о цене истории, о допустимости тех жертв и страданий, которыми покупается создание государств и культур. Это вопрос русский по преимуществу, **проклятый вопрос**, который русские мальчики предъявили всемирной истории. В вопрос этот был вложен весь русский моральный пафос, **оторванный от религиозных истоков**. На вопросе этом морально обосновался русский революционно-нигилистический бунт, который и провозглашает Иван. «В окончательном результате я мира этого Божьего — не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не

Бога не принимаю, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять». Это не просто неприятие данного Богом мира, это призыв построить «новый» мир («...мы наши, мы новый мир построим, кто был ничем — тот станет всем») все то же возведение Вавилонской башни. Но не прежде, чем разрушив до основания мир старый. Недооценка творчества Достоевского, его непонимание, приводит к тому, что в современной литературе все чаще звучит мотив «оправдания страданий». И, как и прежде, для «избавления» от страданий отдельного человека, защитники этого принципа готовы уничтожить миллионы людей — вот суть карамазовского бунта против Бога. Это ложное человеколюбие, не зрячее, не понимающее того, что «страданиями душа совершенствуется». «Для чего признавать это чертовое добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к Боженьке». Истребить понятия **добра** и **зла**, то есть избавиться от нравственности, жить в безнравственном мире. «От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезками своими к Боженьке... Я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которые необходимы были для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены... Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу... Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, а только билет Ему почтительнейшие возвращаю», — цитирует Бердяев Достоевского и поясняет: «Устами Ивана Карамазова Достоевский произносит суд над позитивными творениями прогресса и над утопиями грядущей гармонии, воздвигнутой на страданиях и слезах предшествующих поколений. Весь

прогресс человечества и все грядущее его совершенное устройство ничего не стоят перед несчастной судьбой каждого человека, самого последнего из смертных. В этом есть христианская правда. Но острие вопроса, поставленного Иваном, совсем не в этом. Он ставит вопрос свой не как христианин, верующий в божественный смысл жизни, а как **атеист и нигилист**, отрицающий **божественный смысл жизни**, видящий лишь бессмыслицу и неправду с ограниченной человеческой точки зрения. Это — бунт против божественного миропорядка, непринятие человеческой судьбы, определенной Божьим промыслом. Это — распря человека с Богом, нежелание принять страдание и жертвы, постигнуть смысл нашей жизни как искупление. Весь бунтующий ход мыслей Ивана Карамазова есть проявление крайнего рационализма, есть отрицание тайны человеческой судьбы, непостижимой в пределах и границах этого отрывка земной, эмпирической жизни. Рационально постигнуть в пределах земной жизни, почему был замучен невинный ребенок, невозможно. Самая постановка такого вопроса — атеистична и безбожна. Вера в Бога и в Божественный миропорядок есть вера в глубокий, сокровенный смысл всех страданий и испытаний, выпадающих на долю всякого существа в его земном странствовании. Утереть слезинку ребенка и облегчить его страдания есть дело любви. Но пафос Ивана не любовь, а бунт. У него есть **ложная чувствительность**, но нет любви. Он бунтует потому, что не верит в бессмертие, что для него все исчерпывается этой бессмысленной эмпирической жизнью, полной страданий и горя. Типичный русский мальчик, он принял **западные отрицательные гипотезы за аксиомы и поверил в атеизм**.

Это основная беда «русских мальчиков» принимать западные гипотезы за аксиомы. Впрочем, теперь уже и восточные, но уже совершенно не осмысливая, совершенно не зная собственных, отечественных аксиом.

«В основе вопроса Ивана Карамазова лежит какая-то **ложная русская чувствительность** и сентименталь-

ность, **ложное сострадание к человеку**, доведенное до **ненависти к Богу** и божественному смыслу мировой жизни. Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из **ложного морализма**. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает **реально, чтобы слез было меньше**, он **увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях**». Вот суть бунта против Бога — неизбежное увеличение тем самым количества страданий. Сколько действительно было принесено людей в жертву «идеалам» революции, а сколько идеалов? «Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку **более, чем Бог**, что он **исправит замысел Божий** о человеке и мире. Невероятная притязательность характерна для этого душевного типа. Из истории, которую русские мальчики делали Богу по поводу слезинки ребенка и слез народа, из их возвышенных разговоров по трактирам родилась идеология русской революции. В ее основе лежит **атеизм и неверие в бессмертие**. **Неверие в бессмертие порождает ложную чувствительность** и сострадательность. Бесконечные декламации о страданиях народа, о **зле государства и культуры**, основанных на этих страданиях, вытекали из этого **богоборческого источника**. Само желание облегчить страдание народа было праведно, и в нем мог обнаружиться **дух христианской любви**. Это и **ввело многих в заблуждение**. Не заметили смешения и подмены, положенных в основу русской революционной морали, **антихристовых соблазнов** этой революционной морали русской интеллигенции. Заметил это Достоевский, он вскрыл духовную подпочву нигилизма, заботящегося о благе людей, и предсказал, к чему приведет торжество этого духа. Достоевский понял, что великий вопрос об индивидуальной судьбе каждого человека совершенно иначе решается в свете **сознания религиозного**, чем во тьме

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

сознания революционного, претендующего быть **лжерелигией**». Вот оно — утверждение русской интеллигенцией религиозного сознания. Исторический момент! Наконец-то дошло! Но какой ценой! И признание революционного сознания — **лжерелигией**. Это и есть истинное понимание сути бунта. «Достоевский раскрыл, что **природа русского человека** является благоприятной почвой для **антихристовых соблазнов**. И это было настоящим открытием, которое и сделало Достоевского **провидцем и пророком русской революции**. Ему дано было внутреннее видение и видение духовной сущности русской революции и русских революционеров. Русские революционеры, апокалиптики и нигилисты по своей природе, **пошли за соблазнами антихриста**, который хочет осчастливить людей, и должны были привести соблазненный ими народ к той революции, которая нанесла страшную рану России и превратила русскую жизнь в ад. Русские революционеры хотели всемирного переворота, в котором сгорит весь старый мир с его злом и тьмой и с его святынями и ценностями и на пепелище подымется новая, благодатная для всего народа и для всех народов жизнь. На меньшем, чем **всемирное счастье**, русский революционер помириться не хочет. Сознание его апокалиплично, он хочет конца, хочет **завершения истории и начала процесса сверхисторического**, в котором осуществится **царство равенства**, свободы и блаженства на земле. Ничего переходного и относительного, никаких ступеней развития, сознания это не допускает. Русский революционный максимализм и есть своеобразная, **извращенная апокалиптика**. Обратной стороной ее всегда является **нигилизм**».

А теперь и о самих «Бесах», то есть об этом романе, и еще раз разоблачение критики: «Левые круги наши увидели тогда в «Бесах» карикатуру, почти насмешку на революционное движение и революционных деятелей. «Бесы» были внесены в index книг, **осужденных «прогрессивным» сознанием**. Понять всю глубину и правду «Бесов» можно лишь в свете иного сознания, **сознания**

религиозного; эта глубина и эта правда ускользает от сознания **позитивистического**. Если рассматривать этот роман как **реалистический**, то многое в нем **неправдоподобно** и не соответствует действительности того времени. Но все романы Достоевского **неправдоподобны**, все они написаны о глубине, которую нельзя увидеть на поверхности действительности, все они были **пророчеством**. Пророчество приняли за **насмешку**. Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что «Бесы» — **книга пророческая**. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции». Беснование, безбожие, какой уж тут атеизм, когда в коммунистических вождей нас учили **верить**. «Достоевский предвидел, что революция в России будет **безрадостной, жуткой и мрачной**, что не будет в ней **возрождения народного**. Он знал, что немалую роль в ней будет играть Федька-каторжник и что победит в ней **шигалевица**. Петр Верховенский давно уже открыл ценность Федьки-каторжника для дела русской революции. И вся торжествующая идеология русской революции есть идеология шигалевицы. Жутко в наши дни читать слова Верховенского: «В сущности наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно». И ответ Ставрогина: «Право на бесчестье — да это все к нам прибегут, ни одного там не останется!» И русская революция провозгласила «право на бесчестье», и — все побежали за ней. А вот не менее важные слова: «Социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности». Бесчестье и сентиментальность — основные начала русского социализма. Эти начала, увиденные Достоевским, и торжествуют в революции». Открыто уголовную «революцию» в России мы и сами наблюдали не так давно. «Достоевский предвидел торжество не только шигалевицы, но и **смердяковицы**. Он знал, что подымется в России лакей и в час великой

опасности для нашей родины скажет: «я всю Россию ненавижу... я не только не желаю быть военным гусаром, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с». На вопрос: «А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?» бунтующий лакей ответил: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки». Пораженчество во время войны и было таким явлением смердяковщины. Смердяковщина и привела к тому, что «умная нация» немецкая покоряет теперь «глупую» нацию русскую. Лакей Смердяков был у нас одним из первых интернационалистов, и весь наш интернационализм получал смердяковскую прививку. Смердяков предъявил право на бесчестие, и за ним многие побежали». А сколько «интернационалистов» смердяковых в наше время, целые комитеты создаются в пользу смердяковых, не желающих защищать отечество, уклоняющихся от армии, рассматривающих любую необходимость защиты интересов Родины с оружием в руках как проявление агрессивности и милитаризма. Помнится шутка девяностых годов. На вопрос, что же нам теперь делать, предлагалось объявить войну Финляндии и на следующий день сдать в плен всей страной — смердяковщина в чистом виде, описанная Достоевским. Но самое удивительное — это окончание этой главы о Достоевском. Кто же у Достоевского, по мнению Бердяева, положительный герой? «Достоевский видел дальше и глубже всех. Но сам он не был свободен от русских народнических иллюзий. В его русском христианстве были стороны, которые давали основание К. Леонтьеву назвать его христианство розовым. Это розовое христианство и розовое народничество более всего сказались в образах Зосимы и Алеши, которые нельзя назвать вполне удачными... Сам Достоевский соблазнялся церковным национализмом, который мешал русскому народу выйти во вселенскую ширь. Народо-

поклонство Достоевского потерпело крах в русской революции. Его положительные пророчества не сбылись. Но торжествуют его пророческие прозрения русских соблазнов...» Увы! Опять та же стыдливость по поводу православия, опять тургеневский Лаврецкий и купринский «паныч» Иван Тимофеевич. При этом, как мы видели, — на протяжении всей работы утверждалось обратное. Но как же могли не получиться образы Алеши и старца Зосимы, если писаны они с натуры? И это и есть то лучшее, что мог предложить Достоевский в России. Но бесы знают свое дело и подчас делают его очень тонко...

Главы романа «Братья Карамазовы», посвященные старцу Зосиме, занимают одно из ключевых мест. Это не только удачная попытка объяснить такое сложное, непонятное уже для светского читателя XIX в. явление «старчества», но и практическое представление постулатов православной веры. Ответы на «проклятые» вопросы интеллигенции, пути преодоления разрыва между научными знаниями и христианской верой, способы осознать грехи «... ведомые и неведомые: яже от юности и от науки злы, и яже суть от нагльства и уныния»⁴.

Прототипом Зосимы был, вероятно, оптинский старец Амвросий. В 1878 г. Достоевский посетил козельский Введенский монастырь, или, как его обычно называют, Оптиная пустынь, основанный в XIV в. купцом Оптиным. Там он и познакомился с Амвросием.

Знакомство со старцем Зосимой происходит в главе «Старый шут» и начинается оно с посещения Карамазовыми кельи старца. С первых же шагов Достоевский подчеркивает создавшуюся атмосферу; присутствующие здороваются с Зосимой, но совершенно по-разному: «Иеромонахи поднялись и приветствовали его глубочайшим поклоном, пальцами касаясь земли, затем, благословившись, поцеловали руку его. Благословив их, старец ответил им каждому столь же глубоким поклоном, перстами касаясь земли, и у каждого из них попросил и для себя благословения», — это

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

смирненное приветствие людей воцерковленных, с простой бесхитростной верой в душе, а вот реакция светского человека: «Миусову, однако, показалось, что все делается с намеренным внушением... Следовало бы, — и он даже обдумывал это еще вчера вечером, — несмотря ни на какие идеи, единственно из простой вежливости (так как уж здесь такие обычаи), подойти и благословиться у старца, по крайней мере, хоть благословиться, если уж не целовать руку. Но, увидя теперь все эти поклоны и лобызания иеромонахов, он в одну секунду переменял решение: важно и серьезно отдал он довольно глубокий, по-светскому, поклон и отошел к стулу...» И так далее — остальные ведут себя не лучшим образом. Тут Достоевский буквально ловит нас, застаёт врасплох, «примеряющих» на себя поведение Миусова, принимающего старческие поклоны, — которые означают помимо глубокого почтения еще и одно из средств борьбы с гордыней, — за «внушение». И тут же нам этот грех «прощается»: *«Старец опустил поднявшуюся было для благословения руку и, поклонившись им в другой раз, попросил всех садиться. Кровь залила щеки Алеши; ему стало стыдно»*. И действительно становится стыдно, и это очень важно, в том числе и для понимания дальнейшего повествования. Далее, продолжая нас «просвещать», Достоевский совершенно не случайно дает описание кельи старца и, в частности, икон: *«...в углу много икон — одна из них Богородицы, огромного размера и писанная, вероятно, еще задолго до раскола. Перед ней теплилась лампадка»*. Надо пояснить, что фраза «задолго до раскола» звучит не случайно. Это значит, что икона написана, по меньшей мере, в XVI, а то и в XV в. С современной точки зрения, она имеет огромную цену как произведение искусства. Для того времени, думается, тоже — вещь ценная, но смотрим дальше. *«Около нее две другие иконы в сияющих ризах, затем около них деланные херувимчики, фарфоровые яички, католический крест из слоновой кости с обнимающею его Mater dolorosa (скор-*

бящей богородицею — лат.) и несколько заграничных гравюр с великих итальянских художников прошлых столетий. Подле этих изящных и дорогих гравюрных изображений красовалось несколько листов самых простонароднейших русских литографий святых, мучеников, святителей и проч., продающихся за копейки на всех ярмарках». Этот отрывок, возможно, вызвавший недоумение или даже улыбку, или вовсе оставшийся незамеченным, содержит в себе немало «зашифрованных» автором понятий и символов. Попробуем в них разобраться на самом простом уровне. Наличием рядом с русскими православными иконами католического креста и гравюр великих итальянских художников Достоевский, возможно, хочет показать отношение православия к католичеству и западному искусству. Это говорит о том, что и в то время у светской публики был взгляд на православие как на нечто «отживающее», «непросвещенное», «чуждое» науке и прогрессу, далекому от «настоящего» искусства и «погрязшему в невежестве, окостеневшему и догматическому». Достоевский же этим описанием подчеркивает связь православной веры с жизнью, ее живое и непосредственное участие в ней — гравюры итальянских мастеров в келье старца. Далее — очень многозначительная деталь, на неискушенный взгляд нелепая — «простонароднейшие русские литографии святых». Тут автор, вероятно, проводит важную мысль, что с точки зрения светского человека, как произведения искусства эти литографии ничего не стоят и размещать их со столь ценными произведениями, как икона и гравюры, вроде бы нелепо. Но с точки зрения верующего человека, между ними нет никакой разницы. Верующему человеку дорог не материал, из которого «изготовлено» изображение, но сам изображенный образ. Не случайно в церковной практике все обветшавшие изображения, иконы, не подлежащие реставрации, записки, надписи и прочее не выбрасываются, а подлежат сжиганию. Можно еще добавить, что в современной литературе

описаны случаи исцеления даже от репродукций святых, но это тема отдельного разговора. В конечном счете «действие» икон — это вопрос нашей веры, насколько она искренняя и глубокая. В данном же случае важна мысль нематериальности образов, изображаемых на иконах, «неотмирность», их неземное существование. Конечно, икона, написанная иконописцем, имеет свое значение, ее пишет не просто художник, а иконописец, получивший специальное благословение, строго соблюдающий пост, и душа которого и помыслы обращены к Богу. Своей работой — не столько кисти, сколько духа — иконописец, с Божьей помощью, создает видимый образ Божий, который помогает нам, прибавляет «силы» нашим молитвам. Но икона — не чудодейственное средство, приложив которое можно, например, исцелиться, вся ее «чудодейственность» в нашей вере. Достоевский намеренно и очень точно приводит реакцию на «неравноценное» сочетание икон человека «образованного», воспринимающего все это как наличие «обязательных» атрибутов «культа», как наличие фрака на светском рауте: *«Миусов бегло окинул всю эту “казенщину” и пристальным взглядом уперся в старца»*. Далее следует «оценка» взглядом светского человека внешности старца Зосимы, который явно имеет «непредставительный» вид — с этой точки зрения, не «генеральский». Оценка явно поверхностная, «по одежке»: *«С первого мгновения старец ему не понравился... “По всем признакам злобная и мелко-надменная душонка”, — пролетело в голове Миусова»*. Этим эпизодом Достоевский подчеркивает, что такая реакция не случайна. Здесь он чрезвычайно тонко психологичен и наблюдателен. Видно, что он хорошо знает, что такое искушение вообще и каким образом его испытывает человек, находящийся вне Церкви. Далее эта мысль активно разворачивается в поведении Федора Павловича, старого сладострастника, на котором грехов, как ворсу на махровом полотенце, с которого пороки «свисают» бахромой.

Здесь важны не только его «провокации» — вполне типичные по сути, но и ответы ему старца — очень показательные и многое поясняющие. За словесным нагромождением, воздвигнутым Федором Павловичем, Зосима без труда угадывает суть его «фиглярства» — следствия духовной болезни, и безошибочно дает ему «рецепт» к излечению. Человеку, который своим поведением смутил окружающих и заставил краснеть своего сына Алешу Карамазова, Зосима говорит: *«Убедительно и вас прошу не беспокоиться и не стесняться, — внушительно проговорил ему старец... Не стесняйтесь, будьте совершенно как дома. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо от сего лишь все и выходит»*. Не стыдитесь! Вот главная мысль, подчеркивающая суть православной веры. Никакой даже, казалось бы, конченный человек, такой как Федор Павлович Карамазов, не может избежать угрызений совести, особенно в лоне Церкви. Фиглярство Федора Павловича — только защитная маска, он стыдится своих грехов и прикрывает свой стыд. Это не просто вера «Достоевского-гуманиста» в человека, это основа православной веры, заключающаяся в том, что спасение есть для каждого обратившегося к Богу и вошедшего в Церковь Христову. *«Учитель! — продолжает Федор Павлович, — ...что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? — Трудно было и теперь решить: шутит он или в самом деле в таком умилении?»*. Но это трудно решить только с обычной точки зрения. Для Зосимы же все предельно ясно: *«Старец поднял на него глаза и с улыбкой произнес:*

“Сами давно знаете, что надо делать, ума в вас довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невозддержанию, не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег, да закройте ваши питьейные дома, если не можете всех, то хоть два или три. А главное, самое главное — не лгите”». Здесь Достоевский ни в коей мере не намекает на чудо, на особые способности к «ясновидению», а только сообщает об

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

обычной «практике» старчества на Руси. Что такие «рецепты» и предсказания вполне обыденны и не чудесны. И дело тут не в «особом» образовании или знании «магических» тайн, а в незамутненности сознания старца, его духовной чистоте и, как следствие, реалистичности взгляда. Как рыба видит в воде без дополнительных оптических приборов, так и его взору предстают все человеческие пороки и их источники. *«Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уже никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям и себе самому. Лгущий себе самому прежде всех и обидеться может. Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду выдумал и нагнал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, — знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большого удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной...»* Эта глубочайшая мысль не только вскрывает причины человеческих конфликтов, не только обнажает природу человеческой гордыни — самообман, но и содержит еще более глубокий смысл: человек, не верующий в Бога, — самообманывается. Достоевский показывает причину агрессивности атеизма и безбожия. В самом деле — атеизм в действительности не столько отрицание Бога, сколько борьба с Ним! Нередко борьба кровавая, несмотря на всю парадоксальность этой борьбы; если Его нет, то с кем бороться? И как яркий показатель типичного суждения людей «образованных», но далеких от веры идет монолог Миусова: *«Я это в Париже слышал, от одного француза,*

что будто бы у нас в “Четвы-Минеи” это за обедней читают... Это очень ученый человек, который специально изучал статистику России... долго жил в России... Я сам “Четвы-Минеи” не читал... да и не стану читать... Мало ли болтается за обедом?.. Мы тогда обедали...

— Да, вот вы тогда обедали, а я вот веру-то и потерял! — поддразнивал Федор Павлович». В данном случае устами Федора Павловича глаголет истина. Пороки Федора Павловича «легче» вот таких непросвещенных в вопросах веры суждений, которые и способствуют ее дискредитации и угасанию.

Следующий эпизод исцеления беснующейся женщины, вероятно, сильно подпортил репутацию Федору Михайловичу как писателю-реалисту и создал, напротив, образ писателя-мистика. Но для тех, кто хочет до конца проникнуть в «тайну» творчества писателя, надо воспринимать все описанное абсолютно серьезно, как и принимал Достоевский: *«Странное же и мгновенное исцеление беснующейся и бьющейся женщины, только лишь, бывало, ее подведут к дарам, которое объясняли мне притворством и, сверх того, фокусом, устраиваемым чуть ли не самими “клерикалами”, происходило, вероятно, тоже самым натуральным образом, и подводившие ее к дарам бабы, а главное, и сама больная, вполне веровали, как установившейся истине, что нечистый дух, овладевший больною, никогда не может вынести, если ее, больную, подведя к дарам, наклонят пред ними. А потому всегда происходило (и должно было происходить) в нервной и, конечно, тоже психически больной женщине непременно как бы сотрясение всего организма ее в момент преклонения пред дарами, сотрясение, вызванное ожиданием непременно чуда исцеления и самую полную верой в то, что оно совершится. И оно совершалось хотя бы только на одну минуту. Точно так же оно и теперь совершилось, едва лишь старец накрыл больную епитрахилью.*

Многие из теснившихся к нему женщин заливались слезами умиления и восторга, вызванного эффектом мину-

ты...» Упоминание этого события в романе означает его «обыденность». Достоевский хочет показать, что такие исцеления — часть повседневной старческой «практики», не основанной ни на каком чуде, кроме веры в Бога. Так же, как и следующий эпизод с больной девочкой: «...Ведь вы Лизу мою исцелили, исцелили совершенно, а чем — тем, что в четверг помолились над нею, возложили на нее ваши руки...

— Как так исцелил? Ведь она все еще в кресле лежит?

— Но ночные лихорадки совершенно исчезли, вот уже двое суток, с самого четверга, — нервно заспешила дама. — Мало того: у ней ноги окрепли. Сегодня утром она встала здоровая, она спала всю ночь, посмотрите на ее румянец, на ее светящиеся глаза. То все плакала, а теперь смеется, весела, радостна. Сегодня непременно требовала, чтоб ее поставили на ноги постоять, и она целую минуту простояла сама, безо всякой поддержки. Она бьется со мной об заклад, что через две недели будет кадрили танцевать. Я призывала здешнего доктора Герценштубе; он пожмает плечами и говорит: дивлюсь, недоумеваю. И вы хотите, чтобы мы не беспокоили вас, могли не лететь сюда. Не благодарить?..» Несмотря на всю эмоциональную насыщенность этого отрывка, в нем так же, как и в предыдущих, все продуманно и выверено. Случаи чудесного исцеления от икон, святых источников, мошей или, как в данном случае, от рук старца Зосимы, тщательно фиксировались (и фиксируются). Но для того, чтобы исцеление было «признано» и занесено в книгу, должны выполняться непременные условия: болезнь должна быть неизлечимой, исцеление быстрым, с заметными изменениями, должны быть свидетели исцеления, и обязательно его должен зафиксировать доктор. Что и описано в данном случае. Для окончательного пояснения своей позиции и исключительности случая писатель добавляет диалог старца с монахом:

«— Как же вы дерзаете делать такие дела? — спросил вдруг монах, вну-

шительно и торжественно указывая на Lise. Он намекал на ее “исцеление”.

— Об этом, конечно, говорить еще рано. Облегчение не есть еще полное исцеление и могло произойти и от других причин. Но если что и было, то ничьей силой, кроме как Божиим изволением. Все от Бога». Достоевский поясняет, что старец именно не «дерзает», не приписывает себе силу исцеления, своим «сверхъестественным» способностям, не занимается «внушением» или «знахарством», что он вообще как бы ни при чем, все свершается по Божьей воле и дается по вере. Таким образом, Достоевский искренне верит в подобные способы исцеления и призывает читателя уверовать в это, поскольку никаких объективных причин для неверия нет. Но для того, чтобы писать об этом в объемном серьезном произведении, согласитесь, требуется большое мужество. «Чудесное» исцеление дочери производит сильнейшее впечатление на мать девочки, и она приходит к неожиданному раскаянию. Смысл ее монолога тоже очень символичен:

«— Я страдаю... неверием...

— В Бога неверием?

— О нет, нет, я не смею и подумывать об этом, но будущая жизнь — это такая загадка! И никто-то, ведь никто на нее не отвечает! Послушайте, вы целитель, вы знаток души человеческой; я, конечно, не смею претендовать на то, чтобы вы мне совершенно верили, но уверяю вас самым великим словом, что я не из легкомыслия теперь говорю, что мысль эта о будущей загробной жизни до страдания волнует меня всю жизнь... А тут уверяют, что все это взялось сначала от страха перед грозными явлениями природы и что всего этого нет. Ну что, думаю, я всю жизнь верила — умру, и вдруг ничего нет... Это убийственно, убийственно!»

В этом эпизоде практически каждый узнает себя — есть там что-то или нет, есть ли вообще это «там»? Это вопрос веры. И что же отвечает старец, пытается ли он убедить несчастную сомневающуюся?

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«— Без сомнения, убийственно. Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

— Как? Чем?».

Мы видим явное ожидание чуда, и... ждем его сами. Но вот ответ Зосимы:

«— Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших близких деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не может зайти в вашу душу. Это испытано, это точно». Ждать «чудес» в смысле волшебства — занятие тщетное. Вот что говорит Достоевский. Только трудом — кропотливым и беспрерывным дается вера, трудом напряженной работы души. Незамысловатая на первый взгляд пословица: «Без труда — не вынешь рыбку из пруда» приобретает в свете этого глубочайший по своему значению смысл. И в этом смысле как раз вполне применим эволюционный лозунг: «Труд сделал из животного человека», только заменив прошедшее время «сделал» — на настоящее «делает». В конце долгой беседы с матерью Лизе старец опять дает тот же рецепт, что и Федору Павловичу: «Главное, убегайте лжи, всякой лжи, лжи себе самой в особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту. Брезгливости убегайте тоже и к другим и к себе: то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается. Страха тоже убегайте, хотя страх есть лишь последствие всякой лжи». Кто не лжет — тому бояться нечего. Это не просто совет старца Зосимы даме, и не только обращение писателя к читателям, это познанные в горниле испытаний и ценой собственных страданий Достоевского истины, добытые тяжелейшим трудом «самородки» истинной веры из «перелопаченных» многих тонн духовной «породы». Вот так просто подаренные нам и доступные каж-

дому. «Любовь же деятельная, — завершает старец свои поучения, — это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука. Но предрекаю, что в ту даже самую минуту, когда вы будете с ужасом смотреть на то, что несмотря на все ваши усилия, вы не только не подвинулись к цели, но даже как бы от нее удалились, — в ту самую минуту, предрекаю вам это, вы вдруг и достигнете цели и узрите ясно над собою чудодейственную силу Господа, вас все время любившего и все время таинственно руководившего...»

Мы пропустили два эпизода, показывающих отношение православной веры к смерти. В первом из них к старцу за помощью обращается женщина, у которой умер третий — последний ребенок:

«Она вынула из-за пазухи маленький позументный поясочек своего мальчика и, только лишь взглянула на него, так и затряслась от рыданий, закрыв пальцами глаза свои, сквозь которые потекли вдруг брызнувшие ручьем слезы.

— А это, — проговорил старец, — древняя «Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет», и таковой вам, матерям, предел на земле положен. И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь, только каждый раз, когда плачешь, вспоминай неуклонно, что сыночек твой — есть единый от ангелов Божиих, оттуда на тебя смотрит и видит тебя, и на твои слезы радуется, и на них господу Богу указывает... А младенчика твоего помяну за упокой... Помяну, мать, помяну и печаль твою на молитве вспомню, и супруга твоего за здоровье помяну. Только тебе его грех оставлять. Ступай к мужу и береги его... Ступай к мужу, мать, сего же дня ступай». Каким бы тяжким ни было горе женщины, но семья не должна рушиться, семья — это «малая Церковь». Дальше к старцу подходит «старенькая старушонка» с вопросом: «Сыночек у ней, Васенька, где-то в комиссариате служил, да в Сибирь поехал, в Иркутск. Два раза оттуда писал, а тут вот уже год писать перестал...

— *Только и говорит мне намедни Степанида Ильинична Бедрягина, купчиха она, богатая: возьми ты, говорит, Прохоровна, и запиши ты, говорит, сыночка своего в поминанье, снеси в церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говорит, затоскует, он и напишет письмо...*

— *И не думай о сем,* — как отрезает Зосима, — *Стыдно это и спрашивать. Да как это возможно, чтобы живую душу да еще родная мать за упокой поминала! Это великий грех, колдовству подобно, только по незнанию твоему лишь прощается.* Тут, вероятно, многие догадались, что речь идет здесь о том, что такое вера и что есть — суеверие.

Очень много ответов на насущные вопросы веры дает Достоевский в главах о старце Зосиме. Именно поэтому он позже подробно описывает его биографию, дает нам разобраться, кто такой старец Зосима, откуда он взялся и почему мы должны ему доверять. Этим Достоевский показывает, что святыми не рождаются — ими умирают, святость не передается «по наследству». Духовное прозрение — это результат нелегкого духовного опыта, полученного в течение человеческой жизни, чаще всего в «критические» моменты, когда человек находится на грани между жизнью и смертью. И это наиболее частая причина обращения человека к вере: война, тяжелая болезнь, смерть близких...

Прежде всего, Зосима (в миру Зиновий) по происхождению дворянин, хотя не из «знатных» и не из «чиновных». Детство Зиновия проходит определенным образом, что подготавливает «почву» для его духовного прозрения. Но само по себе это еще ничего не значит, его жизненный путь мог пролечь в какой угодно области. В молодости он вел жизнь обычную, окончил кадетский корпус, вышел в офицеры: «*Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордился. Не скажу, чтобы были скверные; все эти молодые люди были хороши, да вели-то себя скверно, а пуще всех я.*». Какая уж тут святость! И вот в этой-то жизни, да еще подстрекает-

мый завистью и докатился Зиновий (Зосима) до дуэли, причем по собственной инициативе. Перед дуэлью, совершенно закономерно, у него происходит осознание прожитой жизни и неизбежная ее переоценка. Очень интересно характеризует Зосиму образ его мыслей в эти минуты: «*Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы нечто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нет, думаю, как будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитым? Нет, совсем не то, совсем даже не то...* — он «чувствует» истину. Он видит свет от нее, но где же путь к ней? — *И вдруг сейчас же и догадался, в чем было дело: в том, что я с вечера избил Афанасия! Все мне вдруг представилось, точно вновь повторилось: стоит он предо мною, а я бью его с размаху прямо в лицо, а он держит руки по швам, голову прямо, глаза выпучил как во фронте, вздрагивает с каждым ударом и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смеет — и это человек до того доведен, и это человек бьет человека! Экое преступление!*». Но осознать мало, а что же дальше? Впереди дуэль и, может быть, она все спишет? Но величина человеческой души измеряется не только глубиной падений, но и высотой ее взлетов, ее «великодушия»: «*И вбежал один в квартиру обратно, прямо в каморку к Афанасию: “Афанасий, говорю, я вчера тебя ударил два раза по лицу, прости ты меня”, — говорю. Он так и вздрогнул, точно испугался, глядит — и вижу я, что этого мало, мало, да вдруг, так, как был, в эполетах-то, бух ему в ноги лбом до земли: “Прости меня!” — говорю. Тут уж он и совсем обомлел: — “Ваше благородие, батюшка, барин, да как вы да стою ли я...” — и заплакал вдруг сам, точно как давеча я, ладонями обеими закрыл лицо, повернулся к окну и весь от слез так и затрясся, я же выбежал к товарищу, влетел в коляску, “вези” кричу. “Видал, — кричу ему, — победителя — вот он пред тобою!”*». Победителем становится человек, осознавший свои грехи и тем победивший их. И вот раскаявшийся человек становится к барьеру, но вме-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

сто злости к врагу, к людям, в нем необыкновенная любовь ко всем, к жизни. Это знает каждый, кто хоть раз бывал на исповеди. *«Выстрелил он, капельку лишь оцарапало мне щеку да за ухо задело. “Слава Богу, кричу, не убили человека!” — да свой-то пистолет схватил, оборотился назад, да швырком, вверх, в лес и пустил... Оборотился к противнику: “Милостивый государь, говорю, простите меня, глупого молодого человека, что по вине моей вас разобидел, а теперь стрелять в себя заставил. Сам я хуже вас в десять крат, пожалуй. Еще и того больше”»*. С большим художественным мастерством, но более с использованием бесценного духовного опыта описывает Достоевский «преображение» души, «перерождение» человека.

Роман Достоевского «Братья Карамазовы» занимает не просто центральное место в литературе XIX в., но является отправной точкой для всей последующей русской литературы. После «Карамазовых» литературные произведения практически разделились на те, что поддерживают его идею спасения человека во Христе, и те, что пытаются ее опровергнуть, включая, конечно, и те, где происходят неосознанные метания от одного к другому...

«Братья Карамазовы» интересны тем, что в них реально показано «новое» поколение, не его «предчувствие», а истоки его происхождения. История жизни старца Зосимы, его духовное становление и передача его духовного наследия Алеше Карамазову — младшему из братьев, и далее молодому поколению. В отличие от других произведений, затрагивающих сходную тематику, у Достоевского, несмотря на репутацию «мистика», нет фатальности в появлении «новых» людей. Они не появляются ниоткуда, с «веянием ветра» перемен, из небытия, без видимой причины. У него все логично обосновано и альтернативно — выходов, как минимум, два. Нам остается только сделать свой выбор.

Обязательно еще нужно сказать несколько слов о романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Часто его трактуют как историю о хорошем, порядочном че-

ловеке, которому нет места в современном обществе. Причем, признавая Достоевского писателем религиозной направленности, князя Мышкина сравнивают с Христом. Дескать, появление Христа приведет к Его неизбежному распятию. Это явная ошибка, вытекающая, возможно, из неверной оценки «легенды о Великом инквизиторе», отождествляя слова инквизитора с мнением самого Достоевского. Но Достоевский прежде всего писатель православный, что непосредственно видно из вышеприведенного анализа романа «Братья Карамазовы». Следовательно, Достоевский не может проводить мысль о неизбежности повторного распятия, мысль пессимистичную и деструктивную. В своих поздних произведениях Достоевский прежде всего *созидатель*. И в романе «Идиот» Достоевский еще раз показывает слабую сторону человека образованного, но не воцерковленного. Князь Мышкин не случайно прибывает из-за границы. У Достоевского вообще нет ничего случайного. Будучи по натуре русским, князь все же находится вне русской жизни и вне русской культуры. Мышкин — человек добропорядочный, чуткий, тонкий, сострадательный и отзывчивый. У него много положительных качеств, в том числе и христианские добродетели; князь Мышкин — человек верующий, он — христианин. Но для употребления этих качеств «по назначению» ему не хватает *реального* взгляда на жизнь, который возникает у людей воцерковленных, то есть «духовного» зрения. Ясность такого «взгляда» зависит от чистоты души, которая очищается покаянием. Вот этого покаяния и не хватает Мышкину. Поэтому его все время «крутит» и «водит», его осаждают недруги, его одолевают разрушающие страсти, что и приводит в конце концов к сумасшествию.

Кстати, в романе «Идиот» есть один замечательный эпизод, характеризующий как самого князя Мышкина, его «непонимание» парадоксальности русского народа, так и показывающий реалистичное отношение самого Достоевского к русской жизни. Это раз-

говор князя Мышкина с Парфеном Рогожиным о вере: «А насчет веры, — начал он, улыбнувшись (видимо, не желая так оставлять Рогожину) и, кроме того, оживляясь под впечатлением одного внезапного воспоминания, — насчет веры я, на прошлой неделе, в два дня четыре разные встречи имел. Утром ехал по одной новой железной дороге и часа четыре с одним С-м в вагоне проговорил, тут же и познакомился... В Бога он не верует. Одно только меня поразило, что он вовсе как будто не про то говорил, во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, все мне казалось, что и говорят они, и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то... Замечание очень верное. Атеисты, как правило, очень воинственно настроенные против Бога, отрицают то, чего не знают и в чем абсолютно не дают себе труда разобраться, то есть огульно. А потому всегда уклоняются от темы... Вечером я остановился в уездной гостинице переночевать, и в ней только что одно убийство случилось... Два крестьянина, и в летах, и не пьяные, и знавшие уже давно друг друга... Но один у другого подглядел, в последние два дня, часы, серебряные, на бисерном желтом шнурке... Этот человек был не вор, был даже честный и, по крестьянскому быту, совсем не бедный... взял нож и, когда приятель отвернулся, подошел к нему осторожно сзади, наметился, возвел глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькой молитвой: “Господи, прости ради Христа!”, — зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы.

Рогожин покатылся со смеху...

— Вот это я люблю! Нет, от это лучше всего!.. — один совсем в Бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве... нет, этого, брат князь, не выдумашь!..

— Наутро я вышел по городу побродить, — продолжал князь... — вижу, шатаются по деревянному тротуару пьяный солдат в совершенно растерзанном виде. Подходит ко мне: “Купи, барин, крест серебряный, всего за двугри-

венный отдаю; серебряный!”

Вижу в руке у него крест, и, должно быть, только что снял с себя, на голубой, крепко заношенной ленточке, но только настоящий оловянный, с первого взгляда видно, большого размера, осьмиконечный, полного византийского рисунка. Я вынул двугривенный и отдал ему, а крест тут же на себя надел, — и по лицу его видно было, как он доволен, что надул глупого барина, и тотчас же отправился свой крест пропивать, уж это без сомнения. Я, брат, тогда под самым сильным впечатлением был всего того, что так и хлынуло на меня на Руси; ничего-то я в ней прежде не понимал, точно бессловесный рос, и как-то фантастически вспоминал о ней в эти пять лет за границей... Через час, возвращаясь в гостиницу, наткнулся на бабу с грудным ребенком... Ребенок ей и улыбнулся, по наблюдению ее, в первый раз от своего рождения. Смотрю, она так набожно-набожно вдруг перекрестилась. “Что ты, говорю, молодка?” — “А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заметит, такая же точно бывает и у Бога радость, всякий раз, когда он с неба завидит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится”. Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть все понятие о Боге как о нашем родном отце и о радости Бога на человека как отца на свое родное дитя — главнейшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знает, может, эта баба женой тому солдату была... Он повернулся и пошел вниз по лестнице.

— Лев Николаевич! — крикнул сверху Парфен, — крест-от, что у солдата купил, при тебе?

— Да, на мне...

— Покажь-ка сюда.

Опять новая странность!..

— Отдай мне, — сказал Рогожин.

— Зачем? Разве ты...

Князю бы не хотелось расставаться с этим крестом.

— Носить буду, а свой тебе сниму, ты носи.

— Поменяться крестами хочешь? Изволь, Парфен, коли так, я рад; побрегаемся!

Князь снял свой оловянный крест, Парфен свой золотой, и поменялись».

Много загадок для князя Мышкина, имеющего «фантастическое представление» о ней, содержит в себе русская жизнь. Но приписывать «народопоклонство» Ф. М. Достоевскому — совершенно несправедливо. Он прекрасно понимает, что русский народ не потому богоносец, что с молитвой ближнего за копейку зарежет. В массе своей это люди, готовые крест пропить натальный. Но на сто, а то и тысячи человек является один праведник такой силы духа, что всех остальных своей святостью за собой «подтянет», такой, например, как Серафим Саровский или Тихон Задонский (1724—1783), которые наполняли святостью все бытие русской жизни. Потому что любая простая баба в первой улыбке ребенка видит Божью радость — радость Господа о кающемся грешнике. Покаяние — вот что главное. По православному рассуждению — чем больше неустройства в твоём народе, тем решительнее надо посвящать ему свою жизнь потому, что и Христос не праведников пришел спасать, а грешников.

Достоевский чужд ложного гуманизма, по которому ради одного «святого», ради одного «достойного», ради улыбки ребенка, всех остальных — «недостойных» надо истребить. Безгрешных людей не бывает. Господу дороги не только праведники, но еще больше раскаявшиеся грешники — люди, осознанно пришедшие к Богу. «Все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представляли. И даже так, что если б народ русский оказался впоследствии не таким, каким мы каждый его представили, то, кажется, все мы, несмотря на всю любовь нашу к нему, тотчас бы отступились от него без всякого сожа-

ления. Я говорю про всех, не исключая и славянофилов; те-то даже, может быть, пуще всех... Но вопрос этот у нас никогда иначе и не ставился: "Что лучше — мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?"... А потому и я отвечаю искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться перед правдой народной и признать ее за правду, даже в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи» (Ф. М. Достоевский «Дневник писателя»).

«Загадочным», «противоречивым» и «экспериментальным» творчество Достоевского остается только для секуляризованного, материалистического сознания. В своих произведениях, особенно в романе «Братья Карамазовы», который можно считать воплощением его гения, Достоевский как бы создает «азбуку» православной веры. Он дает «ключи» к пониманию православия и Нового Завета. Произведения Достоевского глубоко реалистичны и основаны на точных жизненных наблюдениях. Если и есть в них мистика и метафизика, то это мистика и метафизика православной веры; если он и говорит о чуде, то это чудо не в волшебстве, а в спасении души во Христе и в жизни вечной, достигаемых кропотливым упорным трудом стяжания благодати Божией.

«В самые тяжелые моменты моей жизни, когда, кажется, все оставляли меня, я находил поддержку в одном существе, которое мне никогда в ней не отказывало. Это существо — Бог. Я по личному опыту убедился, что нет ничего хуже неверия. И всем, кто желает в этом убедиться, я предлагаю отправиться на каторгу. Если они не покончат с собою, то возвратятся оттуда истинно верующими.

Стройте себе какие хотите идеалы, разрушайте все человеческие понятия, но не касайтесь понятия о Боге. Оно раньше вас пришло на землю и не может быть вами уничтожено. Те, которые остаются без него, чувствуют пустоту и мрак на сердце и, потеряв все в жизни, не могут обрести ничего и внут-

ри себя. От того и являются у вас порывы отчаяния, что вы не имеете веры» — Ф. М. Достоевский⁵.

Никакой человеческий ум, должно быть, не в состоянии уложить бесконечную вселенную, называющуюся Русская литература, в десять новозаветных заповедей. И вот как нахлынут на вас сомнения, начнёт одолевать тоска и подступать отчаяние, вернитесь к началу, припадите к истокам и вспомните:

«О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия полкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы!»

Пронеситесь мысленным взором через всю историю Руси, и вы найдете в ней неисчерпаемый источник вдохновения. Ощутите красоту и богатство, и силу русского языка, и вам откроются безграничные возможности для самовыражения и творчества.

«Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей

души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженные его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-художавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. (Иоанн 1,1)
2. Владимир Мельник — доктор филологических наук, член Союза писателей России, «Неизвестный Владимир Даль», газета «Церковный вестник» № 10 (359), май 2007.
3. (Мф 5, 3)
4. Молитва св. Макария Великого ко Пресвятому Духу.
5. «Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников». 1993.
6. Н. В. Гоголь. «Мертвые души».

ЮРИЙ БОНДАРЕВ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

(к 85-летию со дня рождения писателя)

Юрий Бондарев — выдающийся русский писатель, автор современной военной и философской прозы, эссеист и публицист, видный общественный деятель — отмечает в этом году своё восьмидесятипятилетие. Мы гордимся тем, что он является почётным членом нашей писательской организации.

Юрий Бондарев родился 15 марта 1924 г. в г. Орске Оренбургской области в крестьянской семье. Первые годы его жизни прошли на Южном Урале и в Средней Азии. С конца 1931 г. семья Бондаревых живет в Москве. Окончив среднюю школу, юноша участвовал в строительстве военных рубежей под Смоленском, потом два месяца с августа 1942 г. учился в пехотном училище, был брошен под Сталинград, где получил тяжелое ранение. Затем, выйдя из госпиталя, стал командиром противотанкового орудия, артиллерийским офицером, который с боями дошел до границ Чехословакии. В 1945 г. получил второе ранение и, демобилизовавшись в декабре того же года, поступил в Литературный институт им. М. Горького, где учился в семинаре К. Г. Паустовского. Вскоре по первым журнальным публикациям был принят в Союз писателей СССР. Так начался славный литературный путь замечательного художника слова.

Жизненных впечатлений было накоплено столько, что явилась потребность поведать о них в первых рассказах, которые были опубликованы в 1949 г. Эти рассказы (они печатались в журналах «Октябрь», «Молодая гвардия», «Огонёк») рисовали людей разных мирных профессий, поэтически

воспроизводили мир природы, наполненный солнечными лучами. Чувствовалось, как истосковался много воевавший человек по безмятежному созерцанию прекрасного, по романтике исканий, по таинству искусства, по благоуханию цветов и трав, как интересны ему будничные заботы врачей, строителей, капитанов речных судов. Мелодичность звучания и элегические интонации ранней прозы Бондарева свидетельствовали о заметном воздействии на него творчества литературного наставника — Паустовского, которое ощущалось в сборнике «На большой реке» (1953), в рассказах «Трудная ночь» и «Поздним вечером» (1962). Но чувствовалось также, что своего героя Юрий Бондарев ещё тогда не нашел. Его следовало искать в той жизненной сфере, которая была так хорошо знакома недавнему фронтовику.

Очевидный успех пришел к писателю тогда, когда он обратился к фронтовой теме и так называемой «лейтенантской прозе», осваивавшейся в ту пору В. Некрасовым, Г. Баклановым, В. Быковым, К. Воробьевым. Приход к этой тематике был для Бондарева тем более органичным, что его новые молодые герои в лейтенантских погонах несли некоторые автобиографические черты и аккумулировали его собственный трагедийный военный опыт. Молодой автор стал писать о своём сверстнике, оказавшемся в годы войны в самой нечеловеческой обстановке.

Талант Ю. Бондарева ярко сказался уже в повести «Батальоны просят огня» (1957). Эпиграфом к произведению были взяты строки из «Василия Теркина» А. Твардовского: «Смертный

бой не ради славы, ради жизни на земле». Они настраивали читателя на восприятие действительно «смертного боя», экстремальной ситуации, связанной с форсированием дивизией полковника Иверзева густо простреливаемого Днепра. На правый берег реки должны в первую очередь переправиться два батальона вместе с батареей капитана Ермакова, чтобы захватить и удержать там плацдарм до следующего подхода основных сил. Этим батальонам удаётся выполнить задачу, но дивизия в силу изменившихся обстоятельств наступает на другом участке фронта и не поддерживает огнём выдвинувшихся на правый берег. Обречённые батальоны требуют огня, сигнализируют красными ракетами, но желаемого отклика нет и бойцы погибают. Однако напряженность повествования достигается не только и не столько острым сюжетом, сколько психологической насыщенностью письма, внутренней динамикой рассказа, пульсацией мысли героев, яркостью их характеров. Повесть обнаружила смелое новаторство её автора, обратившегося к трагедии войны и внутреннему миру сражающихся героев, показавшего обнажённую правду и величие подвига солдат, принесённых в жертву во имя неизвестных им стратегических планов начальства. Произведение давало обостренное ощущение стремительности движения жизни, переданного строгим языком и стилем.

Скрытый сюжет позволил писателю ярко воссоздать фронтовой быт, обжигающую окопную правду, цепь ярких батальных сцен. И в этом плане писатель продолжил художественные завоевания некрасовской книги «В окопах Сталинграда», но в то же время явил присущее ему стиливое своеобразие и открытие героя особого типа — юного офицера, динамично обретающего опыт и возросшую зрелость. Впервые автор в полный голос сказал о средствах и трагической цене, которыми достигалась победа. «Батальоны просят огня» стали одной из первых подлинных, достоверных книг о войне, оказавших своё воздействие на во-

енную прозу последующих лет. Не случайно Василь Быков, ещё один мастер этого жанра, пронищательно сказал о произведении: «Все мы вышли из бондаревских “Батальонов”». Нодар Думбадзе оценил «Батальоны...» как одну из лучших повестей о Великой Отечественной войне¹, а критик В. Васильев назвал Ю. Бондарева «совестью поколения»².

Следом за «Батальонами...» пришла повесть «Последние залпы» (1959). Талант Юрия Бондарева проявился здесь столь же ярко. Это повесть о героическом поединке батареи капитана Новикова с фашистскими танковыми частями, сражении, происходящем в самом конце войны на территории Чехословакии. Снова эпиграфом становятся строки А. Твардовского, но на этот раз — из стихотворения «Я убит подо Ржевом». Вновь читатель попадает в гущу трагических ситуаций, находит переданные автором детали большой точности, которые помогают писателю передать глубокую правду о войне. Хотя действие сравнительно небольшой по объёму книги разворачивается на локальном участке фронта и ограничивается одним боем, автору удаётся передать с психологической убедительностью внутренний мир сражающихся героев (Новикова, Гулько, Овчинникова, Алешина, Лены Колосковой), нарисовать — причем ещё более ярко, чем прежде, — батальные сцены, раскрыть суровую реалистичность фронтового быта и одновременно поставить «вечные» вопросы о добре и человечности, о подлинном смысле жизни и счастье, о героизме и мужестве, о долге и чести, о страхе смерти и ответственности за других. Крупный план передачи человека мастерски соединяется с микроскопическим методом рассматривания характера, строгий отбор подробностей уживается с щедрым раскрытием конкретных ситуаций. За время действия повести мы успеваем полюбить сурового, неразговорчивого командира батареи Новикова, которому суждено погибнуть. Не случайно в конце произведения его горестно оплакивает и

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

любящая его Лена, и командир дивизии майор Гулько, и командир взвода лейтенант Алеёшин.

Заслуживает внимания усвоение молодым Бондаревым отдельных приёмов, характерных для прозы Л. Толстого: повторения меткой детали, контраста характеристик, передачи выразительного жеста, противоречия между внешним обликом и внутренней сутью человека, эпического слога писателя, детализации военной сцены, психологического параллелизма, смены ракурсов изображения. Прочитав характеризующую повесть, датский критик Эгиль Стеффенсон назвал её автора «самым многообещающим писателем новейшей советской литературы»³, а отечественный критик О. Михайлов охарактеризовал его «Последние залпы» как «современную сагу — сагу о войне...»⁴

На определённом этапе своей писательской эволюции Юрий Бондарев ощутил в себе силы обратиться к большой эпической форме — роману. В этом жанре была создана «Тишина», первые две части которой были впервые опубликованы в журнале «Новый мир» в 1962 г., а третья — под названием «Двое» — в 1964 г. Новым было не только освоение жанра романа, но и обращение к картинам мирной жизни, в которую «входят» молодые люди, вернувшиеся с войны. Время действия — конец 1945—1953 годы, то есть тот отрезок жизни, который в свою пору пережил и Ю. Бондарев как время наступившей тишины и резкой перемены судьбы. Главный герой романа Сергей Вохминцев, — вернувшийся с войны 22-летний капитан запаса — исполнен противоречивых переживаний. С одной стороны — ощущение забытых радостей мирной жизни (тишины, душа, гражданской одежды), с другой — беспокойное чувство выбитости из нормального и привычного течения жизни, восприятие себя человеком «потерянного поколения». Отсюда — растерянность, схватки и драка с антагонистом Уваровым, трудности вживания в мирную жизнь, когда война не отпускает даже во сне. Вох-

минцев испытывает тяжёлые переживания по поводу ареста отца, ощущение в частной судьбе личности драматической судьбы и сверстников, и отцов, и нации в целом. Для героя характерны бескомпромиссная борьба за справедливость, мучительные терзания в связи с исключением из партии и уходом из института.

Роман «Тишина» насыщен точными приметами послевоенной жизни в стране, поднимает жгучие вопросы, связанные с культом личности, годами страшной всенародной беды и последней агонией сталинизма. По словам немецкого исследователя В. Козака, этот роман «принадлежит к самым значительным произведениям» Бондарева⁵ и остаётся по сию пору, как это отметил критик А. Бочаров, честным и правдивым изображением послевоенных судеб фронтового поколения⁶. В творчестве Ю. Бондарева он стал своеобразной передышкой в разработке военной темы и одновременно разбегом в освоении формы романа с его многолинейным и объёмным изображением мира.

Но прежде чем снова выйти к военному роману, писатель создает повесть «Родственники» (1969), которая также отражала послевоенные годы и вновь касалась взаимоотношений «отцов» и «детей». Для Бондарева дорога неприкрытая правда жизненных обстоятельств, его вновь увлекает раскрытие драматизма общественной ситуации и обнажение различных форм социальной и нравственной несправедливости. Эти вопросы рассматриваются и горячо обсуждаются Алексеем Грековым и его двоюродным братом Никитой, которые затрагивают в своих диалогах проблемы нравственности, осмысливают проявление насилия и свободы, лжи и правды. Как и в «Тишине», судьбы героев, людей фронтового поколения, оказываются отнюдь не благополучными и счастливыми. К сожалению, повесть эта по непонятным причинам оказалась не оцененной критикой, хотя была злободневной, интересной и, примыкая к «Тишине», стала ещё одним шагом на

пути разработки остросоциального, проблемного бондаревского романа.

Большой роман «Горячий снег» (1969) знаменовал возвращение Юрия Бондарева к дорогой и специфичной для него военной тематике. Новое произведение переносит читателя под Сталинград, в район жесточайших боёв 1942 года. Действие в нём длится только сутки, преимущественно в одном месте — у речки Мышковка, что в сорока километрах от Сталинграда извилисто течёт в степи. И передано, по существу, одно решающее событие — бой нашей дивизии с танками группы Манштейна, рвущимися в город на Волге. Налицо как будто три единства старой классицистической формы (времени, места и действия). Но каким масштабным становится изображение у Бондарева, какой ярко реалистической, многоаспектной оказывается картина, созданная писателем! Нам удаётся увидеть теперь не бой местного значения, не локальное событие, а всю операцию командования в целом, вникнуть в замыслы сражающихся сторон, пережить заключительный акт Сталинградской битвы. Речушка становится тем рубежом, где наши солдаты из частей армии генерала Бессонова стоят насмерть и останавливают бронированные машины армий Манштейна. Снова героями повествования становятся юные лейтенанты, выпускники артиллерийского училища: Кузнецов (в нём запечатлены черты личности автора), Дроздовский, Давлатян. Все они исполнены готовности проявить исключительную отвагу и самопожертвование, обороняя наши рубежи, чтобы не пропустить танки противника. И все они, эти лейтенанты и их солдаты, объединены в нерасторжимое единство со своим командующим армией, суровым и бескомпромиссным Бессоновым. Внушительно и лаконично ставит он своим подчинённым задачу: «Ни шагу назад! И выбивать танки. Стоять — и о смерти забыть!»

Автор романа с большой силой воспроизводит картину решающего боя (чувствуется, что это непосредствен-

ный участник сражения восстанавливает в своей памяти когда-то увиденное и пережитое), передаёт перипетии боя, его напряжение, апогей и развязку. Трудно забыть этих четверых, опалённых огнём, оставшихся от целого взвода. Столь же трудно не запомнить сцену, когда генерал вручает закопченным артиллеристам орден Красного Знамени, сопровождая награду словами: «Всё, что лично могу... Всё, что могу». Бондарев добивается необычайно стремительного действия, мощно передаёт его кульминацию и эпически выразительную и трагически ошеломляющую развязку. Необычайно возросли писательское портретное искусство, умение передавать панораму событий, мастерство проникновения в индивидуальную психологию героя, способность лепить контрастные характеры (Кузнецов — Дроздовский), передавать динамику сражения и переход от молодости к зрелости, соединять конкретное с предельно обобщённым (высокими мыслями о Жизни и Смерти), резко менять точку обзора (из окопа, командного пункта дивизии, командного пункта армии), раскрывать горечь правды о войне.

Роман «Горячий снег» принёс его автору ошеломляющий успех. Чешский профессор Мирослав Заградка назвал «Горячий снег» современной эпопеей в точном значении слова⁷. По словам американского критика В. Хечберга, «мысли о мужестве, грозящей смерти, беспорядке сражений, одиночестве дерущихся людей — всё это звучит очень по-толстовски в романе Ю. Бондарева»⁸.

К военной теме Юрий Бондарев обратился и в киноэпопее «Освобождение» (1970—1972), где он выступил как сценарист в соавторстве с О. Кургановым и Ю. Озеровым. Здесь развёрнута широкая панорама событий Второй мировой войны. Авторы привлекли многочисленные воспоминания и документы, отразили свой собственный опыт участия в сражениях. Рядом с историческими лицами крупным планом изображены фигуры рядовых солдат и офицеров нашей армии. Ав-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

торы ведут свой рассказ от самого начала войны до страшных сражений на подступах к Берлину, где вновь и вновь проливается кровь наших отцов, братьев и сыновей. Не случайно через ткань эпопеи проходит песня-лейтмотив «Последний бой — он трудный самый». События масштабные интересно сплетены в сценарии с мельчайшими деталями битвы, история народов — с судьбой отдельных людей. К недостаткам сценария следует отнести то, что слишком большое место здесь занимают генералы и маршалы, а сценам со Сталиным и агонии главарей фашистской Германии уделено столько же внимания, сколько самой войне. Тем не менее фильм по этому сценарию вызвал в своё время обострённый интерес зрителей и был удостоен Ленинской премии.

События минувшей войны получили широкое запечатление и в романе «Берег» (1975), одном из самых значительных произведений писателя. Однако этот роман открывает новый этап в творчестве Юрия Бондарева, ознаменованный появлением произведений нравственно-философского и идеологического наполнения. Другая их особенность состоит в том, что эти романы в значительно большей степени обращены к живой современности 70-х, 80-х, 90-х годов прошедшего столетия, однако органично сопрягают разные временные планы, в том числе эпизоды войны, поднятые на новый уровень их осмысления, войны, которая оживает в воспоминаниях главного героя. Кроме того, эти романы резко контрастно воспроизводят зарубежную и советскую действительность, включая в свою структуру заметный полемический аспект. Первым из этой серии романов Ю. Бондарева стал именно «Берег».

В этом произведении события протекают в 1970-е гг. Герой книги писатель Вадим Никитин вместе с товарищем по роду деятельности Самсоновым приезжает в Гамбург, большой портовый и промышленный город тогдашней ФРГ, откликнувшись на при-

глашение Гамбургского литературного клуба. Он ведёт переговоры по поводу своего нового романа. И здесь в немолодой немецкой госпоже Герберт узнает Эмму, которую впервые встретил и полюбил 26 лет назад, весной 1945 г., когда его батарея сражалась на подступах к Берлину и вошла в маленький германский городок. Никитин вспоминает минувшие эпизоды, и теперь на смену первой части романа — «По ту сторону» — приходит вторая, названная «Безумием» и повествующая о событиях конца войны.

Если острая идеологическая полемика начальной части книги своим острием обращает к теме фашизма и военной истории, то вторая, центральная часть романа своим философским раздумьем о сцеплении необычных событий, о противостоянии разных людей и их моральных принципов, о безумии вражды и любви нацеливает на осмысление этих же вопросов в современном мире. Тем самым устанавливается внутреннее единство между этими первыми частями романа и частью третьей, получившей название «Ностальгия» и возвращающей читателей в современный мир. Эта особенность позволяет увидеть то возрастающее композиционное мастерство писателя, которым отмечен «Берег». Юрий Бондарев плодотворно наследует гуманистические традиции русской литературы и по-своему раскрывает красоту человечности, единения людей, способности личности взять на себя «боль другого». Переключка событий прошлого и настоящего говорит о внутренней цементирующей связи эпох, о преемственности культур, о тоске по юности и прекрасному прошлому с его романтикой дружбы, любви и героического подвига.

Важное, объединяющее людей содержание приобретает в романе мотив памяти. Он распространяется и на людей, и на их идеи. Забвение прошлого равносильно предательству. В далёком прошлом Вадим Никитин хочет найти ответ на свой мучительный вопрос об истоках взаимного отчуждения, недоверия людей, о причинах их про-

тивостояния, конфликтов и войн. Но он знает, что лучших людей, встреченных им на дорогах жизни, таких, как лейтенант Княжко и юная Эмма, всегда объединяло желание подняться над нетерпимостью, отчуждением, национальными и идеологическими барьерами. К этому стремится и Вадим Никитин. Поэтому такое большое значение в романе получает мотив берега, то есть истинно человеческого начала, помогающего преодолеть разобщённость и расколотость мира. Для самого автора образ берега связывается с вечным движением к идеальной цели, к истине, к высотам духа. Как заметил Ф. Кузнецов, «философская мысль романа высекается сближением, перекрестком таких далёких и родных берегов, как мир сегодняшний и время войны, и одновременно — берега отечественного, родного и дальнего, чужеземного, чужого»⁹.

Роман Ю. Бондарева вызвал интерес и глубокими авторскими раздумьями о сегодняшнем мире, и поисками берега в широкой реке жизни, и раскрытием высокого нравственного идеала на примере лейтенанта Княжко, и пересечением двух временных плоскостей, и разработкой нового типа социально-психологического романа, и соединением образной пластики с открытой публицистичностью стиля. Не случайно это произведение вызвало широкую дискуссию за «круглым столом» в журнале «Вопросы литературы». Не случайно Хелен Штели из Швейцарии расценила этот роман как «попытку вдохнуть свежую струю в необъятную советскую литературу о войне»¹⁰.

Поиски новой романной формы были продолжены Юрием Бондаревым в произведении, получившем название «Выбор» (1980). Бондарев снова сталкивает военное и мирное время. Но на этот раз построение романа организовано писателем по-иному: его ретроспективные главы уже не окружены композиционным кольцом, а ритмично чередуются с размышлениями о современности. Снова речь идёт о нахождении героями своего берега, но теперь значительно острее выдвигает-

ся проблема нравственного выбора, что и отражено в названии нового романа.

Жизненные пути двух друзей, схожие в юности и в начальную пору войны, резко расходятся в разные направления, становясь своеобразными полюсами добра и зла. Если Васильев по завершении войны возвращается домой, становится крупным художником и женится на Марии, некогда любимой обоими юношами, то Рамзин оказывается в немецком плену, связывает свою жизнь со спасшей его немкой-горбуньей, остаётся жить в Германии, обретает материальный успех. И только в конце жизни он приезжает в Россию с намерением быть погребённым на родной земле.

Ни так называемый «любовный треугольник» (Васильев — Мария — Рамзин), осложняющий взаимоотношения героев, ни фабула романа с её хронологической последовательностью событий не являются в этом произведении определяющими. Главный читательский интерес перемещается в мир душевных коллизий, в область философии, исповедуемой героями, в драму мировоззрения, которая перерастает в трагедию. Ведущей идеей этого произведения становится идея гуманизма, чрезвычайно волнующая Бондарева. Она пронизывает все основные эпизоды романа, все клеточки его сложного организма. Она определяет не только конфликт двух центральных героев, но и столкновение Рамзина с Лазаревым, противопоставление Васильева и Щеглова, сложную дружбу с Лопатыным, противостояние Васильева с Колицыным, обостренную боль за людей, живущую в душе художника, его раздумья о одиночестве людей. Именно поэтому противоположность жизненных судеб главных героев не исключает сострадания и понимания Васильевым трагедии его заблудившегося друга.

Читателей увлекает в романе история современного блудного сына, осмысление вины и расплаты, мотив правдоискательства, исследование причин и следствий, анатомия больной совести

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

человека, пафос высокой человечности и прославления жизни, осуждение бесчеловечности войны и жестокости сил, попирающих личность. Совершенно справедливо М. Козьмин писал о насыщенности романа крупными моральными, социальными и философскими проблемами¹¹. Прав Ф. Чапчахов, отметивший великодушие и милость Родины, позволившей похоронить Илью Рамзина в родной земле¹².

В очередном романе Ю. Бондарева «Игра» (1985) военная тема заняла совсем небольшое место, будучи сведенной лишь к одному, хотя и важному для понимания героя эпизоду. Автор утверждает здесь мысль о недопустимости пребывания на «ничейной полосе» (что нередко свойственно герою романа в мирной жизни). Внимание Бондарева привлекает теперь широкая панорама современности, представленная в её наиболее значительных духовно-нравственных проявлениях. Вновь писатель художественно исследует облик и суть современного интеллигента, реализующего себя в творческой сфере.

На этот раз героем оказывается кинорежиссёр Вячеслав Крымов. Он несёт в себе заметные автобиографические черты (известна, в частности, широкая причастность Ю. Бондарева к миру кино, создание им сценариев к фильмам по своим произведениям «Последние залпы», «Тишина», «Горячий снег», «Берег», «Освобождение», сотрудничество с В. Басовым, Г. Егиазаровым, А. Аловым и В. Наумовым, награждение Золотой медалью имени А. Довженко). Крымову присущ внутренний конфликт с самим собой, он переживает чувство вины, что сближает его с Никитиным и Васильевым из предыдущих романов.

В этом произведении автор обогащает полемический пласт, развивает тему встречи советского интеллигента с Западом. Беседуя с Джоном Гричмаром, американским кинорежиссёром, Крымов говорит о самобытности своей страны, отнюдь не познанной зарубежными коллегами: «Русь и Россию

идеально не знал и не знает никто. Даже Лев Толстой. Руси уже нет. А Россия — самая неожиданная страна. И такой второй нет в природе. Если уж кто спасёт заблудшую цивилизацию, так это опять же Россия. Как во вторую мировую войну. <...> может быть, в ней запрограммирована совесть всего мира... Америке этого не дано. Там разврат духа уже произошёл. И заключено полное согласие с дьяволом».

Писатель раскрывает сложный мир переживаний своего героя, показывает присущую ему личную ответственность за всё происходящее на планете. Крымов — романтик-максималист, отдельными чертами напоминающий Дон Кихота с его душевной болью за страдания людей. Он решительно отстаивает гуманистические ценности человечества, и в этом он опять-таки сближен с Васильевым. Его отталкивают уродливые, искаженные формы научно-технического прогресса, возникшие в последнее время, и он осуждает их с гуманистических позиций. Нам понятен его гнев в адрес чиновников всех рангов, «от управдома до министра», оторвавшихся от жизни и нужд простых людей. Нам близки его нетерпимость к застойным явлениям и конформизму. Это герой-идеолог, и потому мы не можем принять раздражения И. Дедкова по поводу крымковского высокомерия и верхоглядства. Нет, Крымову присуще бесстрашие в отстаивании своих убеждений, черта, которая весьма поучительна для рефлексирующих представителей интеллигенции именно тогда, когда от них требуется решительность, активность и действенность. В этом свете в романе раскрываются образы Стишова, Скворцовой, Балабанова и Токарева, получающие негативную оценку.

Вместе с предыдущими двумя романами («Берег» и «Выбор») «Игра» составила своеобразный цикл размышлений о судьбах современной творческой интеллигенции. Некоторое время этот цикл представлялся трилогией, но до тех пор, пока не появились новые романы Ю. Бондарева такой же открытой структуры и такого же обществен-

ного пафоса — **«Искушение»** (1991) и **«Непротивление»** (1994—1995). Об этих поздних романах нам предстоит подробно поговорить в другой раз, а пока скажем, что для них характерно расширение сферы изображения действительности (теперь в поле зрения писателя — люди науки, научные сотрудники института, проблемы экологии), усиление субъективного начала, в связи с чем более ощутимым и зримым становится присутствие автора; погружение в мир духовных исканий человека, усиление философской проблематики, трагического колорита и публицистичности, большая роль диалога, диспутов, внесобытийного ряда, условных и символических образов. Становится ясным, что Бондарева интересуется не разнообразие профессий, а повторяющийся и варьирующийся тип героя, переживающего внутренний кризис и мучающегося растревоженной совестью, обращенной к отдельным людям и всему человечеству на новом историческом витке существования. Это размышление автора о человеке его поколения, преодолевающем новый исторический рубеж.

В последние десятилетия творческой деятельности Ю. Бондарева существенное место занимает его публицистика. В сборнике статей **«Взгляд в биографию»** (1971) писатель большое внимание уделил интерпретации собственных произведений, прототипичности героев повестей **«Батальоны просят огня»** и **«Последние залпы»**, душевному опыту «людей окопов». В книге публицистических выступлений **«Поиск истины»** (1976) Ю. Бондарев формулирует свои эстетические принципы и высказывает литературные взгляды на так называемые творческие стандарты, регламентацию нравственных идеалов, положительных и отрицательных героев (сам писатель избегал такого догматического деления), на роль художественной формы, замысла и его реализации, на непреходящую значимость темы войны, на значение в литературе психологической коллизии.

В статье **«Человек несёт в себе мир»** (1977) Бондарев замечает, что в литературе наступила пора соединения двух

художественных диктатур — образа и интеллекта. В одноименном сборнике статей (1980) он затрагивает вопрос о зыбкости границ между добром и злом в реальной жизни: они не охраняются таможенными. В выступлении на V съезде писателей РСФСР (1980) и на VII съезде писателей СССР (1981) Ю. Бондарев осудил «литературу безнадёжности», которая не помогает нам жить, и призвал приблизиться к смыслу трагического XX в. Он с горечью говорил о том, что духовный прогресс заметно отстает от прогресса технического. В статье **«Боль и надежда»** (1988) писатель обратил внимание на то, как часто ложь притворяется истиной, подражает правде, прикидывается добром и соблазняет слабых.

Бондарев — автор большого ряда критико-литературоведческих статей, посвященных специально наследию Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. А. Шолохова, Л. М. Леонова. В одной из своих статей этого ряда (**«Новый писатель»**) он радостно приветствовал приход в литературу К. Воробьева.

Любопытно, что неизменно пишущий прозу, автор эпических произведений, Бондарев в 1998—1999 гг. обратился к драматургии и создал пьесу **«Переворот»**, посвященную памятного 93-му году.

Особое место в творчестве Ю. Бондарева заняли прозаические миниатюры, создававшиеся им в разные годы и получившие общее название **«Мгновения»** (1977—1987). В своей «малой форме» писатель ставит и решает многие из тех вопросов, которые он осмыслил в своих повестях и романах: об отцах и детях, о юности и старости, добре и зле, жизни и смерти, войне и мире, природе и человеку. Для этих миниатюр характерно запечатление мгновений жизни, противопоставленных вечности, импрессионистичность видения, лиризм стиля, весомость художественной детали, внутренняя мелодичность речи, открытая автобиографичность. Им присущи острое чувство времени, употребление в языке непривычных сочетаний слов («играл прощальное внимание», «с потусторонними бескров-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ными губами», «обвораживающий яд», «фиолетовая оголённость»), бессюжетность. Для них характерны передача воспринимающего сознания, исканий мысли или подсознания (сна), использование форм эссе и дневниковой записи, коротких рассказов и сжатых очерков.

Вот миниатюра «Ожидание». Она посвящена неблагоразумному ускорению времени, когда человек, подгоняя его, склонен уничтожить его своим одержимым нетерпением. Эссе основывается на эпизодах биографии автора, которые подтверждают это размышление. Он неистово торопил время в детстве, в юности, в зрелом возрасте, будучи готовым отдать ради ускорения срока несколько лет жизни. И только теперь, прожив свои лучшие годы, автобиографический герой миниатюры научился ценить настоящее. Он понял радость ежедневного существования, ценность неповторимых мгновений жизни.

В лаконичном размышлении «Оружие» автор признаётся, что любил на фронте рассматривать трофейные парабеллумы, браунинги, маленькие «вальтеры», восторгался красотой этих орудий смерти. Почему же люди делают оружие столь красивым и даже изящным? Ведь железная красота убивает самую высшую красоту творения — человеческую жизнь.

Миниатюра «Звезда детства» передаёт любование героя своей звездой и её добрым, успокоительным мерцанием. «Не было ли это общение с вечностью, разговор с космосом?» — задает вопрос автор. Ведь космос до сих пор пугающе непонятен и прекрасен, как таинственные сны детства.

Одно из «мгновений» под названием «Крик» сообщает об услышанном автором громком голосе женщины, раздававшемся из какого-то верхнего этажа дома. Это был крик боли, страдания, словно пытали человека, и он нарастал нечеловеческим воплем. «И всё погасло во мне, — заключает писатель, — и благословенный московский листопад, и свет осеннего дня, и умиление естественной порой бабьего лета...» Согласитесь: это ведь та чуткость к чужой че-

ловеческой боли, которая так свойственна героям Ю. Бондарева.

Некоторые миниатюры писателя способны уместиться в две или три строки, как эта: «Мир разноязычен, но все люди одинаково плачут и одинаково смеются». Этот уникальный по своей содержательности и лаконизму жанр «мгновений» оказался специфичным и органичным для творчества Юрия Бондарева.

Всё созданное писателем за полстолетия его неутомимых художественных исканий нашло отражение в четырёхтомном (1973—1974), шеститомном (1984—1986) и восьмитомном (1993—1996) собраниях его сочинений. Юрий Бондарев по праву и достоинству носит звание Героя Социалистического Труда (1984), лауреата Ленинской (1972), Государственных премий СССР (1974 и 1983) и Государственной премии РСФСР (1975), литературной премии Льва Толстого (1993). Пожелаем же ему творческого долголетия и новых художественных озарений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературная газета. 1983. 14 марта.
2. Васильев В. Сопричастность жизни: литературно-критические статьи. М.: Современник, 1977. С. 71.
3. См.: Горбунова Е. Юрий Бондарев: Очерк творчества. М.: Сов. писат., 1971. С. 105.
4. Михайлов О. Юрий Бондарев. М.: Сов. Россия, 1976. С. 50.
5. Казак Вольфганг. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. С. 53.
6. Бочаров А. Литература и время. Из творческого опыта прозы 60–80-х годов. М.: Худ. лит., 1988. С. 53.
7. Цит. по: Овчаренко А. Большая литература. Основные тенденции развития... Семидесятые годы. М.: Современник, 1988. С. 73.
8. Там же. С. 75.
9. Кузнецов Ф. Берег человечности. Правда. 1945. 18 июля. С. 3.
10. Цит. по: Овчаренко А. Указ. соч. С. 85.
11. Козьмин М. Книга тревоги и надежды. Литер. Россия. 1981. 2 янв. С. 8.
12. Чапчахов Ф. Цена выбора. Литер. газета. 1981. 1 янв. С. 5.

Александр Миронов

РУСЛО РУССКОГО РЕЧЕНИЯ,

или

Обретение словосочетаний, русскую душу вполне упасающих...

(фрагмент из ещё незаконченной книги —
продолжение, начало в предыдущем выпуске журнала)

Почему выражение «поставить в глупое положение» есть выражение не разумное?

Рассмотрим сначала по уже сложившейся привычке, что означает само слово *глупый*. Оно имеет ряд смыслов, которые вполне сводятся к отрицанию наличия разумного начала. То есть умственная малость или нехватка, недостаток разумности и полагаются нами как признаки глупости. Но ведь что умно в одной компании, в другой оно же может оказаться весьма и весьма неразумным. Поэтому и выходит, что объективная нехватка (дефицит) умного и есть глупое. Но тогда разве уместной будет мысль о возможности постановки или выставления кого-либо в глупое положение? Давайте размышлять. Кто-то, вероятно, твердо заявит, что подобное очень даже возможно, и сошлется на случаи из жизни. Например, в неожиданной ситуации многие люди теряются и начинают вести себя неразумно. Скажем, появление кого-либо в явно радостном настроении там, где царит печальная атмосфера, будет выглядеть как глупое или неуместное событие, а сам этот человек и будет воспринят как глупец. Тем самым и возможно будет вполне говорить о попадании в глупое положение. Что ж, для начала разговора

признаем сей пример как бы убедительным. С другой стороны, всякий внимательный наблюдатель заметит, что все неуместное, вызванное лишь отсутствием осведомленности о чем-либо, разве сообщает о какой-либо глупости неосведомленного лица? Если нет, то почему мы вдруг полагаем глупое там, где его нет и в помине. Не будет ли подобное предположение свидетельством уже против нас самих? То есть, полагая глупое там, где его на самом деле нет, мы сами незаметно для себя начинаем поступать глупо. Вот и выходит, что так называемая постановка кого-либо в глупое положение есть лишь неразумное (измышленное) восприятие ситуации. Поэтому-то и выходит то, что на самом деле никто и никого не может ставить в глупое положение и сами разговоры об этом уже являются доподлинно глупыми. Да, в жизни всевозможные смешные случаи порой легко принимаются как глупые ситуации, но суть всего смешного и суть действительно глупого все-таки разная. Будем впредь помнить об этом.

О природе гордости и всего гордящегося

В словаре слово *гордость* своими значениями сводится к смыслу *превосходящего кого-чего-либо*. Спрашивает-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ся: что вдруг так-то, отчего много возносимся, неужели в том *только наша* заслуга? То есть наши достоинства являются ли только нашими в своей сути? И потом, ежели мы постарались в чем-то действительно благом, то разве станем от этого задира-ть свой нос? Нет, конечно, не станем. Вот и выходит, что наш нос задирает-ся там и тогда, когда блага-то и нет вовсе. А что есть? А есть лишь види-мость или иллюзия чего-то благого. Иначе говоря, в такой момент мы не-заметно для самих себя начинаем мнить себя же в роли некоего бога или подателя неких благ и даже сопутству-ющей им радости. Но ведь сие на са-мом деле нам и не под силу вовсе, а значит, и хлопотать о том нам никак не стоит. В результате и выходит, что все гордое и гордящееся есть на самом деле неразумное. С другой стороны, многие из нас весьма и весьма удов-летворены бывают, когда нас восхва-ляют за что-то. В такие времена не худо было бы вспоминать классиче-ское: «а судьи кто?» или «кукушка хва-лит петуха...» Или всем нам следует помнить: там, где похвальба, там нет и даже не может быть доподлинно бла-гого. То есть там, где гордятся, там на самом деле в главном мало что пони-мают.

**Почему выражение
«защита Отечества
есть священный долг
каждого гражданина
России»
является демагогическим
или фальшивым?**

«Да разве возможно такое утверждать в здравом уме и твердой памяти?» — скажет какое-нибудь «продвинутое» лицо. «Да, вполне даже», — ответит автор настоящей заметки. Но почему вдруг и как такое вообще допустимо? Подобное положение вещей допустимо хотя бы потому, что в самом нашем Отечестве давным-давно прижилось форменное нечестие или плутовство практически всех его руководителей.

Иначе говоря, Отечество наше в лице его руководителей частенько само творит «незнамо что», а за свои «славные» грехи предлагает своим согражданам периодически идти на брань с внешним миром и полагает в том уже их священную обязанность. То есть на деле выходит даже так, что герои Рос-сии защищают в сути своей лишь право ее правителей и далее вершить нескон-чаемый произвол или многие-многое греховные дела. То есть, в сущности, главными виновниками российских бед всегда были и по сей день есть ее правители. А то, что порой на Отече-ство наше помногу обрушивался внеш-ний враг, так это всегда происходило как божье попущение, дабы русский народ наконец-то осознал, что глав-ный его враг находится внутри него самого. Другими словами, пока Росси-ей владеют нечестивцы всех мастей и оттенков, ей и далее придется вести много войн и нести большие и даже огромные — невиданные ранее жерт-вы. И ничто не сможет упасти от них, если русские люди не одумаются и не перестанут служить всевозможным нечестивцам и плутам. Но как же перестать, когда не зря говорится: «вся-кий народ достоин своих правителей». Конечно, последняя формула и точна, и справедлива, но ведь надо когда-то и поумнеть. То есть пора бы наконец покончить с неразумным восприятием мира и обрести уже разумное, а зна-чит, и благое бытие. Но как сделать это? Вот уж воистину вопрос так воп-рос. Для ответа придется поднапрячь весь свой ум, сделать его центром вни-мания и забот. А главным принципом сего занятия должен стать принцип: наказания без вины не бывает! Другое дело, что вина вине рознь. Или вины бывают очевидные (наглядные) и неочевидные — духовные. Но что же есть такое духовные вины? А это вины, свя-занные с праздным или как бы нейт-ральным поведением всякого челове-ка. Иначе говоря, бывает напряженное поведение (бдение), а бывает суще-ствование бесцельное или пустое. Что такое пустое существование? А это бытие без мысли о Боге и без мысли о

стяжании добра во славу Божию. «Помилуйте, да разве это людям нашим под силу станет?» — скажет нам кто-то. Да, на первых порах сие будет ой как непросто или оно будет много затруднительно. Но при настойчивом стремлении и твердом желании нашем и результат окажется вполне отрядным всем и каждому. То есть серьезная вера в Господа нашего вполне окажет нам необходимую поддержку и даст нам же немислимую по обычным меркам силу и уверенность в успехе. Другими словами, без постоянной борьбы с духовными винами у нас нет и не может быть надежды на жизнь без катастроф и потрясений. Поэтому-то наши власти и придумали для всех нас лозунг о свяшенном долге по защите Отечества нашего. Иначе говоря, не хотим жить «включенно», будем жить «отвлеченно» (будем постоянно понуждаемы как бы внезапными обстоятельствами жизни). Или не дано человеку быть вне истины и ее действия.

Почему выражение «этот мех хорошо греет» искажает смысл?

«Вот еще новость, — скажет житейски опытное лицо и продолжит: — Не надо нам морочить голову, господин писатель». Но ведь слово *греть* буквально означает *передать свою теплоту*. А какую теплоту имеет мех сам по себе? Другое дело, если мы полагаем, что мех сохраняет тепло, находящееся рядом с ним. Но тогда нам и следовало бы говорить, что мех лишь тщательно хранит наличное тепло, не позволяя ему рассеиваться. Кто-то, вероятно, возразит, что все и всем понятно, а значит, пускай уж остается так, как было раньше. Но ведь дорога привычка, а значит, как бы милая шалость в незначительной ситуации может выйти, как говорится, нечаянно боком и в важном случае. Поэтому не будем соблазняться возможностью исключения, дабы не «сгореть», как говорится, по-глупому.

Почему словосочетание «громкий успех» есть глупость?

«Разве сильно звучащий или хорошо слышимый успех не существует?» — спросит некто. С одной стороны, все правильно — существует. Но разве речь на самом деле идет о звуке, разве речь идет не о широкой или значительной известности кого-чего-либо? В таком случае, разумно говоря, следовало бы говорить, что успех такого-то человека или его предприятия достиг в огласке таких-то размеров (границ) или такой-то величины. В противной ситуации мы попросту получаем лишь возбуждение нашей психики или впадаем в экзальтацию, а значит, и в самообман. Но нуждаемся ли мы в этом в здравом уме и твердой памяти? Отрицательный ответ вполне очевиден.

Почему словосочетания «грубый тон» и «грубый разговор» скрывают суть происходящего?

«Но ведь в некоторых случаях иначе и не скажешь», — скажет прочитавший заголовок заметки обыватель. Да, в некоторых ситуациях именно это просится на язык. Но не будем все-таки нервничать. Разберемся лучше спокойно. Под словом *грубый*, объективно говоря, скрывается смысл чего-то неточного или несоразмерного. То есть в грубости мы видим неадекватность. Странно. Но ведь неадекватность полагает собой неразумное или глупое поведение. Тогда как *грубый тон* и *грубый разговор* имеет под собой сердитое или озлобленное отношение. Причем подобное поведение, как правило, мотивированно или имеет явные предпосылки. Иначе говоря, раздраженная речь всегда имеет себе причину, а значит, она вполне логична сама по себе. В результате мы имеем маскировку чего-то важного яко-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

бы немотивированным капризом. Другими словами, речь идет о «выплеске» недовольства, вызванного конкретными нежелательными фактами. Поэтому и говорить всем нам следовало бы совсем иначе. Но как? А так: *сердитый тон* или *озлобленный разговор*. Причем озлобленность бывает даже и не мотивированная самим собеседником. То есть не будем впредь прятать за грубостью озлобленность или сердитое отношение.

Почему словосочетания «грязная клевета» и «грязное дело» неумны?

«Вот еще выдумали!» — скажет недоуменно обыватель. На это возражение автор заметки в свою очередь предложит вникнуть и понять, кто же все-таки прав. С одной стороны, любое участие в клевете никого не украшает, с другой, клевета — это лишь широко известная форма обвинения. Поэтому утверждение, что некая клевета «грязная», выглядит по меньшей мере странно. И в самом деле: разве какое-либо обвинение само по себе может быть грязным? Другое дело, когда обвинение несостоятельно (ошибочно) или ложно. Но тогда так бы и следовало говорить, что, мол, это неправда или ложь. Но ведь порой говорится о грязи в связи с клеветой, которая своим смыслом уже есть компрометирующая выдумка. Причем она компрометирует как объект обвинения, так и самого обвинителя. Поэтому добавление смысла через употребление слова «грязная» лишь создает ощущение утраты смысловой меры. Аналогичная ситуация возникает при восприятии словосочетания «грязное дело». В этом случае уже компрометируется само понятие *дела*, которое никак не может быть грязным. В результате и выходит, что рассматриваемые словосочетания есть лишь следствия умственной распушенности лиц, которые, всерьез не задумываясь, и прибегают к ним.

Почему «держаться с большим достоинством» могут лишь наивные либо высокомерные люди?

«Снова придирки и занудство», — скажет некто. С одной стороны, возможно и так, но с другой — не совсем. Почему? Да потому, что *держаться с большим положительным качеством* все же затруднительно. Или можно, конечно, встать в позу много мнящего о себе человека. Но разве это станет большим положительным качеством? Другое дело, что неумение себя вести благопристойно, свойственное очень многим людям, способствует поддержанию мнения, что кто-то на этом недостойном фоне держит себя с большим достоинством. Но все-таки умение себя вести еще не означает большого достоинства. Вот и выходит на деле, что *держатся с большим достоинством* либо наивные (и обманутые кем-то или чем-то), либо высокомерные люди.

Почему «укрепление единства» скрывает агрессивные намерения?

Казалось бы, что выражение «укрепление единства» уж никак не содержит в себе проблемы, а тем более каких-то там агрессивных позывов. Но практика или опыт жизни отчетливо указывают нам на обратное. То есть всякие призывы к единству проистекают всегда из плана или желания борьбы с кем-либо. В таком случае и выходит, что без намерения «врезать» кому-либо «по первое число» вопрос об «укреплении единства» и вовсе не актуален будет. С другой стороны, кто-то заметит автору заметки, что, например, защита Отечества никак не полагает собой непременно агрессивные планы, но она же вполне резонно направлена на укрепление народного единства для организации эффективного отпора внешней агрессии. Поэтому то и утверждение, что «укрепление единства» всегда агрессивно, неверно будет. И еще. Многие сторонники последнего

замечания вполне «придерживаются единого мнения по этому вопросу». Что ж, тогда с рассмотрения последнего «единого мнения» и начнем ответ держать. Одно и то же мнение или одинаковая позиция в связи с чем-либо все-таки не тождественны единому взгляду на что-либо. Почему? Да потому, что единого взгляда на что-либо не бывает и даже быть-то не может. Тогда что же скрывает сия формула как бы единого воззрения? Она как раз и скрывает иллюзию существования невозможного в принципе. В таком случае она лжива будет? Конечно, ведь она под видом чего-то благого сеет вполне себе нечестное. То есть единое, если оно таковое по своей сути, никак не может нуждаться в укреплении самого себя же по причине своей нераздельности. Другое дело, если мы изначально имеем нечто не единое, которое к тому же силится представить вполне даже единым. В подобной ситуации и возникнет известная потребность в «укреплении единства». Но ведь мобилизация кого-либо на борьбу с кем-либо или соединение конкретных усилий для этого никак не тождественны своим смыслом фальшивому лозунгу об «укреплении единства». То есть успешной защиты Отечества через провозглашение «укрепления единства» никак не стяжать. Но что тогда несет в себе сия как бы благая формула? Она как раз и содержит в себе объективно агрессивное нутро. Где доказательства? Извольте. У правого дела не бывает неправедных средств и, наоборот, неправое дело непременно прибегает к нечестным приемам. В результате и выходит, что «укрепляют единство» только нечестивцы, которые имманентно агрессивны.

Почему выражение «жертва фашизма» есть нечестное сокрытие подлинного смысла «жертва фашизму»?

«Нет и не может быть оправданий для нападок на уже устоявшиеся выражения типа “жертва фашизма”», — скажет возмущенный патриот. Но ведь,

если вдуматься, то выходит, что жертвы фашизма — это в соответствии с законами логики есть его (фашизма) добровольный отказ от кого-чего-либо в пользу своих противников. Тогда как все мы почему-то привыкли в данном случае отказываться от логики в восприятии смысла употребляемых нами же слов. То есть кто-то и когда-то лукаво приучил нас к этому. Зачем? А видимо затем, чтобы скрыть собственное преступное поведение в дни возникновения и укрепления самого фашизма. Поэтому-то честное восприятие всего когда-то случившегося в годы становления и распространения фашизма говорит лишь о том, что все его противники тогда добровольно встали на путь принесения ему тех или иных жертв, полагая тем самым наилучший выход из возникшей ситуации. В результате и выходит, что честно говорить не «жертва фашизма», а «жертва фашизму». Да, это больно и неприятно слышать, зато это правда — правда в назидание будущим поколениям.

Почему выражения «глубокие знания» или «серьезные знания» приводят русское сознание лишь к иллюзии знания?

Многие изумятся, прочитав заголовок настоящей заметки. Что ж, это вполне понятно. Но давайте вникать и разбираться. Если вдруг слово *знание* мало чем отличается от слов *осведомленность*, *информированность*, то тогда возникает законный вопрос: зачем оно нам, ведь уже словосочетания *глубокая осведомленность* (информированность) или *серьезная осведомленность* (информированность) вполне заменяют нам его целиком? Впрочем, осведомленность (информированность) легко могут и не быть таковыми. Но само знание разве может быть неверным, неполным, слабым, неглубоким, ложным? Правильно, любое подобное прибавление попросту уничтожает его смысл! Но тогда знание — это нечто большее, чем осведомленность (информирован-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ность). Кто-то возразит, что это лишь вкусовое предпочтение автора настоящего текста. Что ж, спорить не будем, автору сего размышления действительно по душе предлагаемые им своему читателю рассуждения. С другой стороны, обратим свое внимание на то, что сами слова умеют «похлопотать» о себе, своем достоинстве. Как же именно? А например, так. Мы легко произносим словосочетание *знание истины*, но сильно затрудняемся сказать: *сведение истины* или *информация истины*. То есть необозримый смысл слова *истина* слову *знание* все-таки по плечу, тогда как смыслы слов *сведение*, *информация* явно пасуют перед ним. Иначе говоря, в слове *знание* имеется такой смысл, который смыслами слов *сведение*, *информация* совсем не описывается. В таком случае и выходит, что слово *знания* никак не нуждается в прилагательных *глубокие* и *серьезные*. Другими словами, смысл *знания* не во внешнем обозрении кого-чего-либо, или его собственный смысл изначально не связан с пространственным или временным восприятием. Наоборот, смысл *знания* относится исключительно к умозрительному (идейному) ряду. В результате и выходит, что лишь *обладание идеей кого-чего-либо* и образует его смысл. Поэтому-то русское сознание, уверовав когда-то неразумно в возможность глубоких или серьезных знаний, и попало в означенную выше печальную иллюзию, из которой драматически никак не может выбраться даже в начале XXI столетия.

О сходстве и различиях в смыслах слов «Родина» и «Отечество» и о том, почему патриотизм — это удел лишь честных людей

Много и часто упомянутые в заголовке слова употребляются даже ныне, в эпоху бесчестия, ловко заме-

ненного благообразным и фальшивым по сути телевизионным пиаром, тотальной коррупцией и запредельным стремлением к наживе любым доступным образом. Почему? Да потому, что бесчестие не может само себя поддерживать сколь-нибудь долго, а значит, оно обречено искать для себя поддержки в больших и устойчивых смыслах. Поэтому-то бесстыдные правители современной России и вынуждены часто прибегать к камуфляжу собственных позорных целей словами «Родина» или «Отечество». Но что же эти слова означают сами по себе? Разбирая их словарные значения, у нас выходит то, что и в первом, и во втором присутствует *место* (земля) появления или рождения кого-чего-либо. Или в этом они подобны друг другу. С другой стороны, во втором слове имеется еще следующее смысловое добавление — формирование личности. То есть там, где Отечество, там и произошло когда-то формирование человека — личности. И если конкретная страна сознательно «выращивает» любителей наживы, то она рано или поздно утрачивает сам смысл Отечества, так как для ценителей барыша сие совсем не существенно. Иначе говоря, все поклонники богатства незаметно для себя утрачивают человеческое содержание, становятся в действительности опасными для мироздания человекоподобными сущностями. Или, насаждая вокруг себя духовно смердящую среду, они лишают и себя, и все человечество какой-либо надежды на будущее. Поэтому-то подлинные личности всегда противостояли культу наживы, а значит, только они на самом деле имели Отечество, ради которого и готовы были расстаться с жизнью. То есть Отечество и патриотизм только там, где царит правда и подлинное уважение ее носителей.

Е. С. Роговер

«ЧИСТОТА, НАИВНОСТЬ, НЕЖНОСТЬ...»

(о стихах российских поэтов)

Значительным явлением в жизни нашей писательской организации стал выход книги **«Звенящая упру-
гость бытия»** (СПб.: Культура, 2009, 369 с.). Коллективный сборник открывается большим циклом **Наталии Улья-
новой**, одна строка которого стала на-
званием нашей статьи.

Цикл стихов интересен во многих отношениях и прежде всего — с со-
держательной стороны. Меня как чи-
тателя очень увлекает тема полёта,
разнообразно представленная в этих
произведениях. Она раскрывается в
стихотворении «Возможно...». «И хо-
чется в небо без крыльев взлететь», —
мечтает поэтесса, как об этом грезили
многие героини русской классики, на-
чиная от Ярославны и Катерины в
«Прозе» и кончая Маргаритой в рома-
не Михаила Булгакова. А в лирической
пьесе «Ах, Печоры мои!» мечтание сво-
ей героини Наталия Ульянова превраща-
ет в реальность: «Я лечу напрямик...», —
объявляет она, и мотив полёта души
становится сюжетообразующим в этом
стихотворении. И нет ничего необыч-
ного и удивительного в таком устрем-
лении вверх: как показано в «Орфее
любви», «душа летит — она ведь легче
пуха». Этот же устойчивый мотив про-
слеживается и в стихотворении «Про-
щай!»: «Улетаю, родной, улетаю!» —
посылает героиня свое восторженное
слово, обращенное к другу.

Другая характерная тема лирики
Н. Ульяновой — тема неизменной, тре-
вожной, а иногда и кровоточащей па-
мяти. Поэтесса вспоминает страшную
блокадную пору и о том, как «отца в
ковре хоронила». Нет нужды объяс-
нять, чем вызваны такие трагедийные

обстоятельства и эти подробности
быта. Беспокойная память постоянно
возвращает автора стихов в суровые
дни испытаний, «когда замерзло всё
вокруг» или когда на одном из домов
Невского появилась предупреждающая
надпись: «опасна эта сторона». Или та
же памятьливость воскрешает часы,
когда «мы долго и молча смотрели на
пепел, / Что мягкой золою застыл на
плите». Иногда в сознании автора сти-
хов возникает более отдаленная «даль»,
и перед взором возникают далёкие об-
разы русской истории, когда проходи-
ло общенародное вече и звенели коло-
кола России. Память чуткой поэтессы
способна преодолевать не только вре-
мя, но и далёкие пространства. И вот
оживают в душе образы Крыма, Вор-
куты, Пушкинских гор и бесконечных
просторов России, где в годы войны
погибали наши солдаты и ставились
траурные пирамидки с именами пав-
ших. Характерны уже сами названия
стихотворений Ульяновой на эту тему:
«Живая память», «Я помню», «Стучит-
ся память в родное окно...», «Звонят
колокола России», «Блокада», «Колон-
на Памяти». Перечень этих произве-
дений показывает, сколь устойчива эта
тема памяти в творчестве поэтессы, к
каким высотам гражданской лирики
способна она подниматься.

Последнее из перечисленных здесь
стихотворений обнаруживает ещё одну
постоянную тему в лирике Н. Ульяно-
вой — тему Петербурга-Ленинграда.
В «Колонне Памяти» перед читателем
предстаёт «окутанный туманом город»,
его дворцы, «мосты речные», цент-
ральный образ символической Колон-
ны. В других стихах снова и снова воз-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«туманный и дождливый Петербург», «кружево решётчатых оград», полноводная Нева, картины осени в городе. В стихотворении «Звезда горит...» появляются образы Марсового поля, Летнего сада с фонтаном грёз, Инженерный замок. Заметим, что это не просто упоминание городских реалий и даже не просто описание Петербурга, а его своеобразное преобразование, дополненное архитектурными мечтаниями, и одновременно — это нежное признание любимому городу. Чувство к нему необыкновенно трепетно ещё и потому, что с ним связаны особые, интимные переживания автора.

Любовная лирика Н. Ульяновой занимает в её цикле отнюдь не последнее место. В ней ощущается целая гамма разнообразных чувств: память о любви, сохранившаяся нежность, горечь разлуки, созерцание облика любимого человека, тревожные вопросы, обращенные к нему, взаимное прощение и прощание. Так, в стихотворении «Ты забудешь...» мы находим выразительные и красивые строки: «И не вздрогнешь от зимней вишни... / Ты прости меня, так уж вышло». Когда-то лирический герой Блока, прощаясь с возлюбленной, с горечью и решительностью убрал со стола её портрет в простой оправе. Ныне, в стихотворении Наталии Ульяновой «Ты забудешь...», лирическая героиня сама настойчиво требует убрать её портрет. И всё же, несмотря на разлуку, чувство любви живёт в душах некогда родных людей. В стихотворении «С головы моей белая ленточка...» ощущается и нетленная любовь, и какая-то смутная надежда: «Пламя нашей любви под золою живёт...», — признается героиня. О сохранившемся чувстве говорится и в лирической миниатюре «Не забывай моё лицо...», где мы находим такие волнующие строки: «Любви прекрасное лицо / Стоит перед глазами вечно».

Однако стихи Н. Ульяновой интересны и с чисто формальной стороны. Поэтесса разрабатывает сонетную форму, например, в стихотворении «Как

позвонить...» Любопытно, что заключительное двустишие здесь повторяет (но с легким изменением) начальные строки, заключающие вопрос:

Как позвонить или постучаться в дверь
Непознанной, загадочной, желанной?

Ряд стихотворений цикла отличается редкостным лаконизмом. Автор интересно осваивает форму лапидарного двустишия. Она часто использует белые, нерифмованные стихи. Кроме того, Н. Ульянова отважилась на воскрешение средневекового жанра мистерии, построив её из пяти поэтических частей, где своеобразно интерпретируются библейские мотивы. Так, в стихотворении «Прозрачный лес» поэтесса интересно применяет ритм анафорических повторов, благодаря чему в тексте возникает, как некогда в лермонтовской «Родине», троекратное «люблю», обращенное к природе. Повторы организуют и стихотворение «Ты на земле моя отрада...», произведение музыкальное и гармоничное.

Наталия Ульянова нередко обращается к высоким философским темам и к категории возвышенного. Она часто пишет о звёздах и о небесной сфере. Одно её стихотворение так и называется «Я пою о небе». Примечательно, что образом безбрежного неба её большой цикл стихов начат, им же он и закончен. Тем самым её цикл обретает цельность и законченность.

Поэтесса часто поэтизирует незаметное мгновение, краткий миг бытия, подчёркивая его содержательность. Но она же настойчиво говорит о вечности, наполняя это понятие высоким философским смыслом. В стихотворении «Сила вечности» она выражает свою уверенность в несокрушимости нашей жизни, в её вечном обновлении и передаёт фаустианский мотив жажды познания. Этим и интересен представленный в сборнике цикл Наталии Ульяновой, выступивший ещё и в качестве составителя этой своеобразной антологии. Не случайно ей же принадлежит и словесная формула, ставшая названием сборника, — «Звениющая упругость бытия».

Стихи **Андрея Ратникова** примечательны тем, что передают колорит и аромат славянской старины. Их можно почувствовать, например, в стихотворении «В этих снегом присыпанных чашах...», «Тайна славян», «Скиты», «Звонарь», «Травы», «Легенда». Последнее из них своей лексикой («сеча», «никнет трава») живо напоминает язык знаменитого «Слова о полку Игореве». Вообще поэту дорого древнее богатырство, героическое прошлое родного народа, и это заметно выделяет его среди других авторов сборника. Близки поэту и фольклорные мотивы («Стезя»).

Другая особенность творчества **Андрея Ратникова**, как оно представлено в этой книге, — чуткость к миру природы. Поэт умеет передать зримость красок увиденного пейзажа («искры солнца блуждают, сливаясь в пурпурные сгустки»), уподобленность одних природных явлений другим («ступая по сугробам-облакам»), чудесные уборы лесов, смертельно-бледный лик луны, уставший от долгой ночи. Он способен прикоснуться к тайнам снов муравьев и жуков, сострадать природным недугам и ранам («болен я, когда больна природа»), зорко видеть «светляков мерцающие свечи», превращать бытовые зарисовки в философские обобщения. Заметной выразительностью отличается поэма «Узоры», в которой «текут стихов таинственные нити / Сплетать узор по прихоти души». Входящие в состав этого произведения «Растительный сонет» и «Животный орнамент» характерны своей изобразительностью. Иногда Ратников прибегает к образности, родственной картинам Марка Шагала. Так, в стихотворении «Сон» мы находим такие строки: «Мы с тобой повисли над полями, / Будто птицы крылья развернув». Для стихов Ратникова примечательна символика, не случайно многие слова-понятия пишутся у него с прописных букв. Но иногда такая символика неоправдана, излишня, не получает внутренней мотивировки. Вообще же строки поэта отличаются яркой образностью и хорошо запоминаются.

О стихах **Евгения Раевского**, уже хорошо знакомых нашим читателям, говорить подробно не будем, поскольку мы писали о них в других работах. Отметим лишь свойственную поэту мелодичность и ощутимую звукопись, присущую таким его стихотворениям, как «Шуршание».

Подлинным украшением рецензируемого сборника являются стихи **Евгения Мюллера**. Поэт ярко воссоздаёт зримый мир, находя в каждом запечатляемом им явлении определяющую черту, неповторимое своеобразие, будь то островок из камыша («Тот первый снег...»), мюзик-холл, голубка (в одноименном стихотворении) или обыкновенная прищепка для белья («Ты осень ждал, всё ждал, а пожелтело...»). Е. Мюллер мастерски передаёт освещение предметов («Источник света — не окно, а стылый кафель белой печи»), ощущает «в бликах света радующие», воспринимает свойственные явлениям запахи («Тревожа запахами пряными, / слоится от мангалов дым»), («запах поразмятой кожи / до дрожи до сих пор тревожит»), тонко чувствует цвет изображаемого («бело-сиреневый туман», «розовый контур»). Сравнения и метафоры поэта неожиданны, а эпитеты точны («осень в Киеве — как любимая помрачнела и стала красивее», «раки рыжие — листья каштанов», «с лиц влажных, желтых, как пельменины», «случаен музыки узор»). Столь же неожиданны у Е. Мюллера рифмы («царицы-ягодицы», «чаши-непреходящи»), нередко в его стихах оксюмороны («сладость отчаяния», «горечь надежды»). В своей совокупности стихи этого автора создают особый, исключительно богатый и узнаваемый поэтический мир, который не спутаешь ни с каким иным.

Лирика **Майи Шеремет** отличается глубокой нежностью и мягкой грустью, которые чувствуешь, читая такие её стихи, как «Внуку», «Подари мне улыбку», «Отзвенела радуга любви». Эти тонкие переживания ощущаются и в стихотворении «Навеки», где мы находим такие великолепные строки: «И только иногда вдруг лучик светлый

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

вспыхнет, / Чтоб нежностью
пролиться в ладонях наших
дней». Согласитесь: это и образно, и
передано очень нежно, и отмечено
очевидной выразительностью. Майя
Шеремет осваивает разнообразную рит-
мику: среди её вещей есть стихи со
строчками большой длительности, и
энергичные, краткие, двустопные стро-
ки, например в миниатюре «Далеко ль
я...». Но всякий раз хочется повторять
эти стихи, настолько они трогательны
и западают в душу. И ещё отметим ча-
стое обращение поэтессы к русской
классике. В одном случае перед нами
предстает Карамзин, ждущий появле-
ния юного Саши, разумеется Пушки-
на. В другом — оживают краски «Цар-
ского Села» («в багрянице золота и
изумруде трав»), опять-таки связанно-
го с великим поэтом. В третьем — в
стихотворении «Мираж» — воскреша-
ют образы пушкинского «Пророка». А
одно из произведений посвящено
Сергею Есенину. Тонкий лирик, Майя
Шеремет не отстраняется от граждан-
ских тем, размышляя о судьбе России
или о переменах в Грузии, о новом
лике мещанства и новоявленном обы-
вателе. Примечательно, что Майя Ше-
ремет ощущает себя «потомком вой-
ной опаленных солдат» и причисляет
себя к «войною рождённым детям». Э-
тим самым она определяет свою
гражданскую позицию и устанавлива-
ет свои нравственные критерии в оцен-
ке сегодняшних явлений жизни.

Стихи **Владимира Анпилова** открыва-
ют перед читателями мир, чрезвычай-
но разнообразный и многокрасоч-
ный. Здесь и образ белоснежного Се-
вастополя, и героический Малахов
Курган, и величественный Ай-Петри,
и загадочный, хранящий память о да-
лекой истории Херсонес, и языческая
радость праздника («Масленица»), и
трагические сражения на Кавказе. Эти
строки согреты большим патриотиче-
ским чувством. Оно сквозит и в сти-
хотворении «Россия», и в медитации
«Быть русским». Для Анпилова дорога
наша историческая преемственность с
героическими предками («Адмирал
Ушаков», «Бастионы истории»). Поэт

осваивает такие изощрённые художе-
ственные формы лирики, как сонет
(«Сила желаний», «Радуги любви»),
элегия («Сила человека»), лирическое
обращение, послание («Моему вну-
ку»). Но нельзя не высказать пожела-
ния, чтобы Владимир Анпилов боль-
ше заботился о технике и художествен-
ной стороне своих произведений. Ино-
гда в пределах одного стихотворе-
ния он произвольно меняет ритм и
поэтический размер («За далью лет»),
порой серьёзную тему передаёт часту-
шечным ритмом («Война на Кавказе»),
мало заботится о богатстве и разно-
образии рифмовки. Трудно, например,
считать удачей рифмы «небо-неба». Встречаются неудачные и даже неряш-
ливые фразы («Растём мы духом, ос-
тавшись на мели»).

Наталию Григорьеву увлекают две
основные темы: лики родного города
и времена года. Говоря о первой из этих
тем, нельзя не сказать о великолепном
знании автором топографии Петербур-
га, что сказывается и в выборе ею ур-
банистических сюжетов, и в конкрет-
ных деталях. Поэтессе ведомы все ка-
налы и бесчисленные мосты города,
его архитектурные ансамбли центра и
старинные дома окраин, площади и
улицы российской культурной столи-
цы, острова разветвлённой дельты
Невы, ограды и решетки парков и са-
дов. Наталия Григорьева не только хо-
рошо знает наш город, его прошлое и
настоящее, но и нежно любит его со-
кровенные уголки, например дом в
Лесном близ Серебряного пруда или
здания по реке Карповке, построенные
в стиле модерн. Поэтесса передаёт кра-
соту дневного, вечернего и ночного ос-
вещения улиц, любит неповторимы-
ми петербургскими фонарями, спокой-
ным и одновременно прихотливым
течением величественной Невы. В со-
вокупности стихи о городе составляют
большой и разнообразный цикл, замет-
но выделяющийся своей цельностью,
весьма уместный в этом сборнике, по-
священном звенящей упрости бытия.

То же можно сказать и о втором
цикле стихов Григорьевой, в котором
передаётся неповторимое своеобразие

календарных месяцев и раскрывается очарование разных времён года, меняющийся облик родной природы. Ценность обоих циклов несколько умалывается недостаточностью технической отделки стихов, нечеткостью их ритмов, размеров и рифмовки. Это можно отчётливо увидеть, скажем, в таком двустишии: «Засыпаны каналы, протоки и вот / По ним вода уже не течёт». Иногда явно неуместными оказываются усеченные прилагательные в строках типа «Раскрыты каменные страницы / Их ветер тихо шевелит». Не вполне ясно, как может ветер шевелить «каменные страницы». Очевидно, поэтессе нужна большая требовательность в словоупотреблении, обязательная в сфере поэтического творчества.

Стихи **Василия Денисюка** подкупают своей искренностью, тихой печалью, обращенной к маме, выражением сыновнего долга по отношению к родителям, грустной тоской по детству, постоянством в обращении к теме дружбы, лирическими признаниями к родному городу, есенинскими интонациями в передаче удачи, любви к отчужденному краю, большой человечностью («Светлой памяти Отца Андрея»). Читатель непременно почувствует любовь поэта к жизни и всем её радостям («Тризна»). Василий Денисюк умеет очень сильно начать стихотворение («Из-за любви я не порежу вены...») и столь же выразительно его закончить («Я теперь никогда не умру!»). Для выражения своих переживаний поэт обычно находит «слова простые», как он сам их называет в стихотворении «Осень, я приму тебя радушно!»

Наталья Мюллер предприняла попытку поэтически переложить отдель-

ные эпизоды Библии, причём и Ветхого, и Нового завета. Начинает она с торжественного гимна рождению Слова («В начале»), проследживает Дни Творения в одноименном стихотворении, эпизоды Всемирного Потопа и плаванья Ноя, вводит монолог Моисея и славит рождение и воскресение Христа. Безусловно, талантливая Наталья Мюллер удаётся создать стихотворный аналог названных эпизодов. При этом время от времени в библейскую историю вторгаются исповедальные мотивы самой поэтессы, например звучащие в стихотворении «Я уйду на рассвете», «И сама не узнаю, а жила ль я на свете, / Или рябью прошелся ветерок над водой».

Наталья Мюллер близка и интересна диалектика жизни: рождение — возмужание — смерть, совершающиеся во имя нового рождения. Вот почему в стихотворении «Гимн Рождеству Христову» настойчиво — в четырех строках — звучит анафора «Взошла звезда», сопровождающая этот чудесный и символический акт Рождения. Поэтесса облекает свои раздумья в чеканные строки, нередко получающие форму афоризма. Вот один из примеров: «Как волнуют весенние звуки / И высоких небес бирюза!». Автору этих строк доступны формы лаконичной миниатюры («Бессонница»), легкие вариации найденного мотива («Песня мужчины»), кольцевая композиция («Пока не поздно...»).

Отрадно, что сборник «Звнящая упругость бытия» начат и завершен свежими строками, запоминающимися стихами, несущими на себе печать поэтического дарования и преданности искусству слова.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихи из сборника

«ЗВЕНЯЩАЯ УПРУГОСТЬ БЫТИЯ»

Наталия Ульянова (Санкт-Петербург)

Спасибо, Господи!

Чистота, наивность, нежность
И вдаль бегущая безбрежность
Столкнулись вновь в испуге
И вновь, замкнувшись в круге,

Давно забытые слова слетают с губ.
Их смысл пока ещё не ясен,
Но в чувстве близости он так опасен
И жарких слов неведома мечта.

Как тот корабль, зовущий в небеса,
Где яркая нам внеземная красота
Зовёт подняться над Землёю,
Что Богом мне дарована, судьбою.

Живу с мечтой и ясностью во взоре
И вижу Храм, где в звёздном я уборе
Стою пред алтарём и вижу Лик Отца,
Что глаз не сводит с моего лица.

С улыбкой ясной на меня взирает
И в долгий жизни путь благословляет.
«Спасибо, Господи», — шепчу.
И в светлый путь лечу, лечу!

09.07.07

А я танцую музыку словами

А я танцую музыку словами
Любви возвышенной, святой,
Обозначая лишь штрихами
Всю гамму чувств любви земной.

К тебе стремлюсь я мыслью чистой
В порыве нежности простой.
И сердце вновь в любви лучистой
Души стремится обрести покой.

И ночь в горах согреет тебя лаской,
И вспыхнет вновь венчальная любовь.
Уйдёт печаль волшебной сказкой,
И птица Феникс возродится вновь.

Танцуй любовь высокими словами
Храни мечты скалистыми горами!

Ноябрь 2007

Орфей любви

Орфей любви,
Ты сказочник прелюдий!
Звучанье лиры, арфы звуки
Словами облакаешь в чудеса
Волшебных строф,
Что в душу проникают
И там живут, добро творя.
Простор давая для Души,
Лететь по звёздному пути
В мир знаний чувств
любви и ласки,

В волшебный мир
движений, сказки,
Когда запреты не страшны.
Любовь — движение души,
Восторг и вдохновенье
Ты превращаешь в миг
Гармонии Вселенной,
В движенье звёзд,
Вращение светил...
Ты там паришь...
и нежно славословишь.

Андрей Ратников (Костромская область, с. Николо-Бережки)

Поющая стрела

Поющие стрелы» были хорошо известны на Руси и в других славянских странах с самых древних времён. Использовали их для подачи звукового сигнала...

С. В. Самаров «След Сокола»

Она звенела в высоте
На тысячи ладов,
А Гамаюн своим крылом
Чертил ей путь меж снов.
И проходя из Мира в Мир —
Из Нави в Явь и Правь, —
Звенела музыка времён
И закипала кровь.
И вот, поднявшись до высот,
До Золотых Садов,
Застыла музыка её,
Похолодела кровь...
...а дальше путь лежал назад,
На краешек земли,
Туда, где умерший стрелок
Лежал и видел сны,

Где лук с звенящей тетивой
Пророс и Древом стал,
Там птица Вещая свила
Гнездо для Душ Славян...
Летела вниз стрела,
И шёл к Исходу Вечный Бой,
Враги слышали с земли
Небесный гневный вой!
И, пролетая сквозь Миры —
Из Прави в Явь и Навь,
Сшивала древняя стрела
Пространства и века...
Летит поющая стрела —
Предтеча Судных дней,
А очи вещие Славян
С высот следят за ней...

Русское поле

Когда-нибудь у края поля,
Которого не перейти,
Блеснет знакомое до боли
Свечение звезды-слезы.

Как короток тот миг прозренья,
Как обжигающе красив!
Склонись же молча на колени,
На ризу злаков полевых.

Жизнь позади, а это поле —
Так и не пройдено...

...и вот — звучит знакомое до боли
Родное пение с высот.

Звонят созревшие колосья,
И серебрится лунный серп,
И ловит гаснущее сердце
Звезды-слезы горящий след...

А там, а там — у края поля,
Которого не перейти,
Мать омывает сыну боли
Слезами веры и любви...

Евгений Раевский (Санкт-Петербург)

Шуршащее

Шорохи, шорохи, шествуют шорохи,
Шелест щекочет уши,
Шепчутся листьев шалящие ворохи,
Осень струится в души.

Шлейф тишины за плечами входящего,
Вихрь улетел с шумом,
Смотрят деревья на листья опавшие,
Лес зашуршал думы.

Солнечным шрифтом на просеках
золото,
Свет увядания сонный.
Россыпи бликов — осенние всполохи
Гаснут в траве отрешённо...

Где-то в томлении мира шуршащего
Голос любви венчальный.
Прелести милых шагов веселящие,
Шорохи, шорохи, шелест случайный...

Увидимся во сне

Сонет

Давай с тобой увидимся во сне, —
Твои мне губы шепчут на прощание,
И я, как откровенье в тишине,
Пишу тебе любовью обещанье.

Твои слова меж наших тел скользнут
Теплом неповторимо вожденным.
Мне в трепете часов, в добре минут
Приятно быть восторженным и пленным.

Неведомы мне лучшие слова,
Что с нежностью дарю тебе и плачу.
Кружится от желаний голова!
О, сплю ли я иль сон свой в ласки прячу!

У Никольского собора в Петербурге

Удары... Звон... Колокола...
Непревзойдённость воспринять.
Меня здесь музыка нашла,
Чтоб одарить теплом объятья.

Глаза возлюбленной сирени,
Акаций скромный фейерверк.
Меж ярко слышных песнопений
Власть куполов, смотрящих вверх.

Святая солнечных молитв,
Крестосплетенья с блеском неба,
Ветров потеха в стиле битв
И птиц подоблачная нега,

Евгений Мюллер (Санкт-Петербург)

Пройду к окну канатоходцем

Так холодно, как у окна
в рассветной комнате сената.
Сгребают снег. Все — издавна.
Все — дворники, снега, солдаты.

Я снова здесь, в родном краю.
Как первый лед, паркет прогнётся.
К окну пойду канатоходцем,
к стеклу прижмусь, шепну «люблю».

Источник света — не окно,
а стылый кафель белой печи.
Постель, твоя рука, белье
и, словно гипсовые, свечи.

* * *

Тот первый снег — так тихо ночью лег,
покрыв траву, стволы, скамьи и будки.
Лишь озеро не приняло его,
ещё не веря, что зима как будто.

И только островок из камыша
буквально задохнулся этим снегом,
И всё вокруг стояло не дыша,
себя не выдавая даже цветом.

И мы стояли там на берегу,
плечами лишь едва соприкасаясь,
но в том сплошном, большом, глухом снегу
не белые, в одно соединяясь.

И тот, кто видел нас внутри снегов
и думал: «Вот гуляющая пара»,
не знал, что через несколько шагов,
вздыхнув, исчезнем мы в клубочке пара.

Майя Шеремет (Санкт-Петербург)

* * *

Весна, мать-мачеха цветет,
Её наряд так просто скроен —
Зеленых листьев ободок
И солнышко цветов в обойме.

Я не хочу её предать,
Её доверчивость пленяет,
Ей надо должное отдать,
Она ведь первой расцветает.

Пришли другие времена,
Быть может, лучше — я не знаю,
Но раннюю весну всегда
Я с мать и мачехой встречаю.

Чёрная речка

Здесь Пушкин ранен был,
На этом самом месте,
Земля ещё хранит
Знак крови на снегу,
Холодный вечер стыл,
И сонное предместье
Дало уйти живым
Надменному врагу.
Потом был скорый бег
Коней нетерпеливых,
Поспешность — и покой
На простынях средь книг.

И тень толпы,
Что возле окон стыла,
Предчувствуя в себе
Его последний вскрик.
Нет, никогда
Путей обратных нету
Ни в прошлое,
Ни в случай, ни в беду.
Такое лишь случается
В бреду,
Когда уходит
Из-под ног планета.

Владимир Анпилов (Севастополь)

Адмирал Ушаков

Святой не тот, кто просто деловой,
А кто на нравственной вершине
Страдает, крест несёт земной,
В небесной «Книге Жития» в помяне.

Стратег на море и инок в душе,
Он молится Андреевскому флагу.
И делает все то, что бог вершит,
Спасение Руси — ему в награду!

И Ушаков для Севастополя такой,
Портрет рисуем сердцем ныне:
Свет разума очей и взор живой,
Решимость, вера — высшие твердыни.

И Адмирал по-прежнему во флоте,
Он наш герой, победная звезда.
Обрёл он святость долгом сердца, плоти,
И жизнь свою отдал с Креста.

Где Ушаков — там гром побед,
России солнце — в Черном море!
Где Ушаков — там русской славы взлёт,
И флота честь в фаворе.

Малахов курган

Всё выше поднимаясь по кургану,
Я в эпицентре Севастополя стою.
Мне город раскрывает чудо — панораму,
И я, как облако, над городом парю.
Мне царств земных совсем не надо,
Не потерять бы лишь видений той красы:
Бульвар Приморский, Херсонес — награда,
Как виды всей прибрежной полосы.

Не отрываю взор от бастионов,
На полтораста лет смотрю назад:
Пальба и дым там, ядер свист и стоны,
И так все 349 дней подряд.
И вот — Сапун-гора и гром победный,
И праздник радости с ликующим «Ура!».
Но у причала вновь корабль ракетный
Готовится к тому, что делалось вчера.

О, город светлый, город славный,
Оазис крымский, вещий знак судьбы, —
Судьбы Руси многострадальной,
За чистоту пути в почёте — ты!
Кресты из ядер на Малаховом кургане
Источник сил духовной красоты.
Герои Севастополя! Теперь навечно с нами
Слезами чистим наши души и кресты!

Февраль 2008

Наталия Григорьева (Санкт-Петербург)

Атланты Нового Эрмитажа

Вот портик Эрмитажа,
Гранитные тела.
Они вручную сделаны
Стоять им здесь века.

Они уйти не могут,
Покорно держат свод,
А если вдруг исчезнут,
То чудо пропадёт.

Их фигуры мощные
Так украшают вход.
В жару и стужу лютую
Стоять им круглый год.

Старая крепость

Старые камни травой поросли,
В давнее прошлое время ушли.
Былые сраженья, крики и слава,
Люди ушли, и крепость устала.

Старые камни не только молчат,
Они по ночам при луне говорят.
Вспоминают давние дни,
Когда прославлять они время могли.

Грохот орудий, крики и дым,
Неба не видно, и путь лишь один.
Там, где зияет в камне дыра,
Где раздаются крики «ура».

Время сражений было — ушло,
В далекое прошлое все унесло.
Старая крепость молча стоит,
Мхом зарастает серый гранит.

Василий Денисюк (Санкт-Петербург)

В окно заглядывает вечер

В окно заглядывает вечер
И звёзды, будто свеч каскад...
Припомнилась мне наша встреча
И твой прощальный, мама, взгляд...

Ты провожала сына, словно
Всё знала наперёд тогда...
И взгляд твой нежный и безмолвный
Со мной прощался навсегда...

А я не знал, что в грусти этой
Какой-то жизненный намёк...
Я думал, будто ты — бессмертна,
Иначе думать и не мог!

А вот ведь как всё получилось...
И до сих пор не верю я —
Теперь, когда ты мне приснилась,
Что нет давно уже тебя...

Что ты ушла, и я не встречаю
Тебя у дома, как встречал...
Что этот горький тёплый вечер —
Мой одиночества причал!

Я настрою душу разом

Вот и кончились дороги,
На постой собрался я.
Распрягайте мои дроги,
Заводите в хлев коня

И овса ему отмерьте,
Как когда-то мне вина...
Он служил мне, уж поверьте,
Верой-правдою сполна!

Я давно уже здесь не был,
А душе — подай тепла!
Как люблю я это небо,
Где и ночь — белей была!

Я настрою душу разом,
Сброшу скуку, маяту...
Без друзей в судьбе и часа
Мне прожить не вмоготу!

И обнимет пухом летним
Удаль вечная меня,
Убегу я в час рассветный
В дорогие мне поля!

Вспомню юности беспечной
Золотые годы я,
Где не раз я вёл в путь млечный
Разудалого коня!

И летел я, словно ветер,
В горизонт, где небеса...
Кто же мне теперь ответит —
Где ж те крылья — паруса?!

Боже мой! Жизнь на исходе,
Только я к ней не остыл!
Я б ещё раз, если б боги
Дали б жизнь, — вот так прожил!

Наталья Мюллер (Санкт-Петербург)

В начале

В начале было Слово... и Слово было Бог...

Евангелие от Иоанна

Лишь Беспредельности дыханье
Бездонной тьмой напоено.
Предчувствие и ожиданье,
И только вечное Оно.

И ни беззвучия, ни звука,
Ни слуха это ощутить.
И нет ни разума, ни духа
Его величье оценить.

Что покрывает, что скрывает
Средь океана темноты
Извечный, времени не зная,
В объятьях вечной дремоты?

Как средь безмолвия немого —
Бесстрастно иль уже любя,
Изрек Неведомое Слово
Еще Незнающий Себя?

Но беспредельными волнами
Повсюду Слово разлилось
Великой Тайной Мирозданья
Во глубине отозвалось.

Дни Творенья

Безвидность тьмы, светил свеченье
И млечных разбегание путей,
Тягучесть вечности и временность мгновенья
Вместили шесть ветхозаветных дней.

Носился Божий Дух.
В порыве ль вдохновенном,
Случайно иль по замыслу творя?
Созданию Божьему в стремленьи дерзновенном
Непостижима Тайна Бытия.

Я уйду на рассвете

Я уйду на рассвете, когда петь будут птицы,
И земля станет пухом, мой лелея покой.

И опустится небо, прикрывая ресницы,
Прозвенит мне прощально
колокольчик простой.

Будет все, словно было:
тихий день будет светел,
Пар поднимется дымкой
над спокойной рекой.

И сама не узнаю, а жила ль я на свете,
Или рябью прошелся ветерок над водой.

ИДЕЙНОЕ ЛИЦО ИВАНА ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ ВОЗЗРЕНИЙ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

(редакционный анализ)

Вступление

Странное дело, кому и зачем вдруг потребовалось сие ряздить? Но ведь уже давным-давно известно, что всякий современный человек, знает он о том или нет, является носителем некой системы идей, когда-то и кем-то уже осмысленной и сформулированной. Ведь не зря же еще в древности возникли всевозможные философские школы. То есть мы все в идейном смысле есть фигуры вторичные или «вписанные», а значит, непременно поступающие по большей части безотчетно, в соответствии с ранее уже установленными постулатами и принципами. Да, звучит подобное утверждение обидно, но вряд ли мы сможем что-либо сделать с этим свойством самой жизни. Впрочем, если и есть какой-либо выход из этого неприятного положения для всех нас, то он лишь в одном — в осознании сего факта и в его волевом преодолении (замене одной системы на другую), ежели что не так. С другой стороны, по некоторым данным, г-н Путин В. В. из личных средств заплатил за надгробие над новой могилой в Москве ныне широко известного русского мыслителя Ивана Ильина (1883—1954). Через это обстоятельство мы вполне можем судить, что фигура данного идейного наставника ныне не является ординарной. Или она сегодня весьма уважаема среди современных руководителей России. Иначе говоря, через анализ ключевых воззрений Ивана Ильина можно уяснить если не все, то очень многое из того, чем на самом деле жи-

вут и на что уповают влиятельные лица современного русского мира. Поэтому-то в настоящем обзоре и предпринята попытка проникновения в самую суть философских взглядов этого непримиримого противника Советской России. Настоящий анализ построен на сравнении сходных теоретических разработок националистического характера самого Ивана Ильина и Адольфа Гитлера. Тем самым, вероятно, попеременные смысловые переходы и позволят читателю нашего журнала самостоятельно узреть существо мировоззрения Ивана Ильина, а также его нынешних почитателей из числа высших сановников нашей страны. Но к чему ему это знание? Оно позволит лучше уяснить, что ждет Россию, в какое будущее она сегодня объективно направляется. В результате у читателя появится редкий шанс на подготовку и себя, и своих близких к тому, что неумолимо грядет. Или, предупрежден — значит вооружен.

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ. Манифест русско- го движения

1. НА КОГО НАМ НАДЕЯТЬСЯ

Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно, и больше надеяться нам не на кого.

И прежде всего, и больше всего — мы должны надеяться на *Божью по-*

мощь, молитвенно призывать ее и укреплять свои души в Божиих веяниях и зовах.

Напрасно иные представляют себе дело так, что между Богом и человеком лежит разобщение, что человек представлен в земной жизни своим собственным силам, что Господь есть судия и взыскатель, но не помощник и не источник любви и силы. Если бы люди знали, что *Бог есть Дух*, то они поняли бы, что *во всякой человеческой духовности веет живое присутствие Божие*: в совести, в верности и в храбрости, в смирении и в жертвенности, в знании и в науке, в красоте и в искусстве, в дисциплине и в правосознании, в молитве и в богомыслии... И если бы люди знали, что *Бог есть Любовь*, то они поняли бы, что *во всякой искренней любви веет живое дыхание Божие*: в любви ко всякому совершенству, в любви к родителям, к жене, к другу и к детям, в любви к родине и своему народу, к ближним и ко всякому живому существу. Бог доступен нам и близок нам; от нас зависит призывать его, т. е. укреплять свою слабую силу Его великою Силою, свой дух — Его Духом, свою любовь — Его Любвию. Мы должны помнить, что «всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Иоанна 2.29); и еще, — что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и чего ни попросим, получим от Него» (1 Иоанна 3.21—22). Мы должны быть уверены, что наше дело есть дело самой России, а дело России — правое; правое же дело всегда найдет защиту и помощь у Бога.

<...>

Первое: *на чужие силы надеется лишь безвольный человек, а безвольный человек не победит никогда*. Победа безвольного есть пустая видимость. Для него самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь. И если он случайно «победит», то он не сумеет взять свою победу, а если он случайно возьмет ее, то не удержит... Второе правило: *затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и укрепляют силу волевого*. Волевой человек живет и рас-

суждает так: «Не удалось, — значит мало сил собрал, значит соберу их вдвое»; «Непреодолимо — значит боролся не так, как надо, значит найду верный способ, может быть — недооценивал силы врага, переоценивал свои силы, плохо готовился, мало углублялся, неумело организовывал»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого себя еще больше силы, чем он извлекал доселе, но отнюдь не отнимает у него решимости и мужества.

И, наконец, третье правило: *из двух людей — к победе ближе тот, в ком сильнее любовь к делу, кому лично нечего терять и кто ничего не боится*. Такой человек борется не «постольку» — поскольку», а без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой; не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т. е. чтобы осуществить всю свою цель и удержать ее.

Трудно представить себе, что могут сделать два волевых человека, которые укоренились в Боге и в патриотической верности, которые безусловно верят друг другу и сговорились друг с другом на жизнь и на смерть... А три таких человека? А десять? А тысячи?...

Что же нам нужно?

Глубокая вера в то, что наше дело — правое перед лицом Божиим и что молитвенное очищение души даст нам нужные силы. Сосредоточенная подготовка своей воли и своего умения. Неошибающийся отбор волевых и безусловно доверяющих друг другу людей. Выдержанный, трезвый расчет в борьбе. И неколеблющееся подчинение единому вождю и единому плану.

Вот на что и на кого нам надо надеяться.

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

В главе «Первоначальный период развития германской национал-социалистической рабочей партии» в числе прочего Гитлер пишет следующее:

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«Чтобы завоевать массы на сторону идеи национального возрождения, никакие социальные жертвы не являются слишком большими. Какие бы хозяйственные уступки ни были сделаны трудящимся, они ничто в сравнении с той громадной пользой, которую получит вся нация, если благодаря уступкам удастся вернуть эти слои под знамена нации. Только близорукая ограниченность (которой, увы, отличаются иные наши предпринимательские круги) может не понимать, что если нам не удастся опять возродить полную солидарность нашей нации, то прочный хозяйственный подъём будет невозможен, а стало быть, невозможно будет извлекать и серьёзную хозяйственную пользу... Внедрить национальную идею в широкие массы народа невозможно при помощи половинчатых мер, — невозможно, если исходить из точки зрения так называемой “объективности”... Кто хочет завоевать на свою сторону широкие массы народа, тот прежде всего должен отыскать ключ, открывающий двери к сердцам народа. Этот ключ — воля и сила, а отнюдь не “объективность”, то есть не слабость».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

2. О РУССКОМ САМОСТОЯНИИ

При свете того мученического креста, на котором горит Россия, мы должны пересмотреть все основы нашего государственного быта и нашего национального самочувствия. И первое, чему мы должны научиться, — это *русскому национальному самостоянию*.

Мы должны укрепить в себе и в наших детях и внуках — *инстинкт национального самосохранения*. Мы должны научиться слышать его в наших душах и повиноваться его требованиям. Мы должны понять, что все совершившееся с Россией во время великой войны

и революции и еще совершающееся на наших глазах, — возникло оттого, что в русском народе временно помрачилось духовное самосознание и временно ослаб инстинкт национального самосохранения, тот самый инстинкт, который увел его от татар из южных степей в северные леса, который вел политику московских князей, собирателей Руси, который вывел Россию из татарщины и смуты, повел ее за Петром Великим и Ломоносовым, восстал на Наполеона и замирил оружием, колонизацией и культурой одну шестую часть земной поверхности. В этом исторически замедленном, но великом подъеме русский народ обнаружил такую силу и гибкость инстинкта самосохранения, такой государственный смысл и такт, такую способность личного самопожертвования, такое всеперемазывающее и всепобеждающее терпение, такую цепкость, верность себе и самобытность, что сомневаться в его грядущем возрождении могут только совершенно неосведомленные и непомерно жадные иностранцы. Русский народ восстанет и возродится. Но для того, чтобы это совершилось, должно быть преодолено то временное *изнеможение его национального инстинкта*, то временное *помрачение его духовного самосознания*, которое привело его к нынешнему состоянию. Гнет коммунистов является, по-видимому, величайшим препятствием для этого; но именно он-то и пробуждает, и углубляет, и закаляет русское национальное самосознание, в унижениях и муках.

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

В главе «Мировоззрение и партия» Гитлер в числе прочего пишет:

«Вера подымает человека над уровнем чисто животной жизни и этим самым содействует укреплению и обеспечению самого существования человека. Отнимите у современного человечества воспитанные в нем религиозно-нравственные верования и, если вы

ему не дадите равноценной замены, то вы скоро убедитесь, что в результате поколеблется самый фундамент его бытия. Люди существуют для того, чтобы служить высоким идеалам, но в то же время мы имеем право сказать, что без высоких идеалов нет и самого человека. Так замыкается круг».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ

Россия должна прежде всего почувствовать сердцем и волею, а затем восстановить и организовать на деле — свое *духовное единство*.

Духовное единство России доказано той великой — самобытной и глубокой — культурой, которая была создана единым русским народом во всем сложном сочетании его национальностей. Эта культура создавалась в течение целого *тысячелетия*, на единой, все расширявшейся территории, в единой и общей *равнинной* природе, в едином сурово-континентальном *климате*, под единой *государственной властью и системой управления*, при едином государственном и культурном *языке*, в единой судьбе международных *войн и социально-классового, хозяйственно-торгового сотрудничества*. Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях и, наконец, то *основное единство в восприятии мира, людей и государства*, которым русские народы без различия племени отличаются от западноевропейских народов.

Из этого единого и общего «материала» жизни и быта *славяно-русское племя*, исповедовавшее христианско-православную веру, создало и выносило *тот самобытный духовно-творческий акт*, которым творилась и создавалась *русская национальная культура*.

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

Глава «Мировоззрение и партия»:

«Если о человеке сказать, что он мыслит народнически (фелькиш), это будет столь же неопределенно и растяжимо, как если о человеке сказать, что он настроен “религиозно”. Под тем и другим совершенно невозможно представить себе что-нибудь ясное, конкретное, практическое. Характеристика человека как религиозно настроенного становится конкретной лишь тогда, когда мы знаем, какую практическую форму приняла его религиозность... Конечно, и общая характеристика человека, как “религиозно настроенного”, уже содержит частично принципиальные идеи. Это понятие включает в себя, например, мысль о существовании высшего существа, мысль о вечности души и т. д. Однако все эти отдельные мысли, как бы аксиоматичны они ни были для того или другого индивидуума, все-таки в ту или другую минуту могут еще подвергнуться сомнению, и тогда поколеблется вся «религиозность» данного человека. Его религиозность станет вполне прочной лишь тогда, когда он проникнется неопровержимой верой, для чего нужна либо определенная степень глубины чувства, либо определенная глубина познания. Только неопровержимая вера становится активным фактором, прокладывающим дорогу основным религиозным понятиям. Если бы перед нами была только религия без ясных и точных очертаний, то общая малооформленная “религиозность”, именно ввиду ее малооформленности, была бы не только бесполезна для человека, но, вероятнее всего, приводила бы ко всеобщему распаду».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

4. ЧТО ДАЛО РОССИИ ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Национальная духовная культура творится из поколения в поколение

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

не сознательной мыслью и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа, и прежде всего инстинктом и *бессознательными, ночными силами души*. Эти таинственные силы души способны к духовному творчеству только тогда, если они озарены, облагорожены, оформлены и воспитаны *религиозной верой*. История не знает культурно-творческого и духовно-великого народа, пребывавшего в безбожии. Самые последние дикари имеют свою веру. Впадая в безверие, народы разлагались и гибли. Понятно, что от совершенства религии зависит и высота национальной культуры.

Россия была искони страной православного христианства. Ее творчески ведущее национально-языковое ядро всегда исповедовало православную веру. Вот почему дух православия всегда определял и ныне определяет столь многое и глубокое в строении русско-национального творческого акта. Этими дарами православия в течение столетий жили, просвещались и спасались все русские люди, все граждане Российской Империи, — и те, которые о них забывали, и те, которые их не замечали, от них отрекались или даже их поносили; и граждане, принадлежавшие к инославным исповеданиям или инородным племенам; и другие европейские народы за пределами России.

Для исчерпывающего описания этих даров понадобилось бы целое историческое исследование. Я могу указать на них лишь кратким исчислением.

1. Все основное содержание христианского откровения Россия получила от православного востока и в форме православия, на греческом и славянском языке. «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир» (Пушкин). Эту священную стихию — крещения и облечения во Христа Сына Божия — русский народ переживал в православии. Оно было для нас тем, чем оно было для западных

народов до разделения церквей; оно давало им то, что они впоследствии утратили, а мы сохранили; за этим утраченным духом они начинают ныне обращаться к нам, потрясенные мученичеством православной церкви в России.

2. Православие положило в основу человеческого существа *жизнь сердца* (чувства, любви) и исходящего из сердца созерцания (видения, воображения). В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от *воли к рассудку*; от протестантизма, ведущего веру от *разума к воле*. Это отличие, тысячу лет определявшее русскую душу, остается навеки; никакая «уния», никакое «католичество восточного обряда», никакое протестантское миссионерство не переделает православную душу. Весь русский дух и уклад оправославлены. Вот почему когда русский народ творит, то он ищет *увидеть и изобразить любимое*. Это основная форма русского национального бытия и творчества. Она возвращена православием и закреплена славянством и природой России.

3. В нравственной области это дало русскому народу живое и глубокое *чувство совести*, мечту о праведности и святости, верное осознание греха, дар обновляющего покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство «правды» и «кривды», добра и зла.

4. Отсюда же столь характерный для русского народа *дух милосердия* и всенародного, бессловного и сверхнационального *братства*, сочувствие к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику. Отсюда наши нищелюбивые монастыри и государи; отсюда наши богадельни, больницы и клиники, создававшиеся на частные пожертвования.

5. Православие воспитывало в русском народе тот *дух жертвенности, служения, терпения и верности*, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех своих врагов и не построила бы своего земного жилища. Русские люди в течение всей своей истории учились строить Россию «целованием креста» и почерпать нравственную силу в мо-

литве. *Дар молитвы есть лучший дар православия.*

6. Православие утвердило религиозную веру на *свободе* и на *искренности*, связав их воедино; этот дух оно сообщило и русской душе и русской культуре. Православное миссионерство стремилось приводить людей «на крещение» — «любовью», а никак не страхом. Именно отсюда в истории России этот дух религиозной и национальной терпимости, который инославные и иноверные граждане России оценили по достоинству лишь после революционных гонений на веру.

7. Православие несло русскому народу все дары христианского *правосознания* — волю к миру, братству, справедливости, лояльности и солидарности; чувство достоинства и ранга; способность к самообладанию и взаимному уважению, — словом, все то, что может приблизить государство к заветам Христа.

8. Православие вскормило в России чувство *ответственности* гражданина, чиновника и царя пред Богом, и прежде всего упрочило идею призванного, помазанного и Богу служащего монарха. Благодаря этому тираннические государи были в истории России сущим исключением. Все гуманные реформы в русской истории были навешаны или подсказаны православием.

9. Русское православие верно и мудро разрешило труднейшее задание, с которым почти никогда не справлялась западная Европа, — найти правильное соотношение между *церковью и светскою властью*, взаимное поддержание, при взаимной лояльности и взаимном непосягании.

10. Православная монастырская культура дала России не только *сонм праведников*. Она дала ей ее летописи, т. е. положила начало русской *историографии* и *русскому национальному самосознанию*. Пушкин выражает это так: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением». Нельзя забывать, что православная вера долго считалась в России истинным критерием «русскости».

11. Православное учение о бессмертии личной души, о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и отдаче жизни «за други своя» — дало *русской армии* все источники ее рыцарственного, лично-бесстрашного, беззаветно послушного и всепреодолевающего духа, развернутого в ее исторических войнах и особенно в учении и в практике А. В. Суворова, и не раз признававшегося неприятельскими полководцами (Фридрихом Великим, Наполеоном и др.).

12. Все русское *искусство* изощло из православной веры, искони впитывая в себя ее дух — дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности. Русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овеяна церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы; русская литература пошла от церкви и монашества.

Все ли здесь исчислено? Все ли упомянуто? Нет. Здесь еще не сказано о православном старчестве, о православном паломничестве, о значении церковно-славянского языка, о православной школе, о православной философии. Но всего здесь и нельзя исчерпать.

Все это и дало Пушкину основание установить как незыблемую истину: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

Глава «Мировоззрение и партия»:

«Аналогичное положение имеем мы с понятием “народнически настроенный” человек (фелькиш). Отдельные частичные принципы содержатся, конечно, и в этом общем понятии. И хотя сами по себе эти отдельные принципы имеют большую важность, но они еще так неясны, что получить серьезное

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

значение они смогут лишь тогда, когда будут восприняты политической партией, которая и придаст им определенные очертания. Всякий знает, что свободы нельзя добиться одним общим стремлением к ней, как бы страстно ни было это последнее. То же приходится сказать об осуществлении идеалов нашего мирозерцания и вытекающих из этих идеалов практических постулатов. Тут также не поможет одно чувство и одно внутреннее желание человека. Нет! Только тогда, когда стремление наше к национальной независимости принимает форму боевой организации, получающей в свое распоряжение средства военной силы, — лишь тогда идеальное стремление народа превратится в прекрасную действительность. Ни одно мировоззрение, будь оно даже тысячу раз правильно и полезно для человечества, не приобретет практического значения в жизни народов до тех пор, пока принципы его не станут практическим знаменем боевого движения. А это движение в свою очередь останется партией до тех пор, пока деятельность этой партии не приведет к полной победе ее идей и догмы партии не окрасят собой всю общественную жизнь нового государства».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

5. ТВОРЧЕСКИЕ УРОКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Для того, чтобы увидеть будущую Россию и верно пойти ей навстречу, мы должны глубоко вдуматься и вчувствоваться в русское историческое развитие, как бы подслушать законы и формы русского национального бытия и с делать соответствующие выводы. Эти выводы будут приблизительно таковы.

1. Для того, чтобы русская жизнь духовно цвела, вера должна быть в России свободна, а церковь — не подчинена государственной власти. Только свободная вера искренна; только ис-

кренняя вера цельна и сильна; только цельная и сильная вера воспитывает людей и вдохновляет их творчество.

2. Для того, чтобы религиозно воспитать народ, христианская церковь должна преодолеть в себе склонность к сентиментальному непротивленчеству и преклонение перед западным богословием. Православная церковь, строившая Россию, была мироприемлющая и национальна; она не отвергала государства и блюла верные и мудрые пути *восточного* православия.

3. Русский народ справится с историческим бременем и опасностями только тогда, когда это бремя будет несомо *всеми*. Все русские люди должны быть вовлечены в судьбу и в борьбу своего отечества. Это участие совсем не должно выражаться непременно в «демократических» «голосованиях», в которых обычно своекорыстные люди противогосударственно отвечают на непонятые вопросы. Это участие должно выражаться во внутреннем отношении к России и в вытекающих из него организованных действиях. Каждый русский человек должен любить свою родину, видеть сердцем и волею ее пути, принимать правосознанием ее законы и ее власть и искать жертвенного служения России на законных путях. Задача власти — открывать и подсказывать эти пути всем гражданам. В этом основная задача будущего русского государственного устройства.

4. Государство совсем не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана. Корень его жизненности *внутри* человека: в его правосознании. Поэтому в душах должно воспитываться от малых лет и на протяжении всей жизни здоровое правосознание, приемлющее за совесть правопорядок, законы и власть. Правосознание есть крепчайший цемент государства, источник его силы и расцвета.

5. Россия будет творить свою культуру и цвести только тогда, когда в русских людях сложится сильный, духовный и дисциплинированный характер. Бесхарактерная Россия будет подкуплена, обманута, разложена и завоевана другими народами. Русскому чело-

веку необходимы — закон, мера и форма. Его величайшая опасность — разнуздание и всесмещение.

6. Никакое государство не может строиться без жертвенности. К России, с ее опасностями и затруднениями, это относится с особенной силой. Но это распределение жертв между сословиями и классами *должно быть равномерным, посильным и братским*. Абсолютная справедливость неосуществима; но у всех граждан должна быть живая уверенность, что справедливость ищется искренно, всенародно и правительственно.

7. Россия многонациональна и многоисповедна. Без взаимного братского признания и уважения, без культурной автономии и терпимости Россия не сможет объединиться и окрепнуть.

8. Русский человек даровит и предприимчив. Его творческая инициатива должна быть не скована, а освобождена и поощрена. Достаточно вспомнить историю русской колонизации; историю русского казачества; историю русской торговли; введение подушной подати Петром Великим, развязавшее на сто лет запашку земли; земельную реформу Столыпина...

9. Россия при ее объеме и составе не будет существовать под слабой государственной властью, чем бы эта слабость ни вызывалась: безволием правителя, противодействием партий или международной зависимостью. Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе. Но эта власть должна быть в то же время — не бюрократической, не централизованной, не далекой от населения и не грубо-насильственной. Она должна быть ответственной и творческой; с дальнозоркой, большой идеей, с чистыми руками и с жертвенным служением.

10. Россия искони велась и строилась своими законными монархами. Ее история отмечает республиканскую форму *два раза* — московская «семибоярщина» в эпоху Смуты (1609—1612) и современное нам революционное бедствие (1917—1938). Это означает,

что *Россия становилась республикой только в периоды разложения и провала*. Русская политика велась князьями и государями в период домонгольского киевского расцвета, в эпоху татар и освобождения от них, в эпоху возвышения Москвы, в эпоху возвышения Петербурга, в эпоху имперского и императорского объединения России, в эпоху освобождения крестьян и предреволюционного роста. Это историческое сопоставление говорит само за себя.

11. Историческая задача верховной власти в России была и будет всегда одна и та же: властно внушаемая сверху солидаризация всего народа вопреки сословному и классовому делению; организации России в *духе братской корпорации* и в то же время *в форме отеческого учреждения*; патриотическое объединение русских людей и народностей на основах веры в Бога, верности, чести, служения и жертвенности, при постоянном привлечении творчески сильных и идейно-талантливых людей снизу.

12. Россия может быть сильна и свободна только тогда, когда духовно и государственно на высоте ее ведущий слой (духовенство, офицерство, чиновничество, интеллигенция). Крушение ведущего слоя означает всегда крушение здоровой государственности и распад страны. Так всегда было, так всегда и будет.

13. России необходимо, чтобы ее *средний слой* был многочислен, состоятелен, патриотичен и организован. России необходимо, чтобы ее *крестьянство* владело землею на праве частной собственности; чтобы оно имело гражданское полноправие; чтобы оно вело интенсивное хозяйство. России необходимо, чтобы ее *рабочее сословие* было братски поставлено в достойные — духовные, материальные, жилищные, оседлые и семейные — условия жизни.

14. Жизнь России требует, чтобы все стояли за каждого, а один за всех; чтобы правительство и армия были неотрывны от народа, а народ от них; чтобы национальный инстинкт самосо-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

хранения чувствовал себя духовно правым и религиозно благословленным.

Таковы творческие уроки русской истории.

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

Глава «Мировоззрение и партия»:

«Современный ходячий взгляд на роль государства заключается в том, что государство ничего общего не имеет с расовыми предпосылками. За государством, правда, признается определенная творческая и культурная сила, но в нем больше всего видят продукт определенных хозяйственных потребностей, в лучшем случае — естественный результат стремлений определенного человеческого конгломерата к расширению своей политической власти. Такой взгляд в своем логическом развитии ведет не только к отрицанию расового фактора, но и к недооценке роли личности. Ибо отрицание роли различных рас в деле развития культуры неизбежно приводит к тому, что мы перестаем понимать и роль личности в этой области. Одна большая ошибка ведет за собой другую. Если мы перестаем видеть различие между расами, то это приводит в дальнейшем к игнорированию различий между отдельными народами, а затем логически и к игнорированию различий, существующих между отдельными людьми. Детище еврея Карла Маркса, учение марксизма, есть, в сущности, не что иное, как превращение в определенный политический символ веры этих давно уже существующих и широко распространенных превратных представлений. Изумительный политический успех марксистского учения был бы совершенно невозможен, если бы в основе марксизма не лежала эта издавна распространенная у нас извращенная идея. Отрава эта давно уже носится в воздухе. Ее разлагающему влиянию подверглись миллионы. Не хватало только

одного лица, которое оформило бы эту извращенную идею. И вот этот один человек нашелся. Это и был Карл Маркс. Он пророчески угадал, какую разрушительную силу может представить собой этот яд. С искусством чернокнижника он создал концентрированное учение, направленное на возможно более быстрое уничтожение независимости всех свободных наций на этой земле, и все это свое ядовитое учение он поставил на службу своей собственной расе. Марксистское учение, таким образом, является только концентрированным идейным экстрактом ставших ныне ходячими представлений и убеждений. Уже по одному этому борьба нашего так называемого буржуазного мира против марксизма просто смешна и беспечельна по той простой причине, что наш буржуазный мир по существу дела и сам насквозь отравлен теми же самыми ядами. Миросозерцание нашей буржуазии отличается от миросозерцания марксистов только в степенях и лицах. Сам буржуазный мир подвержен марксизму. Вся разница в том, что буржуазия верит в возможность господства одних групп людей (буржуазии), в то время как марксизм стремится к тому, чтобы отдать всю власть в руки другой группы — евреев. В противовес всему этому народническое (фелькиш) миросозерцание главную роль признает за расой. Народничество принципиально видит в государстве только средство к цели, саму же цель видит в сохранении расовых основ человечества. Народничество, таким образом, ни в коем случае не верит в равенство рас. Оно знает, что расы различны между собой, что расы делятся на низшие и высшие и что наша задача на земле — помочь победе лучшей, более сильной расы, которая должна подчинить себе худшую и более слабую расу. Народничество, таким образом, принципиально стоит на аристократической точке зрения природы и верит в то, что закон этот простирает свое действие на все в этом мире, вплоть до каждого отдельного живого существа. Оно признает не только раз-

личную ценность рас, но и различную ценность отдельных людей. Оно умеет из понятия “масса” вышелушить понятие “личность”. И тем самым оно имеет организующее значение против дезорганизующей роли марксизма. Оно верит в необходимость идеализации человечества, ибо в ней оно видит предпосылку всего нашего существования. Но оно откажет в праве на существование и любой этической идее, если только эта последняя представляет собой какую-либо угрозу расовой жизни, носителнице самой высшей этики. Ибо в онегритянившемся мире ублюдков все человеческие понятия о прекрасном и возвышенном, все человеческие представления об идеальном будущем были бы навсегда потеряны. Вся человеческая культура и цивилизация на нашей земле неразрывно связаны с существованием арийца. Если бы арийцы постепенно вымерли или сразу погибли, то это означало бы, что весь земной шар был бы вновь обречен на полное бескультурье. Самым большим преступлением на нашей земле в глазах народнического мирозерцания является деятельность, направленная против человеческой культуры путем уничтожения носителя этой культуры. Кто подымает руку на высшее воплощение подобия Божия на этой земле, тот восстает на всеблаготворца Творца всех чудес на земле, тот тем самым содействует изгнанию нашему из рая. Это означает, что народническое мирозерцание (фелькиш) идет рука об руку с действительными велениями природы. Оно помогает восстановлению свободной игры сил, которая одна только и ведет к высшему совершенству и одна только способна содействовать победе лучшей расы, которая должна владеть всей землей. Все мы предчувствуем, что в отдаленном будущем перед человечеством возникнут проблемы, которые будут по плечу только высшей расе. И только эта высшая господствующая раса, опираясь на все средства и возможности всего земного шара, призвана будет разрешить эти проблемы».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

9. СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА

Большевизм есть не что иное, как *последовательно проведенная революция*: ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия, дух поругания святынь, дух зависти и мести, дух восстания низшего на высшее, дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора. Этот дух заложен в *каждой революции*, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца.

Революция не есть просто «насильственное свержение нежелательной власти». Такое свержение следует называть не революцией, а *переворотом*. Революция же есть *массовое духовное заболевание*: ослабление и распадение *духовных устоев*. Если слабеет только одно правосознание, а силы религиозной веры, совести, чести, патриотизма, национального чувства остаются непоколебленными, то все эти силы скоро заживают рану правосознания и переворот не становится революцией. Но если все эти священные силы духа находятся в состоянии кризиса, то может распасться и выродиться вся жизнь. Поэтому ныне для России надо желать не «революции», а *политического переворота*, который должен возродить национальную Россию и обновить всю ее жизнь.

В силу указанных выше внешних и внутренних причин, политический переворот в России в 1917 году не мог не превратиться в революцию, которую революционеры всячески старались углубить, разлагая все устои жизни и духа. В результате этого и возник большевизм.

Итак, большевизм есть *разложение духа и разнуздание личности* в человеческой душе. В человеке разлагается и слабеет духовное начало; он начинает посягать на все и разрешать себе все. Формулы большевизма: «все немедленно мне» и «все средства хороши». Именно поэтому на большевизм так

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

легко отзываются все *беспринципные карьеристы, все политические авантюристы, бездейные честолюбцы, продажные люди, хулиганы и в особенности профессиональные преступники*. Большевизм есть вторжение разбоя в политику и в то же время превращение внутренней и внешней *политики* государства в уголовщину.

Большевицкое настроение всегда живет в нравственных низах общества. Но оно может охватить и целый класс. Тогда этот класс станет *революционным*; требования его окажутся *максимальными* и государственно-разрушительными; он не остановится ни перед какими средствами борьбы и начнет гражданскую войну. Поэтому в политическом отношении большевизм есть *максимализм и терроризм*.

В душе, заболевшей большевизмом, смолкают все духовные побуждения: правосознание, патриотизм, чувство чести, долг, совесть и вера. Тогда человек отдается жадности и «политика» его становится свирепой и бессовестной. Такой дух живет в классовом понимании государства у Маркса. Классовая борьба есть не что иное, как прикровенная и «приличная» гражданская война; достаточно «революционному классу» потерять терпение и ожесточиться — и гражданская война начнется в открытую. Поэтому большевизм по самому существу своему отвергает *государство*, ибо государство есть начало *сверхклассового мира, солидарного сотрудничества, твердого правопорядка и справедливости*. Большевизм отвергает и самое право и пытается построить жизнь на принуждении.

Правопорядок строится на самостоятельном и самодеятельном субъекте прав; на законе и законности; на справедливости. Большевизм отвергает все эти основы. Он подавляет свободного человека, его инициативу и его духовное самоуправление: человек есть для большевика материальный атом, покорная машина или раб. Большевик отдает все в монопольное распоряжение государства: люди делаются для него на *чиновников и неправых рабов*. Поэтому большевизм есть *деспотизм*. Он

презирает закон и законность: власть не связана ничем, а рабы связаны вечным гнетом и страхом. Большевицкое государство является *единственным работодателем во всей стране*: всякая частная собственность отменяется: частных предприятий нет. Все оказываются абсолютно *бедными и абсолютно зависимыми от монопольного работодателя*. Все оружие конфискуется: востание без оружия невозможно. *Нищета, голод и страх закрепляют рабство*. И над всем возвышается новое привилегированное сословие — коммунистическая партия (около 2 % всего населения), вооруженная, всем распоряжающаяся и пронизывающая страну всеобщим политическим сыском и доносительством.

В *хозяйственном* отношении большевицкое государство осуществляет *коммунистический* строй (называемый также социализмом). Идея коммунизма состоит в том, чтобы 1) погасить личную инициативу в хозяйстве и заменить ее всепредусматривающим и всерегулирующим распоряжением, идущим из полновластного центра; 2) в том, чтобы погасить у людей личную заинтересованность в труде и заменить ее принуждением и обязательным для всех революционным «пафосом»; 3) в том, чтобы построить хозяйство по единому плану на равенстве неправых наемников. Это приводит к всеобщему безразличию, падению качества и количества продукта, к страшному повышению себестоимости, к «плановому» хаосу, ко всеобщей бесхозяйственности и безответственности, к падению производства, потребления и вывоза.

В смысле мирозерцания — большевизм есть *материализм*: нет ничего кроме материи и чувственных состояний тела. Нет души. Нет духа. Нет Бога. Религия есть лицемерная выдумка богатых, для одурачения и порабощения бедных. Иисуса Христа «не было». Христианство есть фальшь. Любовь есть вредный предрассудок. Духовная культура есть «буржуазный» вздор и ложь. Хорошо то, что полезно большевицкой революции. Добро и зло, красота, истина, честь, любовь к оте-

честву, национализм — пустые и вредные выдумки. Семья есть реакционная форма жизни; ее надо разрушить. Христианская церковь есть главная реакционная сила и главная опасность для большевицкой революции. Отсюда гонения на христианство и, в особенности, на православие. *Россия есть лишь плацдарм и орудие для мировой революции. Все народы должны быть соблазнены, разложены и покорены коммунистической революцией.*

Для всего этого необходимо разрушить весь исторически унаследованный душевный уклад и подорвать все прежние духовные основы человека. Это надо осуществить во всем мире; и притом — любой ценой, не останавливаясь ни перед какими злодействами, не щадя ни поколений, ни народов.

Таковы планы и «дары» большевизма: освободить человека от веры, совести и чести, сделать его безродным, бессемеиным нищим и поработить его мировому коммунистическому центру, опирающемуся на безбожников и злодеев всех стран («Коммунистический Интернационал»).

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

В главе «Народ и раса» Гитлер пишет:

«Учение марксизма представляет собой причудливую смесь разумного с нелепейшими выдумками человеческого ума. Но при этом еврей систематически заботится о том, чтобы в живой действительности находила себе применение только вторая часть этой проповеди, но ни в коем случае не первая. Систематически отклоняя роль личности, а тем самым и нации и расового «содержания» последней, марксистское учение постепенно разрушает все самые элементарные основы человеческой культуры, судьбы которой зависят как раз от этих факторов. Вот в чем заключается ядро марксистского мировоззрения, поскольку это исчадие преступного мозга вообще

можно рассматривать как «мировоззрение». Устранив роль великой личности и расы, еврей устранил и самое важное препятствие к господству низших. А эти низшие как раз и есть евреи».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

10. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ УРОКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<...>

9. Революция есть не «спасение», а начало гибели. Она разнуздывает людей; она научает людей пренебрежению к праву и к закону. Народ, не уважающий права и закона, — потеряет все свои права и будет поработен.

10. Социализм несет людям не братство, а классовую ненависть; не новую справедливость, а худшую несправедливость; не свободу, а свирепый зажим.

11. Коммунизм не уважает человеческую личность и ее свободную самостоятельность. Поэтому он идет против духа и против природы и может насаждаться только голодом, страхом и кровью (террором).

12. Коммунизм отменяет частную собственность и делает всех безнадежными нищими, зависимыми от коммунистической партии и власти. Этим он подрывает в народе желание трудиться и распространяет всеобщую лень, саботаж, взяточничество, воровство и всяческую безответственность. Все это губительно для культуры и народного хозяйства.

13. Коммунизм не бережет народные силы, а растрачивает их: личная, частная инициатива подавляется; работа из-под палки становится ненавистна и непродуктивна; всенародное уговаривание работать из-под палки — безнадежно; аппарат всенародного надзора и понуждения к работе — не заменит человеческой самостоятельности; все предвидеть из центра и все всем приказывать через чиновников — есть затея нелепая и неосуществимая.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Все это — ведет к *растрате сил и всеобщему оскудению*.

14. Если в государстве начнут править интернационалисты, то они не захотят и не сумеют блюсти *исторические интересы народа*. Порабощенный народ станет средством для чужих ему интересов. Он будет разорен и обессилен, а в последний час предан на поток и разграбление воинственным соседям.

Таковы отрицательные уроки революции. Этим они отнюдь не исчерпываются: здесь они только начинаются. Однако не продумавший и не усвоивший этих основ не постигнет и остального.

И прежде всего он не постигнет религиозного смысла русской революции.

11. РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коммунистическая революция является величайшим бедствием и провалом в истории России. С нею не может сравниться ни одна из войн, ведшихся русским народом. С нею не может сравниться ни Смута (1605—1613), ни бунты Разина (1667—1670) или Пугачева (1773—1775). Это бедствие равновелико по своей глубине и по своим последствиям разве только татарскому погрому, хотя разворачивается в совершенно иных формах. Как тогда, так и теперь дело идет *о самом бытии России, об ее исторической судьбе, о субстанции ее духа*. Как тогда, так и теперь русский народ стоит перед величайшим испытанием, которое или погубит его, или закалит; оно или разложит до конца его дух и его культуру, или же очистит их, углубит и возвеличит. Как тогда, так и теперь русский народ чувствует себя стоящим перед лицом Божиим и отвечает на ниспосланное ему бедствие молитвенным сосредоточением души и воли.

И он прав в этом. Путь к возрождению России ведет через *оухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта*. Именно последняя глубина души может и должна

возродить Россию: искренняя и цельная жажда Бога и божественного в жизни. Испытания и лишения, унижения и муки должны поднять со дна наш затонувший «Град Китеж», должны возродить «Святую Русь» в душе русского народа. В этом религиозный смысл революции.

Революция совершилась отнюдь не в силу положительной воли Божией, ибо Господь не может хотеть зла; но в силу Его *позволения*. Нелепо и пагубно думать, будто коммунистическая власть в России «установлена» Богом и будто в силу этого русские люди должны повиноваться ей «за совесть». На самом деле не Господь восхотел этого потока зла и страдания, но соблазняющие и соблазненные люди восхотели его, злоупотребляя своею человеческою свободой и идя по пути страстного произволения и греха.

Напрасно было бы приводить здесь слова Апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 13, ст. 1—10), где действительно сказано, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (ст. 1) и что «противящийся власти противится Божию установлению» (ст. 2). Ибо эти слова Писания, как и другие, непозволительно отрывать от контекста, от общего духа и смысла. Из общего же контекста и смысла (ст. 1—10) явствует с очевидностью, что Ап. Павел требует повиновения властям потому, что он *подчиняет самих правителей Богу и Его заповедям*. Власть устанавливается Богом для того, чтобы начальник был «Божьим слугой», чтобы он поощрял добро и пресекал зло; правители «постоянно заняты» этим служением Богу, и в греческом тексте называются не только «архонтами», но и «диаконами» и «литургами». В этом их призвание. Ими должен руководить тот же высший закон любви, что и повинующимися им гражданами. Именно поэтому (по-гречески «*дио*») мы должны повиноваться им «не только из страха наказания, но и по совести». Иными словами: *наша совестная лояльность причитается Божиим слугам, а не слугам сатаны*. Коммунистическая же

власть, сеющая зависть, ненависть, страх, унижение и ложь, поощряющая всякое зло и искореняющая всякое добро, ведущая кровавое гонение на веру и верующих, служит не Богу, а сатане, и потому мы, христиане, должны отказать ей в повиновении и повести против нее непримиримую борьбу словом и делом.

Итак, безбожная и бессовестная власть не связывает нашего правосознания. Она послана русскому народу для закаления, очищения и укрепления его духа. Попустить злу значит «не воспрепятствовать» ему, как бы отвести обороняющую руку, предоставить злу развернуться по его внутренним законам и совершить заложенную в нем судьбу его: одним в наказание, другим в научение, третьим в испытание, или в укрепление и закаление; героям — в возвеличение, мученикам и святым — в прославление.

Попущению этому придет однажды конец: *когда окрепнет вера и закалится воля в русском народе*. К этому времени и мы должны быть готовы: мы должны умудриться через наказание закалиться в испытаниях, уразуметь ошибки и упущения прошлого, преодолеть соблазны настоящего; чтобы с обновленною, крепкою верою и государственно-национальной волею заткать ткань новой России.

Религиозный смысл русской революции — не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России.

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

Глава «Венские годы учения и мучения»:

«Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает

значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования. Если бы еврею с помощью марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая. Вечная природа безжалостно мстит за нарушение ее законов. Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божье».

Иван Ильин. ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

12. ВЕРА В БОГА

Чтобы возродить Россию, русский человек должен *жизненно укоренить свою душу в Боге и принять* эту укорененность — *сердцем, волею и разумом*. Тогда в его душе расцветет цельная и огненная вера,двигающая горами. Именно такая вера ему и необходима для возрождения и воссоздания России.

Здесь недостаточно мыслить «идеал» и иметь в душе «идеализм». Идеал есть величина отвлеченная; он зовет только издали; он не срастается с последними глубокими корнями инстинкта. А если он срастается с ними и начинает вести человека изнутри, то он становится предметом *веры*.

Несомненно, что «идеализм» гораздо лучше безразличия и гораздо выше своекорыстия. Но «идеализм» должен стать *реальною силою* в жизни и *целостным* состоянием души. Она должна связать себя с таким идеалом, который

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

есть сразу: нечто *объективно лучшее* и в то же время *объективно сущее*, т. е. *подлинно-реальное, подлинное совершенство*. А это есть Бог.

Надо целно и верно любить идеал. И для этого надо убедиться в том, что этот идеал не только «мой» идеал и не только «для меня» идеал; но что он есть идеал всегда и для всех, потому что он на самом деле совершенен. И это есть Бог.

Надо *видеть реальность идеала*, — не только тогда, когда нам удастся осуществить его в жизни, но и тогда, когда мы далеки от него в наших слабостях, страстях и грехах. Он подлинно реален и без нас, и помимо нас; но хочет и должен осуществиться и через нас. И это мы должны видеть — сердцем, волею и воображением. И это есть вера. А предмет веры есть *Бог*.

Адольф Гитлер. МОЯ БОРЬБА

Глава «Народ и раса»:

«Если бы на свете не было идеализма, то все духовные способности людей, в том числе даже самых одаренных, были бы только простым “духом”, бессильным сотворить что-либо действительно высокое и ценное. Действительный идеализм есть не что иное, как подчинение интересов и всей отдельной жизни отдельного лица интересам и всей жизни общества. Только такое подчинение и создает возможность какой бы то ни было организации. В этом смысле идеализм соответствует глубочайшим велениям природы. Именно такой идеализм и побуждает людей добровольно признать преимущество более сильного. Именно такой идеализм становится частицей того миропорядка, который образует нашу вселенную. Глубочайшее познание природы и чистый идеализм друг другу не противоречат, а напротив, объективно совпадают. Насколько это верно и насколько подлинный идеализм ничего общего не имеет с фантастикой, в этом легче всего убедиться, если мы прислушаемся к суж-

дениям неиспорченного ребенка, например здорового мальчика. Такой мальчик совершенно ничего не поймет в тирадах “идеалистически” настроенного пацифиста, и эти тирады наверняка ему не понравятся, а вот отдать свою молодую жизнь за идеал своей народности такой мальчик всегда будет готов. Бессознательно, инстинктом ребенок чувствует необходимость борьбы за продолжение рода и вида, даже когда это может происходить только за счет отдельного индивидуума, и бессознательно же инстинкт протестует против фантастики пацифистских болтунов, прикрывающих пространственными фразами только эгоизм. Ибо действительное развитие человечества возможно только при наличии готовности к самопожертвованию со стороны индивидуума в пользу общества, а не при наличии болезненных представлений трусливых умников и критиков, желающих переделать природу. В такие времена, когда исчезает идеализм, мы можем тотчас же констатировать упадок тех сил, без которых нет общества, а стало быть, нет и культурного развития. Как только в народе берет верх эгоизм, общественные связи начинают ослабевать. Каждый гонится за своим собственным счастьем и попадает только из огня в полымя».

Ключевые выводы. Иван Ильин в отличие от Адольфа Гитлера, неудачно встав когда-то на путь поиска национальной идеи, движется по нему в своем манифесте весьма и весьма осторожно (почти крадучись). То есть он, видимо, и хотел бы идти несколько быстрее и решительнее, да уж очень побаивался прослыть экстремистом. Если Гитлер честно и открыто ставит во главу угла ту вполне незатейливую мысль, что все подлинные достижения человечества на круг есть результат усилий исключительно арийской расы, а значит, все действительно ценные достижения культуры — это дело рук только высшей расы, то уже Ильин не в пример германскому вождю пытается-

ся аккуратно намекать, что российская власть «должна быть ответственной и творческой; с дальнзоркой, большой идеей, с чистыми руками и с жертвенным служением». Смешно, не правда ли, слышать подобные речи от подлинного мудреца? И потом, что же это за «большая идея», так и остается не проясненным. Иначе говоря, если Гитлер с помощью государства пытается спасти арийскую расу от ее растворения в толще иных — низших народов, то в свою очередь Иван Ильин ведет речь только о необходимости установления сильной (волевой) власти в России, которая уж как-нибудь сама по себе по образу смутного прошлого государства российского сумеет-таки наладить будущую как бы хорошую жизнь для русского народа. Или национальная идея, по Ильину, фактически сводится к тому, «чтобы национальный инстинкт самосохранения чувствовал себя духовно правым и религиозно благословленным». Каково? Другими словами, для нас важна не правда сама по себе, важно лишь уверенное чувство себя правыми и еще к тому же «религиозно благословленными». Кстати, в последнем чаянии угадывается опять же конторский дух, который без внешнего хозяйского одобрения, как говорится, сам — никуда. Но каковы враги у Ильина и у Гитлера? Если второй честно и ясно указывает на евреев, то Ильин вдруг начинает много и не очень убедительно рассуждать об отдельном вселенском зле в лице большевизма, якобы искусственно и подло привитого не совсем понятно кем нашей глубоко несчастной России. Сам этот бесчеловечный большевизм он характеризует как *«разложение духа и разнуздание алчности в человеческой душе»*. Скажете, непонятно? А то! Не для слабых духом речи сии! Или пусть не мечтают умники, не выйдет у них, чтобы все было «на блюде с голубой каемочкой»? Сами, господа, сами соображайте! То есть Ильин, в отличие от Гитлера, совсем не говорит о большевистской идее, попросту отказывается признавать существование оной. В результате он, пардон, как сер-

дитая собака, лишь заходит-ся в густом лае (брани) на тревожащий его предмет, совсем не понимая подлинной причины собственного негодования. И кто же носители этого жуткого большевизма по Ильину? А это, как ни странно, некие «безбожники и еще злодеи всех стран («Коммунистический Интернационал»)». Но какой же они нации? А это Ильину уже совсем и не важно знать. Кстати, в оценке марксистского, то бишь большевистского мировоззрения Ильин удивительным образом совпадает с Гитлером: «...марксистское учение постепенно разрушает все самые элементарные основы человеческой культуры... Вот в чем заключается ядро марксистского мировоззрения, поскольку это исчадие преступного мозга вообще можно рассматривать как «мировоззрение». И еще. Ильин страстно предупреждает: «Если в государстве начнут править интернационалисты, то они не захотят и не сумеют блюсти некие *исторические интересы народа*. Порабощенный народ станет средством для чуждых ему интересов. Он будет разорен и обессилен, а в последний час предан на поток и разграбление воинственным соседям». Вот так-то. А может быть, все совсем иначе: свои многогнусные делишки на чужой счет незаметно относим? Но в чем эти самые «исторические интересы народа»? Они опять же могут быть легко уяснены «через одухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта». То есть, по Ильину, русские люди рождены для одухотворения и благодатного оживления русского национального инстинкта. В общем, видимо для того, чтоб «хотелось и могло». Смешно? Но не спешите пока смеяться. Конечно, от прочтения последнего наимудрейшего наставления так и подмывает воскликнуть: чудны дела твои, Господи! А если говорить всерьез, то следует заметить, что г-н Ильин поразительно пуст в идейном отношении. Если Гитлер отвратителен в своих откровениях, то уже Ильин производит впечатление *завершенного имитатора мудрости*. Или

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

он есть на самом деле демагог невиданного в истории русской мысли масштаба. С другой стороны, кто-то возразит, что Иван Ильин много заботится о сохранении в России православия, чести и совести, а значит, не все так уж и плохо будет в его идейном наследии. Да, разговоров на эту тему у «мэтра» хоть отбавляй, а главного как не было, так и нет. О чем таком речь? Да о том, что не «за национальную Россию» русским людям следует нутужно хлопотать, а должно им прямо и честно говорить о всемерном восстановлении и укреплении в России веры православной, и, внимание, никакой более. Да, это сложно и трудно, но только такой путь имеет непреходящий смысл и перспективу для всякого русского человека. А странное ожидание *«когда окрепнет вера и закалится воля в русском народе»*, чтобы «мы должны умудриться через наказание закалиться в испытаниях, уразуметь ошибки и упущения прошлого, преодолеть соблазны настоящего; чтобы с обновленную, крепкою верою и государственно-национальной волею заткать ткань новой России» вряд ли вообще имеет какой-либо смысл. То есть нет иного пути у русских людей в собственное будущее, как только через обретение ими подлинной христианской веры и правды, ее

укрепляющей. А насчет большевизма-коммунизма следует заметить следующее. Если бы в царской России была вера, а не ритуальное суеверие, то не пришлось бы ей искать новую всенародную веру — веру в коммунизм. То есть Россия выгоды (капиталистического нутра) вместо России подлинной веры в Бога ни за что не устоит, а значит, у Отечества нашего нет иного будущего, как только обретение его народом стремления к праведной жизни.

Завершая изложенный выше анализ, видимо, имеет смысл ясно и твердо подчеркнуть, что полунационалист Иван Ильин есть грустная история о крайне неудачной многолетней и широкомасштабной умственной работе в целом небездарного человека, чей образ ныне освящает в целом скорбные дела нынешних серых (малообразованных в вопросе фундаментальных смыслов) личностей из числа российских заправил. Утешает лишь то, что сему самому постыдному периоду русской истории скоро всенепременно Небом положен конец будет. А нам, грешным, понимая и принимая последнее, следует терпеливо сносить сие самое тяжкое в русской истории попущение Божие, дабы непременно возрадоваться грядущему уникальному прозрению всенародному.

РУССКОГО ДУХА ТВЕРДЬ,

или

ПРООБРАЗ КОДЕКСА НРАВСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

(редакционный взгляд)

*Поэтом можешь ты не быть,
но человеком быть — обязан.*

Можно много и долго критиковать чужие попытки обустройства человеческой жизни, но все равно рано или поздно придется предлагать и собственное понимание того, что разумно на самом деле, а значит, и действительно правильно. Причем это может быть явлено и с оговорками, и с известными ограничениями, например что истина никому из людей в полной мере недоступна. Но все равно этому поступку должно быть. Поэтому, принимая во внимание последнее неизбежное требование логики, редакция журнала и пробует в настоящем тексте решать указанную выше задачу, а точнее — архиважную проблему всей человеческой жизни. Другое дело, что создатели журнала хотели бы видеть в предлагаемом читателю приложении не заумное или банальное наставление, а все-таки хотели бы получить интересный и полезный для многих разговор. Но как этого достичь? Что следует сделать для обретения желаемого? Представляется совершенно уместным изначально ввести в текст и оформить в нем выпукло две принципиально не совпадающие позиции или точки зрения. Но для чего же именно? А для того, чтобы они строго и неумолимо отслеживали тезисы друг друга. Иначе говоря, чтобы они всем своим наличным смыслом, с предельным вниманием надзирая за оппонентом, помогли бы уже читателю журнала самостоятельно торить дорожку к подлинному, а не к измышленному благу всякого человека. Посильна ли сия задача? Не

знаем. Но решать-то ее все равно приходится. Впрочем, пора бы уже и к делу приступить.

Давным-давно люди думали и рядили: как бы так изловчиться, чтобы жизнь человеческая стала бы в радость, если не всем, то хотя бы подавляющему большинству. С одной стороны, часто бунтуя, люди полагали, что уж им-то точно удастся наладить дело к лучшему. Однако опыт упорно показывал иное. С другой стороны, в истории с избытком водились мыслители, пытавшиеся изменить мир к лучшему через его исчерпывающее понимание или осознание. В результате первые в определенный момент времени соединились со вторыми, что и привело к первой и пока единственной недолгой победе искателей счастья для человека. Речь, понятное дело, идет об Октябрьской революции в России. Что же оставила эта попытка всему человечеству, как говорится, на память? Она явила миру «*Моральный кодекс строителя коммунизма*». То есть известные радители лучшей жизни сумели-таки выразить собственное понимание главного. Другими словами, строители новой жизни как бы нарисовали всем нам образ будущего человечества. Что он такое и почему, собственно, стал возможен? Для начала пристально взглянем на него.

**Моральный кодекс
строителя коммунизма**

1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.

2. *Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.*

3. *Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.*

4. *Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.*

5. *Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.*

6. *Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.*

7. *Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.*

8. *Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.*

9. *Непримиримость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.*

10. *Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.*

11. *Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.*

12. *Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.*

Что же мы видим в приведенном выше уже вполне легендарном перечне? В нем наряду со странными идеями типа «преданность делу коммунизма» присутствуют ясные и практически неоспоримые суждения: «каждый за всех, все за одного». Кроме того, следует отметить еще два момента. Во-первых, сам факт формулирования настоящего кодекса на государственном уровне абсолютно уникален в истории. Во-вторых, он содержит в себе и своего, если хотите, бога. Какого же именно? В этой роли в данном случае выступает само понятие коммунизма. Именно оно выступает в роли смелой альтернативы давно известному светскому богу — деньгам. Теперь рассмотрим иную позицию — позицию религиозную, или церковную. Она содержит в себе также своего рода спасительный манифест — *заповеди Моисея*, полученные им лично из рук Господа Вседержителя. Взглянем и на них также.

Заповеди Моисея

1. *Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.*

2. *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.*

3. *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.*

4. *Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осёл твой, ни всякий] скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и всё, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.*

5. *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе.*

6. *Не убивай.*

7. *Не прелюбодействуй.*

8. *Не кради.*

9. *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.*

10. *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего.*

А кроме того, дополним указанный выше перечень еще двумя известными из Нового завета наиглавнейшими заповедями, а именно:

Евангелие от Матфея, глава 22, стихи 37—40: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

Что же смущает в предложенном списке современного человека? А например, запрет на пожелание чужого раба (рабыни). Разве Богу когда-либо могло быть угодно рабство среди людей? И потом, некоторые положения, скажем такое: «чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле» разве не выглядят *отчетливо меркантильно*? Или очевидное несходство явно устрашающего духа бога Моисея и духа милости и прощения Иисуса Христа разве также не вызывает у всякого думающего лица уместные вопросы?

Ну а теперь в самую пору, как говорится, и поспорить. Кому и с кем? А светским гуманистам и, скажем, людям набожным. То есть мы имеем, как ни поворачивай, два отдельных понимания морали. Первое из них связано с сугубо земным представлением, что само понятие *добра* есть человеческое изобретение. Второе же состоит в том, что человек лишь однажды усвоил через акт Божьего откровения суть оно-го. Если первые утверждают, что *принципы морали лишь выгодны человеку*, то вторые твердят, что мораль и выгода не совместны в принципе. Иначе говоря, мораль не несет в себе смысла универсального удобства, наоборот, ее подлинное торжество *полностью* устраняет из жизни людей сам смысл выгоды как явно избыточный и изрядно *отравляющий* бытие каждого человека. Ныне место носителей морали строителя коммунизма весьма шумно и срамно пытаются занимать носители так называемой *разумной морали* или *морали свободного человека*, которая в своей сути пошло и банально сводится к обладанию индивидуумом большими деньгами и к обладанию же

весьма заметным влиянием на себе подобных. Последняя точка зрения ярко представлена работами Алисы Розенбаум (литературный псевдоним Айн Рэнд) в скандально известном романе «Атлант расправил плечи» и не менее позорной книгой «Свобода от равенства и братства. Моральный кодекс строителя капитализма» нагловатого и хамоватого российского автора Александра Никонова. Впрочем, все это уже из ряда относительно современных иллюстраций к философии Ф. Ницше, которая давным-давно свелась к вопросу о власти, а точнее, к вопросу о господстве одаренных природой личностей над остальными людьми как самому что ни на есть ключевому и насущному. Сам же сформулированный выше вопрос оказался паллиативом, или он оказался логически слабым, а значит, и неполным ответом на давно очевидный и уже сильно застарелый *острый дефицит серьезного и ответственного понимания смысла человеческой жизни*. Обобщая изложенное выше, следует отметить, что если кто и может спорить о роли морали в судьбах человечества, так это лишь коммунисты и верующие в Бога люди. Кстати, первым ныне уже не приходится провозглашать свои идеалы, как бывало ранее, совсем уж безоговорочно. Или ныне торжествующий культ потребления ради самого этого потребления заметно ослабляет привлекательность коммунистической идеи, внутри которой, как ни поворачивай, многое сводилось именно к нему. Тогда как мораль или высокая нравственность *никогда* не зависели от масштабов материальных благ, находящихся в распоряжении человека. Поэтому-то и случился в СССР «1991 год» как год воздаяния за когда-то не понятое коммунистами подлинное существо человеческой жизни. Но в таком случае и выходит, что законы и им подобные фигуры вполне правы, фактически отрицая мораль как таковую и замещаая ее смыслом господства маленьких уродливых божков из числа одержимых человеческих особей. В результате и получается ровно

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

то, что мораль в самой своей основе может исходить только от Бога и ни от кого более. Все иное же есть псевдомораль, или мораль убогих представителей рода человеческого, делящая всех людей на своих и всех прочих.

Но как быть редакции журнала? Что же предложить взамен отринутого как спорного и противоречивого? В качестве собственного видения морально-го вопроса коллектив редакции осмеливается предложить на суд своей аудитории в качестве приложения к настоящему тексту фрагмент книги А. Миронова «Прямая речь Иисуса Христа: смысло-логический анализ» (СПб.: Алетейя, 2005). Что позволяет идти на этот шаг? А хотя бы то понимание, что внутри русского опыта как целого неизбыточно присутствует *чувство вины*, которое и позволяет надеяться на лучшее будущее и самого русского человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(фрагмент книги А. Миронова
«Прямая речь Иисуса Христа:
смысло-логический анализ». СПб.:
Алетейя, 2005):

Свод принципов и установлений праведной жизни

*Лишь знание, а не осведомленность
доподлинно способствует пути
на Небо*

Руководствуясь использованными в настоящей книге принципами, автор посчитал возможным предложить вниманию своих читателей личный опыт прочтения евангельских заповедей с целью лучшего уяснения хорошо известных текстов.

Предлагаемый свод принципов и установлений, по мнению автора книги, в целом не противоречит содержанию известных евангельских

заповедей, а лишь делает их содержание более ясным и понятным и позволяет пытливым читателям задуматься о происходящем «здесь и сейчас». Представленные формулы имеют мнемонический характер для лучшего запоминания и усвоения, с точки зрения автора, наиболее важных и значимых положений христианского учения.

Для удобства читателя они располагаются сразу за приведёнными евангельскими текстами.

Евангелие от Матфея (глава 4, стих 4):

«написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

[не хлебом одним будет жить человек, но прежде всего словом, исходящим из уст Божиих].

Евангелие от Матфея (глава 5, стихи 11—12):

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

[только смиренно претерпевая неправедное, лично адресованное человеку, он способен подняться на Небо].

Евангелие от Матфея (глава 5, стихи 23—24):

«Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя; Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда прийди и принеси дар твой».

[от любви должно быть желание, а не от стремления к выгоде или пользе].

Евангелие от Матфея (глава 5, стихи 27—28):

«Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём».

[для различения замысла достаточно его самого, ибо он уже содержит присущую ему особенность и вполне характеризует собою своего носителя].

Евангелие от Матфея (глава 5, стихи 33—37):

«Ещё слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великаго Царя. Ни головою твою не клянись, потому что не сможешь ни одного волоса сделать белым или чёрным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукаваго».

[вместо клятвы говорите «да» или «нет», иное — от лукаваго].

Евангелие от Матфея (глава 5, стихи 38—42):

«Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую; И кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся».

[за правду, творимую тобою, будь готов сносить удары ею уличённых; просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся].

Евангелие от Матфея (глава 5, стих 44):

«Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

[любите врагов ваших и молитесь за обижающих и гонящих вас].

Евангелие от Матфея (глава 6, стихи 1—4):

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтоб видели

вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небеснаго. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая; Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

[когда творишь милостыню, не вздумай чаять благо себе за то].

Евангелие от Матфея (глава 6, стихи 5—8):

«И, когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишняго, как язычники; ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него».

[просите не земное, но просите разумения и помощи для небесного спасения вашего, остальное — дано будет вам].

Евангелие от Матфея (глава 6, стихи 19—21):

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают, и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают, и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

[что есть сокровище ваше, такова и суть ваша].

Евангелие от Матфея (глава 6, стих 24):

«Никто не может служить двум господам; ибо или одного будет ненави-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

деть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне».

[никто не может равно служить разному].

Евангелие от Матфея (глава 6, стихи 25—34):

«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает; кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? Потому что всего этого ищут язычники; и потому что Отец ваш небесный знает, что вы имете нужду во всём этом. Ищите же прежде царствия Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне. Ибо завтрашний день сам будет заботиться о своём. Довольно для каждого дня своей заботы».

[различайте, что думаете, и сообразуйте сие с праведным].

Евангелие от Матфея (глава 7, стихи 1—2):

«Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

Евангелие от Иоанна (глава 7, стих 24):

«Не судите по наружности, но судите судом праведным».

[всякий суда достоин и каждый судим праведно будет].

Евангелие от Матфея (глава 7, стихи 3—5):

«И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

[принимай критику как назидание всегда с благодарностью].

Евангелие от Матфея (глава 7, стих 6):

«Не давайте святыни псам, и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

[дабы не пожинать глупое, всегда говорите и делайте к месту подходящее].

Евангелие от Матфея (глава 7, стихи 7—11):

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И, когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благия давать детям вашим; тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него».

[нужда напрасно не бывает].

Евангелие от Матфея (глава 7, стих 12):

«Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».

[ваше поведение к вам возвратится или воздаяние как за содеянное, так и за не содеянное всегда соразмерно].

Евангелие от Матфея (глава 7, стихи 13—14):

«Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут

ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

[только напряжённое и созидательное бодрствование для человека уместно].

Евангелие от Матфея (глава 7, стихи 15—20):

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые: а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их».

[и по речам их узнаете их].

Евангелие от Матфея (глава 9, стихи 12—13):

«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию».

[в милости нашей, а не в жертве — спасение души нашей].

Евангелие от Матфея (глава 9, стихи 16—17):

«И никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленной ткани; ибо вновь пришитое отдерёт от старого, и дыра будет ещё хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают. Но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое».

[всему тленному своё время и своё окружение].

Евангелие от Матфея (глава 10, стих 26):

«...Итак, не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано».

[нет ничего тайного, что не было бы узвано, и нет скрывающего что-либо, сраму не получающего].

Евангелие от Матфея (глава 10, стих 28):

«И не бойтесь убивающих тело, души не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне».

[страх Божий человека доподлинно учит].

Евангелие от Матфея (глава 10, стихи 29 — 31):

«Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадёт на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц».

[всё в руках Божьих и на всё воля Господня].

Евангелие от Матфея (глава 10, стихи 32—33):

«Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным. А кто отречётся от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным».

[нетерпимый и злопамятный праведником не является].

Евангелие от Матфея (глава 12, стихи 34—35):

«Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое».

[в святого не обрядишься].

Евангелие от Матфея (глава 12, стихи 36—37):

«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

Изложенное выше принимается автором целиком.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Евангелие от Матфея (глава 12, стихи 39—45):

«...род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи; так и Сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи. Ниневитяне возстанут на суд с родом сим, и осудят его: ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы. Царица южная возстанет на суд с родом сим, и осудит его; ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона. Когда нечистый дух выйдет из человека; то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел; и, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идёт, и берёт с собою семь других духов злейших себя, и вошедши, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом».

[изгнание кого-либо лишь укрепляет его влияние на остающихся].

Евангелие от Матфея (глава 13, стих 57):

«...не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём».

Изложенное выше принимается автором целиком.

Евангелие от Матфея (глава 14, стихи 27, 31):

«...ободритесь; это Я, не бойтесь... маловерный! зачем ты усумнился?»

[если веришь — делай!]

Евангелие от Матфея (глава 15, стих 11):

«Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека».

Изложенное выше принимается автором целиком.

Евангелие от Матфея (глава 16, стихи 13, 15, 17—19):

«...за кого люди почитают Меня, Сына человеческого?.. а вы за кого

почитаете Меня?.. блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты Пётр, и на сём камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ея. И дам тебе ключи царства небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах».

[что свяжете и разрешите на земле, то свяжется и разрешится на Небе].

Евангелие от Матфея (глава 17, стихи 20—21):

«...по неверию вашему; истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: перейди отсюда туда; и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас...»

[имейте веру в Бога, и насущное дано будет вам].

Евангелие от Матфея (глава 18, стих 19):

«Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле; то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного».

[те из вас двое, которые во всём будут в согласии друг с другом, Бога узрят].

Евангелие от Матфея (глава 19, стихи 17—19, 21, 23—24):

«...что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную; соблюди заповеди... не убивай; не прелюбодействуй; не крадь; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать, и люби ближнего своего, как самого себя... если хочешь быть совершенным; пойди продай имение твоё, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною... истинно говорю вам, что трудно богатому войти в царство небесное... удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство Божие».

[богатство вполне препятствует пути на Небо].

Евангелие от Матфея (глава 20, стихи 25—28):

«...вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою. И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; Так как Сын человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить, и отдать душу Свою для искупления многих».

[господство над волей человека вполне не препятствует пути на Небо].

Евангелие от Матфея (глава 21, стих 13):

«...написано: дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников».

[купля-продажа в храме божьем препятствует богослужению].

Евангелие от Матфея (глава 21, стихи 19, 21—22):

«...да не будет же впредь от тебя плода во век... истинно говорю вам: если будете иметь веру, и не усумнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, будет. И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите».

[молитва праведника Богу угодна].

Евангелие от Матфея (глава 22, стихи 37—40):

«...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

[возлюби Господа Бога твоего всем разумением твоим, и всею душою твоею, и всем сердцем твоим].

Евангелие от Марка (глава 1, стих 15):

«...исполнилось время, и приблизилось царствие Божие; покайтесь, и веруйте в Евангелие».

[покаяние как «перемена ума» в прощении не нуждается].

Евангелие от Марка (глава 3, стихи 33—35):

«...кто мать Моя и братья Мои? ...вот, мать Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Божию; тот Мне брат, и сестра, и мать».

[подлинное родство есть родство душ, сообщаемое единоверием].

Евангелие от Марка (глава 4, стихи 24—25):

«...замечайте, что слышите. Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам, и прибавлено будет вам слушающим. Ибо кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет».

[мерою всё даётся и мерою же взыскано будет].

Евангелие от Марка (глава 4, стихи 30—32):

«...чему уподобим царствие Божие? или какую притчею изобразим его? Оно как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; А когда посеяно, всходит, и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тению его могут укрываться птицы небесные».

[малое, но твёрдое — рождает великое].

Евангелие от Марка (глава 9, стихи 25, 29):

«...дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него, и впредь не входи в него... сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста».

[молитва и пост от душевного недуга врачуют любого].

Евангелие от Марка (глава 10, 11—12):

«...кто разведётся с женою своею, и женится на другой, тот прелюбодействовал от нея. И если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует».

[развод вне измены прелюбодеяние есть].

Евангелие от Марка (глава 10, стихи 33—34):

«Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын человеческий предан будет первосвященникам и книжникам; и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам; И поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет».

[благая весть: телесная кончина не есть конец человека, а есть лишь его переход в иное бытие].

Евангелие от Марка (глава 12, стихи 43—44):

«...истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все клали от избытка своего; а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание своё».

[величина жертвы определяется лишь величиной части от целого].

Евангелие от Луки (глава 6, стих 40):

«Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его».

[подлинный учитель лишь тот, чей ученик со временем вполне превосходит его].

Евангелие от Луки (глава 8, стих 18):

«Итак наблюдайте, как вы слушаете: ибо кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь».

[обретёте не то, что хотите, но сообразно воспринятому вами].

Евангелие от Луки (глава 9, стихи 18, 20, 23—27):

«...за кого почитает Меня народ?... а вы за кого почитаете Меня?...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережёт её. Ибо что пользы человеку, приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе? Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын человеческий постыдится, когда придёт во славе Своей и Отца, и святых Ангелов».

[принимая кого или что-либо как целое, готовься различать и снимать возможно присущие им противоречия].

Евангелие от Иоанна (глава 8, стихи 29, 31—32):

«Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного; ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно... если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

[стремитесь познать истину, лишь она сделает вас свободными].

Евангелие от Иоанна (глава 13, стихи 13—15):

«Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите; ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам; то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же, что Я сделал вам».

[праведник не гнушается никакой работой, наоборот, с желанием выполняет каждую, как ему самому насущную].

Александр Александрович ФЕТИСОВ

Комментарий редакции. В настоящей рубрике публикуется материал, посвященный удивительному русскому человеку — Александру Александровичу Фетисову (1912 — 1991). Коллектив журнала искренне полагает, что этот человек в свое время оказался в роли непризнанного пророка в нашем Отечестве. Его пронзительное чутье задолго до ныне уже всем известных исторических событий 1991 года вскрыло подлинные причины грядущих потрясений русского мира. Он разглядел порочное в советской культуре прямо в самый момент его зарождения и поведал о том своим современникам, как бы предупреждая саму вредную мысль о том, что якобы тогда никто не мог знать разрушительных последствий подобных тенденций наперед. Рассказ об этом честном человеке составлен посредством цитирования очерка о нём, а также помещения фрагмента его письма к интеллигенции.

Эра Данилова (Журнал «Коммунист», 1997, № 3)

КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ ОТВЕРГЛИ СТРОИТЕЛИ

Кто-то из публицистов недавно заметил, что и в период застоя, сколько бы его ни охаивать, работа духа в России не прекращалась. Её духовная мощь всего лишь ушла в катакомбы, осев в тайниках, и, как оптимистично предположил публицист, в ближайшее время должна заявить о себе, став достоянием гласности. Замечание верное — созиданием Россия не оскудела никогда, только вот в тайниках ли такая работа вершится? Скорей наоборот, у всех на виду, при всем, как говорят, честном народе. И вместе с тем плоды этих трудов достоянием гласности не становятся, во всяком случае при жизни созидателей. Как вы думаете, почему?

Лет тридцать назад Москва бушевала против возведения промышленных объектов в зоне Байкала. На одном из собраний в Доме ученых, когда шквал обвинений в адрес проектантов достиг апогея, а предложения со стороны «защитников» Байкала уже граничили с абсурдом (предлагалось в

качестве альтернативы создать на его берегах индустрию отдыха, то есть задушить Байкал потоками фекалий), на трибуне оказался человек, сразу же вызвавший дружное возмущение зала. Он сказал, что проблема Байкала, а также Волги, Каспийского и Аральского морей, равно как и проблема катастрофического загрязнения воздушного бассейна Москвы, — неразрешимы, поскольку это *частные* следствия другой, более *общей* проблемы, на важность которой еще в своё время указывал Маркс, но и поныне никем не решаемой: *проблемы частичного человека*. Перекрывая негодование зала, оратор все-таки закончил свою мысль: *частичный человек не в состоянии управлять современным общественным производством, принявшим планетарный характер*. Он должен обрести цельность, а в перспективе и гармоничность, выработав адекватное мировоззрение и научившись в своих хозяйственных расчетах учитывать весь круговорот организованной материи. *И пока эта задача не осознана, надеяться на чистоту байкальских вод, а заодно и всей окружающей среды, как, впрочем, и на возможность построения коммунистического, то есть Человеческого общества — бесперспективно*. Так что борьбу с экологическими последствиями про-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

изводственных бедствий начинать надо с борьбы за ликвидацию собственной частичности. Коммунизм тогда не был ругательным словом, и Александр Александрович Фетисов (а это он вызвал дружное неприятие зала) объяснял по дороге к метро немногим из заколебавшихся «борцов», что **это общество цельного Человека**; что у общественного производства есть свои объективные законы, оно — **целостность**, а не *сумма отдельных кусочков*, как представляется частичному человеку, который *знает только свой участок* единого общественного производства, заботится об улучшении показателей *своей работы*, *снижает себестоимость на своём* предприятии и **совершенно не думает** (в противном случае он не был бы частичным) **о конечных последствиях всего процесса производства**; что **целостность** в конце концов принудительно пробивает себе дорогу, сводя на нет все «достижения» частичного человека, *не понимающего законов развития целого, обрушиваясь на него слепую силой*. И тогда частичный человек поднимает крик. Раньше он кричал о вредительстве. Сейчас обвиняет министерства, ведомства, Госплан, Академию наук, *но только не самого себя*. **Глубокое невежество в понимании мира в целом** при умении хорошо разбираться в деталях, самодовольство и самоуспокоенность — вот отличительные черты частичного человека, особенно той его разновидности, которую можно называть **«тёмные люди» с высшим образованием**.

Я привела этот довольно давний эпизод не только потому, что в случае с Байкалом Фетисов оказался стопроцентно прав (научная общественность отбушевала, объекты благополучно возведены), что прав он оказался и в характеристике частичного (тот сегодня кричит «караул!», на сей раз обвиняя систему), но и к тому еще, чтоб обратить внимание, как «тёмные люди» с высшим образованием умеют обходить самые главные проблемы современности. Ситуация драматизируется тем, что сейчас повсеместно, в

глобальных масштабах, в Природе, Обществе и Сознании идут, набирая все большую силу, процессы распада. И все ближе черта, за которой нет обратимости. **Человек на планете может не состояться!** Вот о чем буквально кричат работы Фетисова. И каждая из них — это битва. Будь то организация работы речного транспорта, структура современного американского общества, исследование корней современного фашизма, анализ товарно-денежных отношений при социализме или положение в квантовой физике и математике — **это битва за Развитие Человека**.

Фетисов первым в мире, задолго до Печчеи, в работе 1964 года **о простой кооперации** поставил вопрос о Развитии **на научную почву** и, применив системный метод исследования, блестяще разрешил, отработав его вплоть до установления количественной меры. На анализе реального производственного объекта — речного пароходства — он дал ответ на самый злободневный вопрос: как в условиях нашего общества обеспечить наивысшую производительность систем, понимая под системой предприятие, отрасль, экономику в целом или страну.

Раскрыв в системах главное — обмен, Фетисов, в зависимости от характера обмена (как внутри системы, так и вовне), классифицирует протекающие процессы, деля их на восходящие: Расширение, Рост, Развитие, и нисходящие: Разбухание, Расползание и Распад. Чтоб выбиться на путь Развития, системе надо наладить эквивалентный обмен, т. е. сложить отношения Правды, по которым сегодня томится раздираемый антагонизмом мир. Тут, кстати, неразгаданная фраза Маркса «Развитие бывает лишь на собственной основе» обретает конкретный смысл — на основе эквивалентного обмена. Вот почему проблема Развития Печчеи оказалась не по зубам, он, как менеджер, сложился на таких системах, где и «основа собственная», и «Развитие» принципиально исключены, где Расширение и Рост всегда происходят за чей-то счёт. Не по зубам она также и

Третьему миру, неправильно названному развивающимся. Ему встать на основу собственную транснациональные корпорации не позволят по той простой причине, что для них эквивалентный обмен равносителен самоубийству, а удержание «партнеров» в статусе стран-побирушек гарантирует собственное выживание.

Фетисов Развитием овладел. Он выполнил завещание Ленина и перевёл Гегеля на практический язык, на деле доказав, что **диалектика не средство повышения общей интеллигентности, а боевое оружие, дающее возможность оптимально, самой малой кровью, совершить обществу качественный скачок. Цельного человека, — утверждает он, — сложить можно только в системе, и непременно в развивающейся, где «развитие каждого обусловлено развитием всех» и для всех становится очевидным, что самая великая потребность в том и состоит, чтобы максимально проявить свои возможности.**

Задача та поставлена давно, о чем свидетельствует и Евангелие: «блаженнее давать, нежели принимать», «никто не ищи своего, но каждый пользы другого»... Но если сбросить «ветхого

человека», как призывал апостол Павел, чтобы «облечься в нового», в любые времена было не просто, то в наше время (и это доказал в своих трудах Фетисов) **в одиночку не удастся никому.** Спаситься (измениться, а не исчезнуть) — **такая задача в частном порядке сегодня уже не решается.**

Раскидав завалы из догм, нагроможденных за десятилетия тьмой дипломированных обществоведов, Фетисов приходит к необходимости провести в стране народную революцию, суть которой состоит в **обобществлении последнего сектора не обобществлённых производительных сил — научных знаний.** Задачу обобществления науки Фетисов рассматривает как главную предпосылку созидательной части коммунистической революции, совершить которую невозможно, если **народ наукой не вооружён, если наука не стала достоянием всего народа.**

Фетисов ответил на роковые вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?» Но камень, что должен быть положен во главу угла, отвергли строители. Плоды «содеянного» пожинаят ныне все.

Выдержка из письма А. А. Фетисова к интеллигенции

.....

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Не литература, а только печатная бумага.

Д. И. Писарев

В несоответствии состояния художественной литературы требованиям народа нас убеждают как более или менее заметные произведения, так и материалы съездов писателей и, в частности, прошедшего недавно четвёртого съезда. Поскольку наша оценка решительно расходится с общепринятой, мы скажем несколько слов о наших критериях оценки.

Мы не можем сравнивать литературный «урожай» ни с уровнем прошлого года (это тоже низкий «урожай»), ни с так называемым мировым уровнем — это уровень маразма. Здесь нельзя буквально понимать лозунг «Догнать и перегнать!». Перегнать?.. Если говорить о сравнении, то мы ограничимся тремя уровнями. Первое — традиционным, то есть уровнем рус-

ской классической литературы. Второе — уровнем двадцатых — тридцатых годов, периода, когда в стране ещё не господствовал покоритель природы. И третье — тем уровнем, который необходим для победы в развернувшейся борьбе за умы и души людей. Помня об этих критериях оценки, мы не хотим отвлекаться на обсуждение деталей. Естественно, что при таких критериях мы решительно разойдёмся в оценках произведений литературы с главными докладчиками на съезде Марковым и Дудиным. Почти по любому произведению наши оценки будут иные.

Марков высоко оценил «Иду на грозу» Гранина. Мы считаем это произведение «талантливым». *Но здесь и далее под словом «талантливый» мы будем понимать его истинный смысл — денежный: «талант» — значит деньги.*

Так вот, произведение Гранина «Иду на грозу», мы считаем, даёт совершенно искажённое представление о современной науке. Гранин хочет показать представителей современной формальной науки вроде академика Данкевича — «героями нашего времени». Тогда как это всего лишь учёные троглодиты, которые наносят народу, конечно неумышленно, больший вред, нежели все пьяницы, рвачи, хулиганы и их поступки, вместе взятые. Современный учёный — вовсе не творец, как думает и изображает Гранин, и тем более не созидатель, а узкий специалист по косвенному пути, в лучшем случае — обыкновенный ремесленник. Наученный к тому же предаваться всё более и более диким абстракциям и доказывать неизбежность странного мира. Современный учёный абсолютно лишён возможности и способности заниматься реальным творчеством. А что касается созидания, то он его вовсе не понимает.

Формальная наука — вовсе не такая безобидная вещь, какой кажется, и не передовой край коммунистического строительства, как наивно полагает Гранин. Подобно всем учёным,

Гранин спутал умение учёных рассуждать с умением правильно мыслить — а это две совершенно разные вещи. Ленин ещё 60 лет назад писал, что физика [...] родит диалектический материализм. Физика не только не родила эту единую диалектику, но и не осознала эту задачу. Книга Гранина, написанная с самой благой целью, объективно оказалась вредной, препятствующей преодолению самого дикого и нелепого предрассудка современности, внушение массам почтения перед шаманами формальной науки. Мы говорим здесь не о науке вообще, как будут считать наши оппоненты, а именно о старой формальной науке, задающей тон во всех академиях мира.

Мы совсем иначе относимся к новой диалектической, системной науке, но этой новой науки нет ещё у данкевичей и нет у граниных. И эти недостаточные знания свойственны почти всем другим произведениям более-менее социального плана. Гранин ошибочно наделяет отрицательных персонажей осознанностью своих действий. В итоге получается, что академик Денисов и другие отрицательные персонажи представляют собой сознательных прохиндеев и врагов советской власти. Между тем в действительности прохиндей в наших условиях — это прохиндей поневоле. Это в принципе честный человек, оставшийся в прохиндях из-за неясности пути, из-за того, что в науке, как и во всей стране, не был создан ленинский порядок «некуда деться и некуда уклониться». Одним словом, из-за старого мировоззрения интеллигенции. Но Денисов также мало в этом виноват, как и сам Гранин, которому, как это видно из его произведений, не довелось встретить в своей жизни ленинцев.

Также мало можно согласиться с оценкой Марковым образов хозяйственных и партийных руководителей — Валуева, Денисова, Артамонова, Литвинова и других. Борис Полевой, сталкивая на «диком берегу» честного

коммуниста, руководителя стройки крупных гидроэлектростанций Литвинова, с проходимцем и интриганом Путиным, пусть ему даже специально человечность вычищена. Симпатия автора и критики целиком на стороне Литвинова, строителя с большим стажем, успевшего оставить уже не один «шрамчик» на карте страны. Мы уверены, что совсем недалеко время, когда Борису Полевому придётся краснеть за выбор героя своего романа. Народ уже осознаёт ненормальный характер методов строительства, уродующего не «шрамчиками», а глубокими и незаживающими ранами облик нашей страны. Очень скоро этих героев будут выводить на Лобное место на Красной площади и всенародно жаловать парой розог за каждый оставленный ими «шрамчик»... Певец старого мировоззрения Борис Полевой делает положительным персонажем «честного коммуниста», а в действительности духовного кастрата Литвинова, который по «честному» невежеству наносит стране больше вреда, чем легион проходимцев Путиных.

Несколько слов о жизни героя повести Можая — Фёдора Кузькина, так не понравившегося Маркову. Недостаток этой повести, рассказывающей о тяжёлой жизни колхозников в пятидесятые годы и о том, как русский мужик Кузькин, живой носитель народного характера (недаром прозванный «Живым»), находит выход из самых безвыходных положений, Марков видит в традиционном характере повествования. Марков забыл известное высказывание, кажется Чернышевского, о том, что какие бы смешные, нелепые ситуации ни выдумывала обличительная литература, в жизни всё-таки обязательно возникнут моменты, превосходящие по своей нелепости любые фантазии литераторов. Нет, недостатки повести Можая совсем в другом: в непонимании им самим и его героями характера советской власти. Фёдор Кузькин — это демобилизованный Василий Тёркин, только не на

том, а на этом свете. Это мужик, прошедший школу войны, твёрдо знающий, что есть на свете советская власть, правда и умеющий пользоваться этой властью, находить её для защиты своих интересов от притеснений масляковых и виденковых. Но у Можая это умеет только Кузькин, а дед Филат, Митька Губанов и вообще тракторное отделение не умеют. Кузькин завоёвывает советскую власть не в октябре 17 года, а ежедневно. А другие, притесняемые, — молча сносят притеснения.

Почему же Можая и большинство его персонажей не понимают подлинно народного характера советской власти? Мы не знакомы лично с Можаявым, поэтому можем на этот вопрос ответить лишь предположительно — лишь на основе авторского отношения к своим героям. Истина, видимо, в том, что Можая не знает русского человека и той крестьянской общины, где он складывается, не понимает того, что советская власть — развитие и распространение власти мира, отношения общины на всю страну в условиях, когда гнёт эксплуататоров над народом ликвидируется. Можая не понял этого, а потому он спутал смыслы. Он полностью сходится со своим критиком Марковым [в смешении] проведенной у нас коллективизации сельского хозяйства с ленинским планом кооперирования всей России. Но это беда не одного Можая. Уже наступает время, когда и эта путаница будет понята, безвозвратно уйдёт в прошлое. А ленинская идея кооперирования всей России найдёт себе полное, правильное осуществление.

Зацепки для прохиндеев. По Можаяву, матюковы и губенковы — это хитрые агенты американского империализма, хитростью проникшие на высокие должности, чтобы развалить колхозы Степановского района. Нет, они не злые и не сознательные враги советской власти, которые лидируют в передовых колхозах своего района ради сохранения личных выгод и привилегий.

Они — такие же жертвы непонимания, невежества в вопросах кооперирования, как и сами Можаяев и Марков.

Два слова о Солженицыне. И художественные произведения, и письмо к съезду незримо витают в некоторой части нашей литературы. Мы высоко ценим редкий художественный дар — не талант, а дар — Солженицына и сожалеем о его неудачной односторонней направленности. Солженицын, пожалуй, последний «классик» литературы эпохи покорителя природы и человека. Мы убеждены в том, что образы Ивана Денисовича Шухова, бабки Матрёны и лейтенанта Зотова будут изучаться в школах, как сейчас изучаются образы Онегина и Давыдова. Но в то же время мы утверждаем, что этими образами вообще замыкается ряд художественных типов, выработанных русской литературой. В ней прошли дворяне, прошли разночинцы, прошли крестьяне и рабочие дореволюционной России, прошли рабочие и крестьяне периода индустриализации и коллективизации, прошли воины-защитники и даже воины-освободители. Все эти люди могли быть героями жизни и героями литературы в прошлом. Но сегодняшний частичный человек героем быть не может. Он может теперь стать типом для патологии, но не для литературы как для человековедения. Поиски героев современности в сфере деятельности частичного человека, который работает, но не трудится, страдает, но не созидает, знает, но не понимает, могут быть такими же сложными, как изобретение вечного двигателя.

Но о Солженицыне нельзя писать только как о художнике. Что касается высказанного им требования уничтожения цензуры, предоставления писателям полной свободы творчества и права высказывать «опережающие суждения о нравственной жизни человека и общества, по-своему видеть наши социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко пострадавший в нашей стране, назревшую на-

родную мысль, могущую своевременно и целительно повлиять на развитие общественного сознания...» Одному из авторов настоящего письма уже пришлось подробно отвечать на эти требования Солженицына. Здесь же мы ограничимся кратким замечанием. Требования Солженицына несостоятельны потому, что в истории советской литературы не было ещё случая, чтобы в художественном произведении было высказано «опережающее» жизнь суждение. Таких произведений в целом мире запрещать не приходилось по той простой причине, что их просто не было. Значит, цензура направлена вовсе не против произведений с «опережающими» суждениями, а против произведений, которые, по видимому, тянут нас назад или вбок, во всяком случае, «не туда». Примеры же, которые приводит Солженицын, бьют его самого и только подтверждают нашу точку зрения. Солженицын пишет, что были писатели двадцатых годов — Пермяк, Мандельштам и писатели послевоенных лет, — сам Солженицын, которые указывали на зарождение культа или критиковали Сталина. Однако их заглушили, вместо того чтобы к ним прислушаться. Но это полное непонимание и искажение истории в сравнении с действительностью.

Действительно, в двадцатые годы Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие вели в партии, а мандельштамы и пермяки — в литературе борьбу против Сталина. Но мы совершенно определённо утверждаем, что если бы Троцкому, Зиновьеву, Каменеву удалось всё-таки выжить и отстранить Сталина от руководства партией и страной, советская власть в нашей стране, все завоевания Октябрьской революции были бы полностью утрачены. Это не означает, что Иосиф Виссарионович Сталин нашёл кратчайший путь к коммунизму — вовсе нет. Сталин как раз этого кратчайшего пути не знал. Но он и не предлагал, как это делали Троцкий, Бухарин, идти назад, к капитализму. Тогда в руководстве нашей партии

не нашлось человека, который прописал бы ясное понимание коммунизма, прежде всего с учётом особенностей многоукладной старой России, как это делал Ленин. Иосиф Виссарионович Сталин лучше других понимал идеи Ленина, но он понимал их не до конца. Поэтому у него были и ошибки, но это совсем не те ошибки, которые приписывала ему интеллигенция [...] и даже партийный обыватель — создатель культа. Не Сталин создал культ личности, не Сталин организовал массовые репрессии, и не Сталин был виноват в неудачном начале Великой Отечественной войны. За всё это должны нести ответственность люди, воплощавшие в чистом виде старое отжившее мировоззрение. Люди, которых много особенно среди интеллигенции по сей день.

Правда о Сталине ещё не высказана нашему народу. Вместо неё преподносили две полуправды. Одна — розовая, теми, кто раздувал культ Сталина, а раздувал культ Сталина не народ, а сама интеллигенция. Другая — чёрная, теми, кто «разоблачал» этот культ, обливал помоями себя и весь героический путь нашего народа — это также вина интеллигенции.

Наша речь не о Сталине, а о творениях Солженицына. Иосиф Виссарионович был умный человек, мудрый человек, но он не был до конца диалектиком, таким как Ленин. И потому не понимал до конца коммунизма. Спрашивается: за это ли критиковали его пермяки и мандельштамы? Если за это и если они при этом предлагали новое, более правильное понимание, то мы готовы поставить им памятники за войну против цензуры и за сегодняшние произведения. Если же не за это, если они не предлагали более правильного понимания, то мы должны отнести их к самым обыкновенным дезорганизаторам и болтунам, каких много и по сей день, и признать полезность цензуры, не позволяющей их болтовне и дезорганизаторским действиям распространяться в массах.

Возьмётся ли Солженицын утверждать, что пермяки и мандельштамы выработали тогда более высокое понимание коммунизма, чем то, которое было у Сталина? А если не возьмётся, то какова же цена его требованиям свободы печати для них? Мы советуем всем приверженцам свободы печати внимательно вдуматься в смысл того высказывания Чернышевского о господах просвещателях публики, которое мы выбрали в качестве эпиграфа. Наша публика, особенно образованная, интеллигентная, в вопросах понимания находится сейчас в состоянии полупомешательства. Поэтому давать свободу новоявленным господам-просвещателям, могущим создавать лишь только чепуху, может лишь тот, кому наплевать на весь народ и завоевания Октябрьской революции. Мы, во всяком случае, никогда не согласимся на такую свободу, но мы стоим за полную свободу слова и печати при условии свободы критики высказываемого и печатаемого просвещателями, со стороны людей, понимающих [...] ленинцев, обладающих правильным мировоззрением.

Цензура над художественной литературой существует у нас только по вине самих писателей, не усвоивших нового понимания и мировоззрения и лишь отчасти по вине цензоров, также не владеющих новым пониманием и мировоззрением. Будь новое понимание и мировоззрение хотя бы у цензоров, любую дичь господ просвещателей можно было бы печатать, но с разбором её с правильных позиций в предисловиях или послесловиях, как это делается, но неудачно, при издании произведений буржуазных авторов.

Мы предвидим благородное негодование Марковых, Дудиных и иже с ними писателей, а быть может, даже и цензоров: [как это так], разве мы не обладаем правильным марксистско-ленинским мировоззрением и не требуем того, чтобы каждый писатель вооружился этим единственно правиль-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ным мировоззрением? Вот в том-то и дело, — ответим мы, — что вы ничего не понимаете в происходящих в мире событиях. «Марксистским» пониманием, быть может, вы и обладаете, а вот ленинским пониманием и мировоззрением вы не обладаете. На самом деле есть только одно подлинно научное мировоззрение — ленинское, основанное на разуме и отношениях правды и справедливости. И ему противостоит сейчас прежде всего «марксистское» мировоззрение, основанное на рассудке и отношениях экономизма. Пока понимание последнего положения отсутствовало, можно было проповедовать эклектической нищенской похлёбкой — «марксистским» мировоззрением. А в области культуры могли подвизаться эклектики, дезорганизаторы, формалисты — но все разные непорядочные, неприличные существа. Но когда в этот вопрос сама жизнь вносит ясность, хаос начинает исчезать. Любители ловить рыбу в мутной воде вскоре могут остаться не у дел, потому что и Марков, и Дудин и вообще каждый человек должен уметь видеть, за кого он — за Ленина, разум, правду, справедливость и народ или за «маркса», за рассудок и только за экономизм. [...]

Теперь несколько слов о Шолохове — его рассказе «Судьба человека», появление которого, по мнению Маркова, имело принципиальное значение для нашей литературы. Мы, авторы настоящего письма, — все поклонники литературного таланта Шолохова и считаем рассказ «Судьба человека» произведением высокохудожественным. Что же касается принципиального значения этого рассказа, то мы видим его в совсем ином свете, чем видит Марков.

При всём нашем уважении к Шолохову и к тем, кто подобно Андрею Соколову ценой безмерных жертв и страданий отстоял нашу Родину, мы всё же утверждаем, что Соколов — полный хозяин театра семейной жиз-

ни и песчинка жизни общественной, забрасываемого ураганами невиданной силы, истинное происхождение которых ему неизвестно и на которые он, кроме как честным исполнением своего рабочего и солдатского дела, повлиять никак не может. Это храбрый и сильный духом винтик несравненно глубже и более сильный духом человек, нежели интеллигентный индивид, стоящий по своим нравственным качествам неизмеримо выше, но не обладающий правильным пониманием мира и в этом отношении далеко уступающий не только Давыдову или Нагульнову, но и Майданникову или Шалому. Здесь и весь сегодняшний Шолохов совсем не то, что ранний Шолохов, не только в смысле техники и художественных средств, но и в отношении понимания и мировоззрения. Вторая книга «Поднятой целины» связана с первой только формальным единством персонажей, времени и места действия. По существу, это два разных произведения, совсем по-разному смотрящих на мир. Безнадёжно устарелые жизненные и литературные позиции Шолохова проявились и в его речи на съезде писателей, во взглядах на молодую смену, на судьбы романов и на судьбы писателей. Это была речь Нобелевского, а не Ленинского лауреата.

Да простят нам ещё одно отклонение от хода повествования. Но мы скажем несколько слов о ленинских и нобелевских премиях. Мы не станем выносить на [обсуждение] правильность присуждения ленинских премий тем или иным деятелям культуры, ни о том, что поступил более правильно французский беспартийный писатель экзистенциалист Сартр, отказавшись от присуждения ему нобелевской премии и чтений, или советский писатель коммунист Шолохов, принявший её. Но об одном здесь нельзя не сказать — это кощунственное отношение многих деятелей нашей культуры к памяти Ленина, выразившиеся в бездумном и легкомысленном присуждении ленинских

премий. На наш взгляд, пусть их осыпают деньгами и медалями, почётными титулами и нобелевскими премиями. Но ленинская премия должна быть премией НАРОДА — награды, неизмеримо более высокой, чем Нобелевская премия и даже Государственная премия, и требования к произведениям, удостоиваемых её, — несравненно более высокими и принципиальными.

Размеры настоящего письма не позволяют нам разобрать произведения Федина, Симонова, Германа и других, охотных Марковым [...], а также са-

мого Маркова. Просто отметим, что эти произведения при всей их художественной силе и жизненной достоверности с некоторого бока напоминание смысла о численности ленинцев. Не можем мы по той же причине разобрать творчество великого русского писателя Паустовского — всеми признаваемого, но никем ещё не понимаемого. Отметим лишь, что уже сегодня вступает в жизнь поколение, которое поймёт и оценит в Паустовском его беззаветное сердце и самое главное — обращение к русскому народу.

ПОРА ПОНЯТЬ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ

Под этим письмом находится мало подписей. Не в подписях и не в количестве их сегодняшний вопрос. Принципиальный вопрос — а все народные вопросы принципиальные — не решается большинством голосов и социологическими обследованиями. Надо браться за голову — и в этом вопросе надо рассчитывать скорее на лириков, нежели на физиков. Этим, к слову сказать, лирики всегда отличались от физиков — прежде всего головой.

Народное начало неискоренимо. Да и надо ли его искоренять, как о том толкуют, хлопчут и мечтают сегодня все интеллектуалы-абстракционисты? В какой бы форме они ни выступали — обыкновенных интеллигентов, пролетарских интернационалистов или фашиствующих расистов. В вопросе народов все они сходятся единодушно. Нельзя ни на минуту забывать, что народ и народное начало в мире сегодня портится и уничтожается совокупными усилиями антинародного элемента.

История человечества — это не история борьбы абстрактных классов, как о том утверждали Карл Маркс и Фридрих Энгельс, а история борьбы конкретных народов с конкретными

антинародными элементами. У нас в России антинародным элементом в прошлом были все те, кто не имел собственного дела в системе «народ». Это — бояре, помещики, капиталисты, купцы, большой слой чиновничества, огромный слой изгоев и та интеллигенция, которая не понимала своего народа. После революции были изгнаны бояре, помещики, капиталисты, купцы, значительный слой чиновников, но осталась интеллигенция и изрядный слой изгоев. Мы всё надеялись, что интеллигенция станет народной, а изгой постепенно перевоспитаются. Но этого не случилось. Интеллигенция осталась непонимающей своего народа, а подавляющее большинство изгоев влилось в ряды интеллигенции.

Сегодня интеллигенция является главным препятствием на пути народа. Она мешает ему стать на путь развития. Весь мир, затаив дыхание, ждёт от нашего народа решения, в том числе, и собственных судеб. Китай, если вдуматься, взывает о помощи, ибо он уже не может самостоятельно выбраться из того мировоззренческого исторического тупика, в котором он оказался. То же самое происходит с английскими народами.

Недавно «Таймс» посвятила целый номер России с призывом «Помогите!». То же самое происходит с германским народом, с итальянским народом, с французским народом, с еврейским народом и многими другими народами мира. То же самое происходит с народами стран социализма. Они ждут решения мировоззренческого вопроса от России. И, наконец, народы Советского Союза. Они тоже ждут, ждут и надеются.

А глупая интеллигенция твердит, как пригостишка заученный урок: создание материально-технической базы, творчество масс, героический труд, перерастание социализма в коммунизм, процесс гигантской сложности, важности, длительности, ну и в этом роде. Не пора ли понять, что дело не в материально-технической базе, она давно уже создана для того, чтобы научиться и для того чтобы поумнеть. Дело не в творчестве масс — массы только и занимаются тем, что «творят». А что творят — этого никто не знает. Надо же когда-нибудь и творчество самого разума включить в строительство коммунизма. Дело не в «героическом труде». На одном героическом труде, как показывает опыт истории, далеко не уедешь. Надо же когда-нибудь включить и разум, с тем чтобы оплодотворить труд. Дело не в перерастании социализма в коммунизм снизу — это была бы обыкновенная революция. Надо же когда-нибудь перерастание начать и сверху. Требуется революция в умах. И т. д. и т. п.

Если бы спросить: «В чём загвоздка эпохи?», мы на этот вопрос ответили бы в двух словах: «Система рождает разум, но неизвестно, сможет ли она его родить». Система — это человеческое общество. Но ростки интеллигенции вовсе не понимают, что такое разум, а если и понимают, то полагают, что выдавить его можно только снизу и самой системой. А того не понимают, что разум должен воз-

никнуть одновременно и сверху. Система в своём растительном, то есть эволюционном развитии, достигла потолка. Сама она далее уже ничего сделать не может. Перед ней сегодня выбор: либо разрушиться, либо пойти по нисходящей и в конечном счёте выродиться. Либо обрести разум. Нет нужды доказывать, что самое лучшее было бы обрести системе разум. Но ей надо в этом деле помочь. Во-первых, надо понять, что такое разум. Во-вторых, надо понять: как его можно обрести. Эта задача давно возникла перед философами. Однако философы, как мы уже отметили выше, были заняты глупостями. Они собирали мудрости, но разумом не занимались и разума не обрели.

Интеллигенция вообще не признаёт существования в природе такого явления, как разум. Она его сводит либо к интеллекту, либо к эрудиции. И только в народе, и особенно у нашего народа, существовало и до сих пор существует понятие «Разум». Наш народ даёт простое определение разума: «это царь в голове». Людей без «царя в голове» наш народ всегда презирал, и он их никогда не считал людьми. Этим наш народ, к слову сказать, отличается от всех других народов.

Разумом впервые занялся Кант. Но он вывел не разум, а всего лишь эрудицию. Кант не смог понять, что есть разум и что за ним скрывается в природе и в народе. Разумом много занимался Гегель. В этом направлении Гегель много сделал. Однако и у Гегеля разум получился вытянутым в длину мировым духом. Гегель не смог до конца понять разум. Карл Маркс и Фридрих Энгельс разумом не занимались. И поэтому нет даже ссылки в их работах на разум. Только в одном месте у Энгельса в «Диалектике природы» есть слабая ссылка на разум — и при этом опять же со слов Гегеля.

Только у В. И. Ленина все работы проникнуты разумом. Он его специ-

ально не выделял, словом «разум» не называл, он его назвал словом «РАБ-КРИН», но этого никто ни тогда, ни теперь не понял, и поэтому РАБ-КРИН, в конечном счёте был сведен только к контролю. Разум — не контроль. Вот этого никто не понял до сих пор.

О возможности существования разума и о том, что разум — объективная реальность, никто из интеллигенции не подозревал, хотя интеллигенция, как казалось, только и была занята «разумной деятельностью». Только А. С. Пушкин, за ним Н. В. Гоголь, за Гоголем — В. Г. Белинский, за Белинским — А. И. Герцен, за Герце-

ном — Н. Г. Чернышевский — вот они последовательно один за другим приходили неуклонно к мысли о разуме. И если не считать славянофилов Хомякова, Данилевского, Леонтьева, то среди русской образованной публики вообще не было никого, кто задумывался бы по-настоящему о существовании и возможности существования разума. Характерная особенность: придя к идее разума, все перечисленные лица неизменно приходили к следующей идее.

На этом мы закончим, вернее прервём, ибо разум тоже должен иметь свои секреты. Небольшие. До поры до времени.

ПАКТ МОЛОТОВА — РИББЕНТРОПА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

*(продолжение статьи Вадима Петрова
«На пути к Пакту Молотова — Риббентропа...»,
опубликованной в предыдущем выпуске журнала)*

23 августа 2009 года исполнилось 70 лет со дня подписания договора между СССР и Германией, в литературе более известного под названием Пакт Молотова — Риббентропа. В настоящее время этот пакт является, пожалуй, наиболее демонизированным из всех международных договоров, когда-либо заключенных за всю историю дипломатических отношений человечества. Причины, которые привели к заключению пакта, были столь сложными, что задача их рассмотрения в рамках одной журнальной статьи, даже и весьма объемной, представляется трудно выполнимой.

Ранее нами уже был рассмотрен один из таких аспектов, а именно соотношение потенциалов Рабоче-крестьянской Красной армии и вермахта на различные периоды времени, в том числе применительно к середине 1939 года (Петров В. На пути к Пакту Молотова — Риббентропа. Военное строительство в СССР и Германии // Писатель. XXI век. Выпуск 3. 2009. С. 109—128).

В настоящей статье будут рассмотрены политические обстоятельства, в условиях которых и был заключен пакт.

Можно начать рассмотрение с периода, который непосредственно предшествовал приходу Гитлера к власти. Необходимо напомнить нашим читателям одно из малоизвестных, но тем не менее весьма важных обстоятельств. Первые действия Запада по усилению потенциала Германии начались еще до прихода Гитлера к власти. Так, уже 11 декабря 1932 года, в процессе рабо-

ты конференции по разоружению, со стороны Англии, Франции, Италии и США за Германией были признаны равные права в деле развития вооруженных сил последней (См.: Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85). Это же обстоятельство недвусмысленно отмечает в своей книге и В. В. Веселов: «... все то, что делали лидеры Запада с 1932 года, имело четкую цель — создать сильную агрессивную Германию и направить ее на Восток» (Веселов В. В. Новый антиСуворов. — М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 323).

Например, историками не подвергается сомнению то обстоятельство, что замысел оккупации Чехословакии возник у Гитлера задолго до 1938 года. «Еще в библии нацизма — книге Гитлера “Майн кампф”, написанной в 1925 году, содержались рассуждения о нежизнеспособности Чехословацкой Республики... Чехословакия уже тогда была одним из объектов будущей агрессии. В своих воспоминаниях Герман Раушнинг зафиксировал, что еще в 1932 году Гитлер заявил: “Чешско-моравский бассейн будет колонизирован немецкими крестьянами. Чехов мы переселим в Сибирь...”» (Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 17). Кстати, отсюда же, хотя и в неявной форме, видны планы Гитлера и в отношении СССР. Совершенно понятно, что переселить чехов

«в Сибирь» невозможно без подчинения себе территории Советского Союза вплоть до этой самой Сибири.

Можно встретить и оригинальные взгляды на события, предшествующие пакту, причем происшедшие задолго до 1939 года. Совсем недавно, в августе 2009 года, увидела свет журнальная статья (Максименков Л. Вас примет дуче // Огонек. 2009. № 15. С. 42—45). Ее автор утверждает: «Полет Михаила Кольцова на “Крыльях Советов” к Бенито Муссолини — еще одна неизвестная страница в подготовке советско-германского пакта 70-летней давности». Из текста статьи следует, что полет советского самолета «Крылья Советов» летом 1929 года в ряд европейских столиц, среди которых был и Рим, являлся подготовительным шагом на пути к заключению пакта. Автору вряд ли были известны следующие строки, в которых давалась оценка Гитлеру советскими кругами того времени. «ГИТЛЕР (Hitler), Адольф (р. 1889), вождь герм. фашизма... после ноябрьской революции принял участие в борьбе против баварского пролетариата и в апреле 1920 демобилизовался. В 1919 вступил в основанную 20 лет назад в Мюнхене национал-социалистическую рабочую партию, состоявшую тогда из 6 чел. Г. использовал эти настроения разочарования, подобно Муссолини, которому он, однако, далеко уступает по силе ума, и, спекулируя на направленной против капитализма фразеологии, сдобренной сильным душком антисемитизма, собрал вокруг своего знамени в мелкобуржуазной Баварии довольно значительные массы. В 1921 национал-социалистическая рабочая партия избрала Г. своим первым председателем и “вождем”. Расцвет влияния Г. приходится на 1923, год оккупации Рура и инфляции... Национал-социалистическое движение, утратившее значение для буржуазии, после того как коммунисты осенью 1923 отступили без боя (см. Германия, Компартия), с тех пор пошло сильно на убыль. В нем начались раздоры, и Гитлер перестал играть заметную роль» (Гитлер / Большая Со-

ветская Энциклопедия [1 издание]. Т. 17. — М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1930. Ст. 124—125). О том значении, которое в указанный период руководство СССР придавало фигуре А. Гитлера, может также свидетельствовать следующий факт. Книга «Майн кампф» была выпущена в СССР в количестве 500 экземпляров только в 1935 году. Весь этот тираж как раз и был предназначен только для руководящих работников высшего звена. Очевидно, что перевод этой книги на русский язык был связан с проявившимися к тому времени успехами Германии и необходимостью пристальнее изучить Гитлера. А отношения Муссолини с Германией были весьма прохладными и значительно позднее 1929 года. Достаточно вспомнить позицию Италии в 1934 году, когда Гитлер первый раз попытался присоединить Австрию. Муссолини стал угрожать вторжением 100 тысяч итальянских солдат через Бреннерский перевал и Германия, ввиду явной слабости ее рейхсвера, немедленно отказалась от своих планов. Аншлюс же Австрии был осуществлен после солидной подготовки и усиленного развития германских вооруженных сил только в 1938 году. Поэтому идея выводить начало подготовки к подписанию пакта 23 августа 1939 года от визита самолета «Крылья Советов» в Рим за 10 лет до указанной даты представляется сомнительной. Кроме того, автор статьи прямо указывает маршрут полета: «Москва — Берлин — Париж — Рим — Вена — Варшава — Москва» (с. 43). Отсюда возникает вопрос. Зачем нужно было вести переговоры по «германскому вопросу» с Муссолини в Риме, если можно было провести их прямо в Берлине и прямо с Гитлером? Но возможность таких переговоров с Гитлером представляется крайне сомнительной. Ведь в то время в Германии была сильная коммунистическая партия с ее главой Э. Тельманом. И руководство СССР делало ставку на него, а отнюдь не на тогда еще, в 1929 году, политического неудачника Гитлера, о чем сказано выше. И, наконец, следую-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

шее соображение. В 1929 году никто из действующих европейских политиков еще не мог представить себе такое обвальное нарушение континентального равновесия в пользу Германии, которое сложилось к середине 1939 года.

1933 год

Поворотный пункт мировой истории. 30 января 1933 года. Гитлер приходит к власти. В современной Германии, вполне естественно, не любят вспоминать тот факт, что Гитлер победил на выборах самым что ни на есть демократическим путем. Его политические оппоненты из числа видных немецких политиков питали надежды относительно недолговечности пребывания Гитлера во главе государства. Но их надежды не сбылись. «30 января 1933 года пришел пятый канцлер. Гитлер! Президент, политики надеялись, что горластый трибун продержится пару месяцев, не справится с кризисом. И навсегда уйдет со сцены. Но Гитлер показал им, где раки зимуют» (Черных Е. Как Гитлер выводил Германию из кризиса // Комсомольская правда. Петербург. 1 июля 2009 г. № 96 (96/24319). С. 7). Буквально через три дня после прихода к власти, 3 февраля 1933 года, Гитлером в первой же его речи перед немецким генералитетом была провозглашена программа пересмотра европейских границ (См.: Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 17). Вдохновленные перспективами, открывающимися перед ними в связи с приходом Гитлера к власти, некоторые лица из военной среды подавали прожектерские записки экспансионистского плана, хотя состояние вооруженных сил Германии и было еще достаточно далеким от требований, предъявляемых современной для того периода военной наукой. Но такие документы составлялись явно с прищелом на будущее. Так, уже в мае 1933 года г-н Кнаус, будущий генерал авиации, написал докладную записку, адресованную Герману

Герингу, со следующими взглядами: «Германия — континентальная держава. Исход ведущихся ею войн всегда решается на центральном европейском театре. Ее будущие противники — Франция и Польша в первую очередь, и во вторую — Чехословакия и Бельгия» (Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 17).

А вот какие отношения были в 1933 году между Германией и Советским Союзом. Приведем пример их яркой характеристики в одной из книг современного автора. «Не было встреч на высшем уровне, руководители двух стран не жали друг другу руки, а наоборот, предавали анафеме. За 11 месяцев 1933 года советское посольство в Берлине направило МИДу Германии 217 нот протеста. То есть по 20 нот ежемесячно! За вычетом выходных и праздников советские дипломаты протестовали против чего-нибудь ежедневно!» (Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. — СПб.: Питер, 2008. С. 99). Наглядно видно, что отношения между СССР и Германией в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, следует считать очень и очень плохими. Еще один пример. Полпредство СССР в Германии составило отчет, датированный концом декабря 1933 года и не подлежащий оглашению. Этот отчет 1 января 1934 года подписал полпред Хинчук. Ознакомимся с выдержками из него: «... С июля 1933 г. разворачивается продолжающаяся до сих пор кампания о т. н. “голоде” в СССР. По размаху и широте эта кампания беспрецедентная в истории антисоветских кампаний. В августе развернулась бешеная персональная травля т. Литвинова в связи с его пребыванием в Ройате (Франция)... Рост германских вооружений и трудности экспансии на запад и юго-восток Европы будут толкать Гитлера также на дальнейшее обострение отношений с СССР» (Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 122).

«Не добившись удовлетворения своих требований о довооружении,

Германия покинула конференцию по разоружению и 14 октября 1933 г. вышла из Лиги Наций. Это подтолкнуло Францию продолжить сближение с СССР и привело к началу переговоров о «Восточном пакте» (Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85).

«Англия, безусловно, благоволила фашистскому режиму в Германии. И это несмотря на то, что в 1933 году гитлеровская Германия демонстративно вышла из Лиги Наций, покинула конференцию по разоружению (14 октября 1933 года), начала форсированную подготовку к войне» (Порохов С. Битвы империй: Англия против России. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. С. 255).

1934 год

Уже в начале года стало совершенно понятно, что Германия встала на путь усиления своей армии, хотя формально и оставаясь пока в рамках версальских ограничений. «Январь 1934 г.: СР [военная разведка Франции. — В. Петров] сообщает об ускорении темпов перевооружения Германии» (Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: Т. 1: 1870 — 1939. — М.: ТЕРРА, 1997. С. 468). В ходе своей беседы с Раушнингом, которая состоялась в 1934 году, Гитлер сообщил свое намерение о включении в состав будущей Германии Австрии и Чехословакии. Такие же идеи вынашивались и представителями германской военной среды (См.: Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 17).

Сталин с трибуны XVII съезда ВКП(б) говорил 26 января 1934 года: «Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны» (Цит. по: В Рапопорт и Ю. Алексеев. Изме-

на Родине. Очерки по истории Красной Армии. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1989. С. 413). Очевидно, что эти слова следует считать предупреждением для всех. И для Германии, и для англо-французской стороны.

«Как справедливо отмечал английский историк Ф. Ротштейн, изучивший политику Англии в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, объективно поведение... в ходе секретных переговоров с Германией было, начиная с пакта четырех (1934), твердым продолжением линии Лондона: ориентировка на войну Гитлера с СССР, на занятие Великобританией позиции “третьей радующейся” стороны» (Платонов О. А. Бич божий. Величие и трагедия Сталина. — М.: Изд-во Алгоритм, 2004. С. 98).

«Итогом переговоров о Восточном пакте стало вступление СССР по инициативе Франции в Лигу Наций в сентябре 1934 г. Одновременно в условиях угрозы независимости Австрии летом 1934 г. началось франко-итальянское сближение, завершившееся 7 января 1935 г. соглашением о содействии итальянского руководства в деле противодействия нарушению Германией версальских военных и территориальных ограничений в обмен на признание интересов Италии и Эфиопии» (Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5 — 85).

1935 год

Как относились к СССР ближайшие европейские соседи, можно рассмотреть на примере Э. Рыдз-Смиглы, который 12 мая 1935 года после смерти Пилсудского занял пост главного инспектора, то есть главнокомандующего, сил обороны Польши. «Опасаясь прежде всего агрессии со стороны СССР, Р. занял позицию сотрудничества с Германией и отдал приказ о прекращении разработки оперативных планов на случай войны с ней (вновь

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

работа в этом направлении начата только в янв. 1939).

Считал, что СССР является естественным противником Польши и война с ним — лишь вопрос времени...» (Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне: Союзники СССР. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 458).

Вот описание деятельности известного английского политического деятеля С. Хора. «Вершины своей карьеры он достиг в июне 1935 года, когда Болдуин назначил его министром иностранных дел. В том же году вместе с французским премьером Пьером Лавалем Хор взялся разруливать кризис в связи с итальянским вторжением в Эфиопию. Секретный протокол, известный как пакт Хора — Лавала, закреплял за фашистской Италией две трети территории Эфиопии с перспективой дальнейшей экспансии в Восточной Африке. Обглоданной Эфиопии был милостиво оставлен выход к морю. 19 декабря 1935 года статьи пакта каким-то образом просочились в прессу. Во всем мире они были оценены не иначе, как поощрение итальянской агрессии» (Кук Э. Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина. — М.: Омега, 2007. С. 370—371). И здесь можно увидеть совершенно определенную направленность англо-французской политики.

«В 1935 году Геббельс более тонко сформулировал сущность политики фашизма: “Большевизм — это сатанинский заговор, который мог созреть лишь в мозгу кочевника, а нацистская Германия — это скала, о которую бессильно разобьется азиатско-еврейский поток”» (Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 86). Такая трактовка позиции Германии явно была рассчитана на «понимание» со стороны ведущих западных держав и находилась в русле политики самого Гитлера. Последующие события показали, что эта позиция оказалась выигрышной для Германии.

1 марта 1935 года Саар по итогам плебисцита был передан под юрисдик-

цию Германии, что значительно расширило ее экономическую базу (См.: Мельтюхов М. Главная лож Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5 — 85).

«... во Франции 15 марта были увеличены сроки службы в армии, что дало Германии повод объявить об отказе от военных ограничений Версальского договора. 10 марта 1935 г. в Берлине было официально объявлено о создании ВВС, а 16 марта — о введении всеобщей воинской повинности» (Мельтюхов М. Главная лож Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5 — 85). Заметим, что тут М. Мельтюхов несколько заблуждается. Ведь создание немецких военно-воздушных сил, прямо запрещенных Версальским договором, было осуществлено 10 марта, а увеличение сроков службы в армии Франции произошло только 5 дней спустя, что прямо следует из приведенной цитаты.

«2 мая 1935 года Франция пошла на подписание с СССР договора о взаимопомощи, который, однако, не был дополнен военной конвенцией, что ограничивало его значение. Незавершенность процесса создания франко-советского союза отражала необходимость для Франции сохранить своих союзников в Восточной Европе, которые были, как правило, настроены против возможного союза с СССР. Кроме того, Франция опасалась быть обвиненной в расколе Европы на военно-политические блоки и продолжала диалог с Германией в надежде на урегулирование. В ответ на заключение советско-французского и советско-чехословацкого договора о взаимопомощи Германия 21 мая 1935 года потребовала пересмотра статуса Рейнской области» (Мельтюхов М. Главная лож Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85).

«Англия, заинтересованная в сохранении нормальных отношений с Италией, 23 июня 1935 года в ходе англо-

итальянских переговоров об урегулировании эфиопской проблемы на основе обмена территориями молчаливо согласилась на любые действия Италии в Африке» (Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85). Тем самым поощрялась почти любая агрессивная деятельность Италии с одним пока еще условием «лишь бы не в Европе».

«Советский Союз готовил свои вооруженные силы к войне в контексте общей ситуации в Европе, после 1935 года становившейся все более угрожающей...» (Гланц Д. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 31). Важная оценка ситуации в Европе после 1935 года.

«Сам Гитлер в 1935 году говорил генералу Отту, который отправлялся в Японию в качестве военного атташе Германии, а позже стал послом в Токио, что, по его мнению, японское военное давление на русский Восточный фронт ограничит активность Советского Союза в Европе.

Мы еще увидим, что, стремясь сблизиться с Японией, Гитлер думал не об усилении немецкого влияния на Дальнем Востоке, а о той роли, которую Япония могла бы играть на Европейском континенте. Гитлер уже провел прямую линию между русско-немецкой войной и активной политикой Японии; это была как раз та связь, которая не прослеживалась между планом “Барбаросса” и битвой за Атлантику» (Комптон Дж. Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933—1941. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 170).

1936 год

«Как подметил американский историк Б. Будурович, в июне 1936 г. Польша препятствовала принятию международных санкций против фашистской Италии, захватившей территорию Абиссинии (Эфиопии) именно ввиду того, что последняя, по словам

Ю. Бека, якобы “перестала существовать как государство”» (Суоров В. Ледокол 2. — Мн.: ООО «ФУАинформ», 2005. С. 165). Совсем скоро, в 1939 году, история сыграет с Польшей злую шутку. Ведь СССР, вводя 17 сентября 1939 года свои войска на территорию Польши, воспользуется именно этой мотивацией, как и аналогичной мотивацией Чемберлена, которой последний оправдал введение гитлеровских войск в марте 1939 года на территорию Чехословакии.

Информированные современники, в особенности связанные с дипломатической работой, с тревогой отмечали германские действия. «Германская агрессивность, проявившаяся с особой остротой в испанских событиях и в неслыханной по наглости антисоветской кампании, завершилась декретом об установлении двухлетнего срока военной службы. Этим актом Германия побила все свои прежние рекорды в области вооружений. Около миллиона солдат отныне будет стоять в рядах германской армии» (Письмо Я. З. Сурица Н. Н. Крестинскому 28 августа 1936 г. // Известия ЦК КПСС. № 2 (301). Февраль 1990. С. 212—215).

И в это же самое время правящие круги Англии были вполне лояльны по отношению к Германии. «Несмотря на многочисленные сообщения об ужасах концлагерей, еврейских погромах и арестах среди духовенства, которые не нравились читателям английских газет, к 1936 году в Англии отнюдь не создавалось неприязненной или, тем более, враждебной атмосферы по отношению к Третьей империи. Наоборот, печать старательно избегала всего, что нацисты называли “травлей”» (Путлиц В. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 188).

«Захват Польши нацистская Германия готовила с 1936 года. Но конкретная разработка и принятие стратегического плана вооруженной агрессии, именуемого “Вайс”, относится, согласно данным абвера, к апрелю 1939 года. Его основой должны были явиться

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

внезапность и быстрота действий, а также сосредоточение подавляющего преимущества сил на решающих направлениях» (Операции военной разведки — Мн.: Литература, 1997. С. 31).

«Австро-германское соглашение от 11 июля 1936 г. гарантировало обоюдное невмешательство во внутренние дела и независимость Австрии как “второму германскому государству”. Характерная деталь — стараясь не “сдать” страну Гитлеру, Шушниц в качестве альтернативы готовил решение о реставрации в стране власти Габсбургов. Но англичанам и французам было нужно не восстановление монархии, а усиление Германии. Поэтому решение, предложенное Шушницом, не “пользовалось поддержкой европейских держав”» (Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. — СПб.: Питер, 2008. С. 151).

«Угроза фашизма с каждым месяцем становилась все более реальной и ужасающей. А если учесть отношение мировых и европейских держав к СССР, то обыкновенное бряцанье оружием в данном случае казалось нелепым. В 1936 г. Советский Союз был еще не готов к войне. Как записал в своем дневнике после совещания на военном совете при наркоме обороны комкор Кутяков, “СССР не готов ни политически, ни экономически, нам нужно выиграть хотя бы 3—5 лет”. И это был тот самый весомый аргумент, который вынуждал работать по двум внешнеполитическим направлениям: достижение полноценного военно-политического союза с Францией и Великобританией; восстановление дружеских отношений с Германией» (Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 155—156).

Во второй половине 1936 года Сталин инструктировал маршала Тухачевского перед его поездкой в Лондон. «Рассматривался и запасной вариант действий: маршал должен был расшевелить политические и военные круги Великобритании и Франции, пугая их в случае отказа от соглашения с Со-

ветским Союзом возможностью неожиданного сближения СССР со своим политическим противником, т. е. с Германией. Главная же цель состояла в зондировании настроений этих кругов на предмет нейтрализации направленной против СССР военной активности в Европе. Спокойствие на западных границах Советского Союза в тот период было необходимостью в связи с угрозой войны на Дальнем Востоке. Тогда даже по оценкам НКВД внешнеполитическая обстановка для СССР считалась крайне неблагоприятной. В этом таинственном ведомстве полагали, что в “случае войны с Германией Красная Армия потерпит поражение”, а уж “Германия в союзе с Японией безусловно победят СССР”. По мнению аналитиков НКВД, “Советский Союз со своей Красной Армией не выдержит общего фронта ряда западноевропейских стран, так как соотношение армии и технической базы не в пользу Советского Союза”» (Смыслов О. С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. — М.: Вече, 2007. С. 156).

По мнению И. Н. Кузнецова, именно в 1936 году начался резкий поворот ко Второй мировой войне. «Органы коллективной безопасности были уничтожены. Германия избавилась от всех ограничений, навязанных Версальским договором, и отказалась от тех, которые добровольно приняла на основе договора, заключенного в Локарно. Не сумев защитить от Муссолини Эфиопию, Лига Наций утратила свое значение. Единственным международным соглашением, которое еще что-то значило, был союз между Англией и Францией» (Кузнецов И. Н. Засекреченные трагедии советской истории. Изд. 2-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 60).

Кроме того, еще с весны 1936 года Советским правительством стала допускаться возможность военного конфликта с Финляндией (См.: Кузнецов И. Н. Засекреченные трагедии советской истории. Изд. 2-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 81).

«В условиях охлаждения отношений между Англией, Францией и Италией Германия готовила ремилитаризацию

Рейнской области, используя в качестве предлога предстоящую ратификацию советско-французского договора о взаимопомощи. Поэтому, когда 7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую область, они не встретили отпора со стороны Франции» (Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85).

«Германская авантюра удалась, и Берлин тут же предложил заменить Локарнские договоры новыми соглашениями о ненападении [конец С. 35], втянув Англию и Францию в бесперспективные переговоры. В результате бездействия Франции ее позиции в Европе и системе союзов был нанесен сильнейший удар, усиливший тенденцию “умиротворения” во французской политике» (Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85).

«Следует выделить четыре рубежных события, в результате которых война в Европе стала неизбежной. Традиционно за начало этого процесса берут вторжение итальянской армии в Эфиопию в 1935 году. Действительно, оно сыграло значительную роль в нарастании кризисных тенденций Версальской системы. И все же за исходную точку отсчета кризиса следует, на наш взгляд, принять ремилитаризацию Рейнской области 7 марта 1936 года. Фактически Германия впервые после окончания Первой мировой войны откровенно нарушила границы, закрепленные в Версале...» (Наумов А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 371).

«Следующим катализатором для развития кризиса явилась начинавшаяся в июле 1936 года гражданская война в Испании. Под давлением Лондона Париж был вынужден проводить невыгодную для себя политику невмешательства в испанский конфликт.

В итоге англо-французская линия нанесла серьезный удар по позиции Франции и уничтожила возможность создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе... итало-германская интервенция в гражданскую войну в Испании сыграла решающую роль в формировании блока фашистских держав» (Наумов А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 372).

Напомним, что в Германии уже в 1934 году, по сравнению с предыдущим годом, была вдвое сокращена безработица. В 1936 году ее уже почти полностью ликвидировали (См.: Черных Е. Как Гитлер выводил Германию из кризиса // Комсомольская правда. Петербург. 01 июля 2009 г. № 96 (96/24319). 2009. С. 7). Данное обстоятельство резко расширило экономические возможности подготовки Германии к войне.

«18 ноября 1936 г. Германия и Италия признали правительство Франко и принялись наращивать военную помощь франкистам» (Рубецкий О. В чем смысл Пакта Молотова — Риббентропа / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 99).

«Если Сталин публично не заявлял о своей поддержке республиканцев, то Гитлер боролся против “коммунизма” открыто и демонстративно. Такая политика являлась для него гарантией политической поддержки Западом. Еще 25 ноября 1936 года по инициативе Риббентропа, добившегося согласия Гитлера, Германия и Япония подписали Антикоминтерновский пакт, в котором предусматривалось противостояние Коммунистическому Интернационалу» (Романенко К. К. Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 16). В ноябре 1937 года к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия. Свою подпись под этим документом поставил сам Бенито Муссолини. «И хотя Великобри-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

тания и Франция официально не присоединились к политике этого “мирового треугольника”, их устраивала антисоветская направленность действий участников антикоммунистического соглашения, символизирующая очевидный факт, что Советский Союз оказался в своеобразной изоляции» (Романенко К. К. Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 16).

Не менее тревожно, чем в Европе, складывались дела и на дальневосточных границах Советского Союза. «В 1936 году Германией и Японией был создан “Антикоминтерновский пакт”, направленный против Советского Союза. Этот агрессивный союз, к которому вскоре присоединились ряд государств Европы и Азии, нашел поддержку Британии» (Порохов С. Битвы империй: Англия против России. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб: Астрель-СПб, 2008. С. 261).

По мнению М. Мельтюхова, заключение Германией и Японией антикоминтерновского пакта 25 ноября 1936 года ускорило вследствие открытого заявления СССР о своем союзе с Монгольской народной республикой. Это заявление СССР был вынужден сделать из-за происшедших на монголо-маньчжурской границе осенью 1935 года и весной 1936 года вооруженных столкновений (См.: Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85).

1937 год

Руководство Франции, несмотря на растущую угрозу со стороны Германии, практически оставалось в бездействии. «Обладая серьезным перевесом в силах, Гамелен, между прочим, проигнорировал все предупреждения французской разведки об агрессии Гитлера и не менее успешно саботировал все попытки СССР наладить военное сотрудничество с Францией, в т. ч. и в 1937 г.»

(Мартirosян А. Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. — М.: Вече, 2003. С. 392).

Летом 1937 года военная разведка Франции «СР» сообщила, что численность немецкой армии превзошла численность французской армии (См.: Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: Т. 1: 1870 — 1939. — М.: ТЕРРА, 1997. С. 468).

«22 сентября 1937 г.: нота генерала Ренондо (Второе бюро воздушного флота) об “Экономике и перевооружении” сигнализирует, что “в 1940 году придется ‘платить по счетам’. Как указывает адъютант Геринга, полковник Боденшатц, именно к этому времени будет завершено формирование германских военно-воздушных сил”» (Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: Т. 1: 1870—1939. — М.: ТЕРРА, 1997. С. 469).

И наряду со всеми вышеприведенными данными, нижеприводимые короткие сведения носили вроде бы чисто экономический характер: «В 1937 году фашистская Германия приобрела британских товаров в два раза больше, чем два континента вместе взятые, и в четыре раза больше, чем США» (Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. — СПб.: Питер, 2008. С. 200).

«В ноябре 1937-го свою подпись под этим пактом [антикоминтерновским. — В. Петров] поставил Муссолини. И хотя Великобритания и Франция официально не присоединились к политике этого “мирового треугольника”, их устраивала антисоветская направленность действий участников антикоммунистического соглашения, символизирующая очевидный факт, что Советский Союз оказался в своеобразной изоляции» (Романенко К. К. Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 16).

«Курс Гитлера на подготовку к войне приобрел реальную направленность. И к осени 1937 года результаты перевооружения германской армии уже ни у кого не вызывали сомнений. Правда, впервые о своих намерениях в

завоевании мирового господства Гитлер оповестил генералов вермахта лишь 5 ноября. К концу следующего года затраты Германии на программу перевооружения достигли 52 % всех государственных расходов и 17 % валового национального продукта» (Романенко К. К. Великая война Сталина. Триумф Верховного Главнокомандующего. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 18).

«При определенных обстоятельствах назначение той или иной личности на пост посла может стать политическим симптомом. Когда в 1937 году Форин офис убрал из Берлина Эрика Фиппса и заменил его Невилем Гендерсоном, то всем было ясно: критически настроенный Фиппс не нужен, а нужен симпатизирующий Гитлеру человек. Так и назначение Риббентропа стало сигналом для всех лондонских антикоммунистов» (Безыменский Л. А. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. — М.: Вече, 2003. С. 13).

«Сохранилась краткая запись совещания И. В. Сталина с участием К. Е. Ворошилова и Н. И. Ежова от 21 мая 1937 г., на котором обсуждались вопросы совершенствования и активизации деятельности отечественных спецслужб. Руководитель государства однозначно указал, что главный противник — германская разведка. “С точки зрения разведки, — сказал он, — у нас не может быть друзей, есть непосредственные враги и есть враги возможные. Поэтому никаких секретов никому не давать”» (Виноградов В. К. Третья реформа органов безопасности (1934—1941) / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. С. 93).

«В своем письме Госдепартаменту США от 13 ноября 1937 г. американский посол в Японии Грю охарактеризовал антикоминтерновский пакт как соглашение между теми, кто не имеет, против тех, кто имеет, а борьба с коммунизмом — просто вывеска» (Комптон Дж. Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933 — 1941. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 172).

Значение Чехословакии для Восточной Европы можно иллюстрировать следующим примером. В 1937 году тяжелая промышленность этой страны производила больше продукции, чем все остальные вместе взятые, страны данного региона, включая и Польшу (См.: Наумов А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 346).

1938 год

СССР осенью 1938 года в Мюнхен не пригласили. Западные источники о причинах этого умалчивают. Кроме «естественного» для того периода времени желания Запада держать Советский Союз на периферии европейской политики, было и другое, как представляется, более существенное обстоятельство. «Мюнхенский пакт между Германией, Италией, Великобританией и Францией о разделе Чехословакии. Обсуждается такое же решение других международных проблем от Испании до Украины. СССР оказался во внешнеполитической изоляции, перед лицом враждебной Европы. Политика “коллективной безопасности” провалилась» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 258—259). То есть, иными словами, в Мюнхене, в частности, на уровне предположений обсуждались вопросы раздела Советской Украины. Совершенно понятно, что обсуждать такие вопросы с участием представителей СССР было бы для них попросту предельно оскорбительным. Поэтому по всем указанным причинам Советский Союз в Мюнхене и не был представлен.

«Советский Союз действительно был единственной страной, готовой воевать против Гитлера в 1938 году. Если бы страны Запада пошли навстречу СССР, если бы они действительно были такими противниками нацизма, какими себя представляли

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

(и выставляют сейчас), если бы... Тогда Гитлер бы получил по рогам еще в 1938 году, когда у него не было сил для большой войны, когда в Германии были силы, готовые воспользоваться таким положением фюрера. И не было бы миллионов жертв [конец с. 109]. Кто виноват в том, что помощь Советского Союза была отвергнута? Уж точно не Советский Союз» (Рубецкий О. В чем смысл Пакта Молотова — Риббентропа / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 86—219).

А вот характеристики некоторых участников событий 1938—1939 годов из числа видных политиков Запада. Э. Ридз-Смиглы. 12 мая 1935, после смерти Пилсудского, занял пост главного инспектора (главнокомандующего) сил обороны Польши. Прежде всего опасался агрессии со стороны СССР.. Известны его слова: “С Германией мы потеряем только свободу, Россия отнимет нашу душу”. Категорически отказался пропустить советские войска через территорию Польши в 1938 году, когда СССР предложил военную помощь Чехословакии (См.: Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне: Союзники СССР. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 458). Невилл Чемберлен. Базируясь на своей идее, что с помощью дипломатических уступок можно отсрочить начало войны, проводил политику «умиротворения» Германии. 29 сентября 1938 года совместно с А. Гитлером, Б. Муссолини и Э. Даладье подписал Мюнхенское соглашение, открывшее путь к расчленению Чехословакии. Последнюю Н. Чемберлен называл «далекой страной, которую мы не знаем». Рассматривал Мюнхенское соглашение как неизбежное в связи с неготовностью Великобритании к войне (См.: Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне: Союзники СССР. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 601).

Венгерские авторы Л. Белад и Т. Краус следующим образом оценивали это соглашение. «Мюнхенское соглашение 1938 года, выдача Чехословакии в руки Гитлера, предательство со стороны западных стран означали крах идеи коллективной безопасности. Мюнхен ясно показал, что руководители западных держав ищут договоренности с Гитлером и хотят не припугнуть агрессора, а примириться с ним, удовлетворив его аппетит за счет Центральной Европы» (Белад Л., Краус Т. Сталин: Пер. с венг. — М.: Политиздат, 1989. С. 256).

Следующим, хотя и малоизвестным шагом Запада в направлении поощрения Германии была Франко-германская декларация, заключенная 6 декабря 1938 года. Эта декларация, по сути дела, стала пактом о ненападении, а также политическим соглашением, которые сразу свели на нет советско-французский договор о взаимопомощи (См.: Суворов В. Ледокол 2. — Мн.: ООО «ФУАинформ», 2005. С. 319).

«Пакт Молотова — Риббентропа положил конец планам украинских националистов по созданию независимой республики Карпатской Украины, планам, активно поддерживаемым в 1938 году Англией и Францией» (Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: ТОО «Гея», 1996. С. 121).

«В наше время стало модно задавать вопрос: “Когда началась Вторая мировая война?” с намеком на “Пакт Молотова — Риббентропа” как событие, инициирующее эту войну. Не говоря о всем известном Мюнхене-1938, обратимся к серьезным исследованиям на эту тему. Современная точка зрения (И. Валлерстайн) на мировые конфликты такова, что период 1914—1945 гг. — это очередная “тридцатилетняя” война за мировую гегемонию, в данном случае между Англией и Германией» (Августинович В. Г. Великая Отечественная: перелом истории. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 36).

«По окончательным условиям от 20 ноября 1938 года Чехословакия должна была уступить Германии 11 тысяч миль территории, на которой прожи-

вали 2,8 миллиона судетских немцев и 800 тысяч чехов. В ее пределах находились важнейшие чешские укрепления, в то время самая мощная оборонительная позиция в Европе, возможно за исключением французской “линии Мажино”.

Но это не все. Была разорвана вся сеть железных и шоссейных дорог, телефонной и телеграфной связи Чехословакии. По немецким данным, расчлененная страна теряла 66 процентов добычи угля, 86 процентов производства химической промышленности, 80 процентов производства цемента, 70 процентов выплавки чугуна и стали, 70 процентов выработки электроэнергии и 40 процентов деревообрабатывающей промышленности. Процветающая промышленная страна мгновенно обанкротилась» (Ширер У. Капитуляция в Мюнхене // В кн: От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны: Перевод / Сост. Е. Я. Трояновская. — М.: Политиздат, 1992. С. 20—22).

«Для Франции Мюнхен означал катастрофу, и совершенно непонятно, почему этого так и не поняли в Париже. Франция утратила свои стратегические позиции в Европе» (Ширер У. Капитуляция в Мюнхене // В кн: От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны: Перевод / Сост. Е. Я. Трояновская. — М.: Политиздат, 1992. С. 20—22).

«Утрата теперь 35 хорошо обученных и вооруженных чешских дивизий, дислоцировавшихся за сильными укреплениями в горах и связывавших куда большие немецкие силы, означала сокрушительный удар по французской армии. Но это не все. Как могли оставшиеся у Франции союзники доверять ее письменным обязательствам? Какова была цена союзам с Францией? В Варшаве, Бухаресте и Белграде ответ сводится к следующему: почти никакой. В этих столицах засуетились, стремясь достичь сделки с нацистскими завоевателями. В Москве не суетились, но все же испытали неудовлетво-

рение. Хотя СССР был связан военным союзом с Чехословакией и Францией, французское правительство шло вместе с Англией и Германией и, не протестуя, исключило Россию из Мюнхена. Это было унижение, которое Сталин не забыл, которое дорого обошлось обеим западным демократиям в ближайшие месяцы» (Ширер У. Капитуляция в Мюнхене // В кн: От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны: Перевод / Сост. Е. Я. Трояновская. — М.: Политиздат, 1992. С. 20—22).

«1938 год стал переломным в немецкой внешней политике. Переход от подготовки к действиям, обретение Гитлером полного контроля над страной, символом которого стало назначение на пост министра иностранных дел Иоахима Риббентропа, а также провозглашение главным потенциальным врагом Британии — все это повлияло на отношения с Японией» (Комптон Дж. Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933—1941. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 174).

«Факт остается фактом: в результате Мюнхенскогоговора Великобритания и Франция, еще недавно считавшиеся столпами европейской политики, расписались в неспособности противостоять агрессорам. Интересно, что, отвечая на вопрос, заданный ему представителем Чехословакии на Нюрнбергском процессе: “Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?”, фельдмаршал Кейтель ответил: “Конечно нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии” [Сноска 853 в конце книги]» (Наумов А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 339).

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

«Инициатива в международных делах окончательно перешла в руки Гитлера» (Наумов А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 339).

«В результате деятельности комиссии Чехословакия потеряла все стратегически важные территории в Судетах, утратив какую-либо способность сопротивляться германской агрессии. Франко-чехословацкий и франко-советский пакты о взаимопомощи были уничтожены, развалилась Малая Антанта и французские “тыловые союзы”. Франция лишилась своей системы безопасности в Европе, оказавшись и в военном, и в психологическом плане полностью зависимой от Великобритании» (Наумов А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 342).

1939 год

С начала 1939 года события в Европе стали лавинообразно нарастать. Общеизвестно, что в середине марта Гитлер полностью оккупировал остаток Чехии, превратив его в «Протекторат Богемия и Моравия». Одновременно было создано независимое государство Словакия, которое незамедлительно стало безоговорочным вассалом Германии. Другие события марта — апреля также продолжили нарушение европейского равновесия. «14—17 марта Венгрия с одобрения Германии заняла Закарпатскую Украину. 22 марта Германия добилась от Литвы возвращения ей Мемеля (Клайпеды), а Италия 7—10 апреля оккупировала Албанию» (Мельтюхов М. Главная лож Виктора Суворова / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 5—85). Здесь уместно отметить одну, пожалуй, ключевую особенность европейской поли-

тики периода 1938—1939 годов. Гитлер «все получал без войны», а страны Запада «все теряли без войны». «Страны Европы плыли по течению, несущему их к водовороту, из которого выплыть удалось немногим» (Тарас Д. А. Операция «Weiss»: Разгром Польши в сентябре 1939 г. — Мн.: Харвест, 2003. С. 5).

Нам представляется целесообразным привести оценки пакта, сделанные различными лицами. Здесь можно встретить оценки его непосредственных «творцов» Гитлера и Сталина, видных деятелей того периода из разных стран, а также историков и писателей. Различные, порой диаметрально противоположные, оценки пакта явственно демонстрируют, что различие взглядов на него проявилось практически сразу же после заключения, продолжается по сей день и, очевидно, будет длиться еще весьма долго.

Вот оценки пакта, сделанные Сталиным при различных обстоятельствах в 1939—1941 годах. Вот Сталин осуществляет прием английского посла С. Криппса 1 июля 1940 года. Ситуация для Англии после разгрома ее войск под Дюнкерком и подписания перемирия между Францией и Германией является критической. Сталин начинает с частных вопросов, где говорится об отношениях между СССР и Германией, начиная с момента объявления войны. Сталин говорит, что «если господин премьер хочет знать о наших отношениях с Германией, то мы можем сообщить, что у нас нет блока с Германией на предмет войны против Англии. У нас есть только пакт о ненападении».

Касаясь вопроса о равновесии, Сталин говорит, что «мы хотим изменить старое равновесие в Европе, которое действовало против СССР». Как известно по результатам переговоров, англичане и французы не пошли в этом вопросе навстречу. Это послужило базой сближения СССР с Германией, которое и было проведено в тех размерах, о которых говорилось выше. Сталин замечает, что «если ставится вопрос о восстановлении равновесия и, в

частности, установления равновесия в отношении СССР, то мы должны сказать, что согласиться на это не можем» (Сталин И. В. Сочинения. Том 18. — Тверь: Информационно-издательский центр «СОЮЗ», 2006. С. 191). Весьма важная беседа. Это очень редкий случай для периода деятельности Сталина, когда он не занимал официальных государственных постов. А сам факт встречи и ее продолжительность в 3 часа уже говорит о многом. Из первого абзаца следует, что беседа шла «в направлении» У. Черчилля, так как Сталин прямо обращается через посла Криппса «если господин премьер хочет знать о наших отношениях с Германией». Подчеркивается, что у СССР нет блока с Германией, а есть только пакт о ненападении. Второй абзац свидетельствует о том, что ранее существовавшее европейское равновесие действовало против СССР. Значит, теперь, в 1940 году, хотя «равновесие» исчезло, но ситуация оценивается в целом в пользу СССР. И восстановление ранее существовавшего «равновесия» в отношении СССР не может быть допущено, а ситуация должна быть изменена в пользу СССР.

А вот выступление И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года и адресованное прежде всего гражданам СССР. «Немалое значение имело и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства» (Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952 С. 10—11). В последней фразе при желании современный читатель может найти намек на то, что мы не успели сами напасть на Германию. Но, скорее всего, действительно не хотели нападать, так как РККА того времени находилась в перманентном

состоянии неготовности воевать с армией Германии образца первой половины 1941 года.

«Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии» (Сталин И. О Великой Отечественной войне... С. 11). Официальная оценка пакта по состоянию на начало июля 1941 года. Но это оценка «задним числом». В таких выражениях пакт, естественно, не мог быть оценен сразу после его заключения в августе или в сентябре 1939 года. Выигрыш от пакта Сталин в начале июля 1941 года оценивал сдержанно, только как «определенный». Многие современные, то есть начала XXI века, исследователи пошли в своих оценках дальше самого Сталина, гораздо более оптимистично оценивая значение заключения пакта.

Вот одновременно и еще одна, несколько иная, чем в речи 3 июля 1941 года, оценка пакта со стороны Сталина. «Личное послание Сталина г-ну Черчиллю... Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда... 18 июля 1941 года» (Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том I. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 10—11). Но эта оценка не противоречит сделанной несколько ранее. Здесь же при желании можно найти завуалированное оправдание «секретного протокола» для случая, если адресат, то есть У. Черчилль, окажется об этом протоколе осведомленным.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Ранее, в 1939 году, на переговорах с представителями Финляндии, Сталин говорил Таннеру и Паасикиви: «... *Вы спрашиваете, какая держава может напасть на нас. Англия или Германия. С Германией у нас хорошие отношения, но все может измениться в этом мире... Я подозреваю, что вы не сможете остаться в стороне от конфликта. Англия уже оказывает давление на Швецию, чтобы получить там базы. Аналогичным образом действует и Германия. Когда война между двумя этими державами закончится, флот победителя пойдет к Финскому заливу. Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому должна быть передвинута граница...*» [Выделено курсивом в книге. — В. Петров]» (Соколов Б. В. Тайны финской войны. — М.: Вече, 2000. С. 19—20). При этом Б. В. Соколов делает многозначительное прибавление. «Возможно, в пассаже о Германии был использован прием, хорошо известный опытным разведчикам: говори правду, но так, чтобы собеседнику она казалась ложью» (Соколов Б. В. Тайны финской войны. — М.: Вече, 2000. С. 20). Как видно из этих слов, Сталин в принципе не исключал нарушение со стороны Германии пакта. В то же время Сталин не исключал любого варианта окончания войны между Германией и Англией.

Д. Наджафов цитирует слова Сталина о пакте. «Заключением советско-германского пакта, по его словам, “удалось вовремя сорвать намечавшийся военный блок империалистических государств, направленный против СССР”» (Наджафов Д. Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта 1939 года / Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой. — М.: Яуза-пресс, 2007. С. 33—80).

Л. А. Безыменский приводит весьма интересные сведения. «Сохранилось очень мало аутентичных свидетельств того, как Сталин объяснял свое решение. Одно из них — беседа Сталина с Георгием Димитровым, генсеком Коминтерна, состоявшаяся 7 сентября 1939 года. Димитров подробно запи-

сал этот откровенный (если к Сталину можно вообще применять это слово) разговор. Сталин признал, что договор “в некоторой степени помогает Германии”. Но СССР перед лицом конфликта двух групп капиталистических стран “не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга”... Таким образом, из уст Сталина мы знаем: расчет был на длительный период, который понадобился “разодравшимся” Германии, Польше, Англии и Франции в их борьбе. Этот период и должен был быть использован для реорганизации и перевооружения Красной Армии. Сколько он мог длиться? В послевоенные годы мне не раз приходилось беседовать с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко — тогда уже пенсионером, а в 1941 году первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. В те годы он пользовался доверием Сталина и вспоминал, как Сталин ему несколько раз говорил с досадой, что он рассчитывал на войну в 1942 году, не раньше. Эту же дату называли и другие деятели (А. М. Василевский, Г. К. Жуков)» (Безыменский Л. А. Третий фронт... С. 112—113).

Имеется довольно большое число авторов, которые пытаются реконструировать логику мотивов Сталина, которые привели к заключению пакта.

А. Шубин считает, что если пакт не был бы заключен, то последствием этого неизбежно стало англо-германское сближение. «Расчет Сталина строился на противоречиях между двумя группами империалистов. Заключить соглашение можно с теми, кто больше даст для СССР. Сталин прекрасно знал, какова альтернатива советско-германскому пакту. Англо-германский пакт» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 279). Этот же тезис А. Шубин дословно воспроизводит в другой своей работе. «Сталин прекрасно знал, какова альтернатива советско-германскому пакту. Англо-германский пакт. [Выделено автором. — В. Петров]» (Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929—1941 годы. — М.: Вече, 2004. С. 350). Далее

этот автор рассматривает различные позитивные для СССР возможности, вытекающие из пакта. «Заключая пакт с Германией, Сталин должен был принимать в расчет разные возможности, которые вытекали из него. Могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции, новый Мюнхен уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление на западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттянуло бы силы Гитлера на запад и спасло поляков от быстрого разгрома. Каждый из этих вариантов был выгоднее СССР, чем ситуация июля и тем более марта 1939 г., и она совершенно не исключалась пактом» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 286—287).

Дженифер МакДауэлл и Милтон Ловенталь приписывают Сталину следующие «лейтмотивы», которые они считают основой для заключения пакта, который они полагают «экстраординарным союзом с нацистским правительством», не приводя каких-то обоснований его экстраординарности. «Давайте рассмотрим эти лейтмотивы.

1. Вторая мировая война является предварительным условием для мировой коммунистической революции...

2. Во Второй мировой войне СССР следует сохранять нейтралитет.

3. Война должна продолжаться как можно дольше, чтобы обе стороны исчерпали свои ресурсы, тогда в войну должна вступить Красная Армия...

Эти взгляды объясняют мотивы Сталина при заключении пакта с Гитлером» (МакДауэлл Д. и Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина — Гитлера / Правда Виктора Суворова. Новые доказательства: Сборник. — М.: Яуза-пресс, 2008. С. 234—256).

В. В. Карпов приводит свое видение проблемы. «В узком кругу, среди членов Политбюро Сталин ходил сияющий и торжественный, он считал, что достиг огромного успеха (и был

прав!). Германия стала дружественным государством, а Англия и Франция втянулись в войну с ней. Таким образом, война от наших границ была Сталиным отодвинута далее на запад, империалистические страны теперь решали свои проблемы с оружием в руках, а Советский Союз благополучно остался в стороне! И готовился к отражению агрессии (о которой знал!) со стороны Германии» (Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Книга первая. — М.: Вече, 2002. С. 197).

Э. Радзинский приписывает Сталину в качестве мотива заключения пакта прежде всего стремление территориальных приобретений. «Впрочем, для Хозяина этот вопрос не принципиален. И Гитлер, и западные демократии — его враги, и союз с любым из них — не более чем ход на пути к Великой мечте. Но, сдавая в архив свою ненависть к Гитлеру, он жертвовал ферзя. Союзнику Гитлера трудно быть Вождем мировой демократии — так что приходится пожертвовать Коминтерном. Он знал: в будущем он вернет отданное. А пока получит территории...» (Радзинский Э. Сталин. — М.: ВАГРИУС, 1997. С. 472). Далее Радзинский приводит мотивацию пакта «для народа», приписывая ее создание Сталину. «Для народа Хозяин сам придумал объяснение нового союза. В воинских частях чертили два забавных треугольника. Один назывался: “Что хотел Чемберлен?” Вверху треугольника было написано: “Лондон”, внизу “Москва и Берлин” — Чемберлен хотел столкнуть нас с немцами, чтобы самому быть наверху. Другой назывался: “Что сделал товарищ Сталин?” Теперь наверху было слово “Москва” — Сталин столкнул Берлин с Лондоном, и мы наверху» (Радзинский Э. Сталин. — М.: ВАГРИУС, 1997. С. 473). Здесь г-н Радзинский уж слишком низко ценит исполнителей того периода. Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что идея такого простого наглядного примера не могла прийти в голову никому, кроме И. В. Сталина.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Ю. В. Житорчук оценивает ситуацию 1939 года таким образом, что если бы пакт не был заключен, то весьма высока была бы вероятность оформления между Германией и англо-французским блоком нового варианта антисоветского соглашения. «Фактически же Великобритания и Франция своей откровенно антисоветской политикой загнали Советскую Россию в тупик и тем самым просто вынудили ее заключить договор с Германией. Ведь Сталин прекрасно понимал, что его отказ от пакта автоматически вел бы Европу к новому сговору Чемберлена и Даладье с Гитлером и к неизбежной в таком случае войне СССР с Германией. Странно было бы, если в этой ситуации Кремль бросился бы на амбразуру, защищая западные интересы. Поэтому, подписывая пакт, Сталин был вынужден выбирать между плохим и очень плохим вариантами, и иного ему в сложившейся ситуации дано не было» (Житорчук Ю. В. Так кто же виноват в трагедии 1941 года. — М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008. С. 255—256). Весьма вероятно, что такой сговор был бы осуществлен за счет Польши, например, по механизму оккупации Чехословакии в марте 1939 года. И уж, что несомненно, новый «Мюнхен» был бы оформлен за счет интересов СССР. Вспомним, что в ходе мюнхенскогоговора 1938 года обсуждался, в частности, вопрос о советской Украине. Но продолжим цитирование Ю. В. Житорчука. «Так чем же был для Сталина Пакт Молотова — Риббентропа? Теперь нередко можно услышать точку зрения, согласно которой этот договор сделал нацистскую Германию и СССР чуть ли не союзниками. Однако как Гитлер, так и Сталин явно сознавали, что подписанные договоры носят временный, чисто тактический характер» (Житорчук Ю. В. Так кто же виноват в трагедии 1941 года... С. 256).

По мнению Е. А. Прудниковой, в 1939 году у Сталина не было другого выхода, как заключать пакт, причем в интересах Советского Союза. «В 1939 году Сталин открыто сказал: “Русские интересы важнее всех других”, но уже

с 1935 года, если не раньше, он рассматривал любые страны и партии, и даже мировое коммунистическое движение лишь относительно интересов Советского Союза. В 1939 году договор с Гитлером нанес страшный удар товарищам в других странах, но тогда не было выбора» (Прудникова Е. А. Последний бой Лаврентия Берии: Роман. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 189).

Важным последствием заключения пакта была нейтрализация военной угрозы со стороны Японии на дальневосточных рубежах СССР. «Беседуя с Риббентропом, Сталин сказал, что “есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить”. Это был сигнал для Токио, и там он был услышан, тем более что вкупе с разгромом 6-й японской армии под Халхин-Голом слова Сталина звучали особенно убедительно. Допустившее операцию командование Квантунской армии было смещено» (Шубин А. 10 мифов Советской страны... С. 283).

«Сталин предпочел другой вариант, вытекавший из традиционной европейской политики, — участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением. Специфика XX века заключалась в том, что борьба велась не просто за польское или даже французское наследство, а за наследство глобального рынка и глобальной системы колониального господства европейских держав. Судьба всего мира была ставкой в борьбе нескольких бюрократий, усилившихся в результате выхода индустриального общества на государственном-монополистический уровень развития» (Шубин А. 10 мифов Советской страны... С. 291).

Виталий Рапопорт и Юрий Алексеев дают трезвое сравнение выгод от пакта и явных недостатков потенциально возможного летом 1939 года соглашения с Англией и Францией. То, что для обозначения интересов СССР как де-факто уже в то время великой державы они используют термин «экспансионистские притязания», сути

дела не меняет. «Гитлер более чем охотно соглашался с экспансионистскими притязаниями Москвы, а западные союзники говорили лишь о том, как обеспечить неприкосновенность польского государства, а также о создании новой системы коллективной безопасности» (В. Рапопорт, Ю. Алексеев. Измена Родине. Очерки по истории Красной Армии. — London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1989. С. 415). Можно прокомментировать этот их тезис. С ним можно вполне, хотя и с некоторыми оговорками, согласиться. Гитлер сулил не только экспансию, но и доступ к новейшим технологиям, и к продукции передовой промышленности, и к займам, все германского происхождения и все в достаточно больших объемах. Эти же авторы приводят свое видение последствий заключения пакта. «Сталин имел все основания быть довольным. Уже во второй половине сентября на фоне тяжелых неудач польской армии Советский Союз оккупировал Западную Украину и Западную Белоруссию. Зима 1939/1940 г. принесла захват Кольского [так в книге, правильно Карельского. — В. Петров] перешейка у Финляндии. Летом и осенью 1940 г. в состав СССР были включены три прибалтийских государства, а также Бессарабия и Северная Буковина, отторгнутые у Румынии. Только финские приобретения потребовали настоящих военных действий, которые, правда, стоили больших человеческих жертв, но все же завершились победой СССР (190 млн населения) над Финляндией (4 млн). Прочие обширные территории достались бескровно. Процветанию, казалось, конца не будет... Хозяевами европейского континента стали СССР и Германия» (В. Рапопорт, Ю. Алексеев. Измена Родине... С. 416—417).

В конце работы О. Рубецкого, на с. 210—219 дается подробный анализ различных вариантов дальнейшего развития событий в Европе в случае, если бы Пакт Молотова — Риббентропа не был подписан (См.: О. Рубецкий. В чем смысл Пакта Молотова — Риббентропа / Мельтюхов М. и др. Неправда Викто-

ра Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 86—219). Этот автор решительно отрицает антироссийское утверждение, разделяемое многими, что именно подписание пакта обусловило нападение Гитлера на Польшу и тем самым начало Второй мировой войны: «Решение Гитлера напасть на Польшу было принципиально принято Гитлером летом 1939 года и дальше только крепло. До лета 1939 года Гитлер еще определялся, какую угрозу для Германии (как он это видел) устранить — Францию или Польшу. Выбрал Польшу, потому что считал, что если ударит по Франции, то Польша обязательно ему нагадит — например, ударит в спину... Пакт с СССР Гитлером до начала августа вообще не рассматривался как какое-то важное условие, не говоря о том, что необходимое. А к началу августа военные приготовления уже были в заключительной фазе. Гитлер решил напасть на Польшу в любом случае — даже в случае образования англо-франко-советского союза» (О. Рубецкий. В чем смысл Пакта Молотова — Риббентропа / Мельтюхов М. и др. Неправда Виктора Суворова-2: Сборник. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 86—219). Весьма важное обстоятельство! Гитлеру пакт был, безусловно, выгоден. Но он считал, что и без пакта Сталин «не станет таскать каштаны для Запада».

Л. Белادي и Т. Краус считают, что «... для Сталина было ясно: необходимо использовать возможности, созданные пактом о ненападении, чтобы отодвинуть линию границы, это имело стратегическое значение. Об этом свидетельствовали соглашения с Прибалтийскими странами о военных базах, а также начало войны с Финляндией» (Белادي Л., Краус Т. Сталин... С. 262).

В. Суворов (Резун) дает такую мотивацию поступков Сталина. «Сталин считал, что в случае войны в Европе Советский Союз неизбежно станет участником войны, но он должен вступить последним, со свежими силами прямо в финал игры против всех, кто уже изнемог в борьбе» (Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

войну? Нефантастическая повесть-документ. — М.: АО Издательский дом «Новое время», 1992. С. 53). Нельзя воздержаться от слов. Ах, какой же он «нехороший и оригинальный злодей» этот Сталин. Как же он так открыто, согласно В. Суворову (Резуну), говорил об азах военно-политического искусства, известных любому полководцу и политику по крайней мере за 1000 лет до него.

М. И. Семиряга приводит данные об оценке предстоящего пакта дипломатическим работником СССР в Германии Астаховым и, по мнению автора, игнорирования этих предупреждений Сталиным и Молотовым. Одновременно автор приводит сведения о принципиальной готовности СССР заключить военное соглашение с Англией и Францией. «Астахов высказал сомнение, будут ли немцы соблюдать свои эвентуальные обязательства, так как они намерены “этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей”. Астахов хорошо уловил коварный характер предложений германской стороны и в донесении в Москву предупреждал об их возможных опасных последствиях для СССР. Однако Сталин и Молотов это предупреждение не приняли во внимание. Их привлекли щедрые обещания Берлина предоставить свободу рук Советскому Союзу в зоне Восточной Европы, особенно в Прибалтике, т. е. то, чего не обещали, да и не могли обещать Англия и Франция. Несмотря на неверие в успех переговоров с Англией и Францией, которое существовало в высшем политическом эшелоне Советского Союза, военные круги еще не потеряли надежды на успех. Об этом свидетельствует документ под названием “Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции”, разработанный 4 августа 1939 г. начальником советского генштаба командармом I ранга Б. М. Шапошниковым. В нем детально давался расчет сил и средств и освещались несколько вариантов возможного вооруженного выступления Красной Армии» (Семиряга М. И.

Тайны сталинской дипломатии. 1939 — 1941. — М.: Высшая школа, 1992. С. 20).

Приведем теперь оценки противоположной стороны. Вот различные высказывания другого «творца» пакта — Адольфа Гитлера.

«Россия никогда не пойдет на столь безумный шаг, как вступление в войну на стороне Франции и Англии. Развитие событий в России: отставка Литвинова означает конец эпохи интервенционистской политики... Вмешательство Германии в конфликт между Россией и Японией, а также в дела стран Прибалтики. Русские проинформировали нас о готовности подписать пакт. Прямой контакт между Сталиным и фюрером. “Этим я выбил оружие из рук этих господ [англичан и французов]. Польша оказалась в положении, когда наша военная победа предreshена”. Последствия этих событий пока невозможно предвидеть — новый политический курс! Сталин пишет, что он сулит большие выгоды и той и другой стороне. Радикальные изменения в политическом климате Европы» (Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939 — 1941. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 28).

Видный деятель III рейха А. Шпеер воспринял заключение пакта как «удивительный поворот» в политической жизни Германии. Он засвидетельствовал удовлетворенность Гитлера. «После ужина Гитлер созвал свое окружение и сообщил: “Мы заключаем с Россией пакт о ненападении. Вот прочтите. Телеграмма от Сталина”. В телеграмме вкратце подтверждалось достигнутое соглашение. Самым поразительным были дружески объединенные на одном листке бумаги имена Гитлера и Сталина. Более удивительный поворот событий я и представить себе не мог. Затем сразу же нам показали документальный фильм. Сталин, наблюдающий за военным парадом, марширующие перед ним многочисленные войска. Гитлер с удовлетворением отметил, что эта военная мощь теперь нейтрализована. Он повернулся к адъютантам, явно желая услышать их мнение

по поводу столь внушительной демонстрации оружия и войск» (А. Шпеер. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 211). Далее Шпеер вспоминает об эйфории Гитлера и уверенности последнего в том, что он больше неподвластен року. «Вечером 23 августа Геббельс провел пресс-конференцию и прокомментировал важное событие. Гитлер, желая узнать реакцию зарубежных корреспондентов, тут же позвонил ему, а затем с лихорадочным блеском в глазах пересказал нам услышанное: “Потрясающая сенсация”. А когда зазвонили церковные колокола, один британский корреспондент обреченно заметил: “Это похоронный звон по Британской империи”. Эта реплика произвела сильнейшее впечатление на Гитлера, пребывавшего в эйфории весь тот вечер. Он полагал, что вознесся так высоко, что больше неподвластен року» (А. Шпеер. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 211).

Адъютант Гитлера Н. фон Белов цитирует следующие слова Гитлера. «... заклятым врагом Польши является не Германия, а Россия. И нам тоже однажды грозит огромная опасность с ее стороны. Однако почему послезавтрашний враг не может стать завтрашним другом? И Гитлер продолжил свою мысль: этот вопрос следует продумать весьма основательно» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 195).

Заключение пакта совершенно не являлось условием предстоящей войны Германии с Польшей. «... Гитлер хотел напасть на Польшу, несмотря ни на что. Россия будет держаться нейтрально. Ее интересуют только Прибалтийские государства и Бессарабия» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 223).

Если верить Н. фон Белову, то он пошел на короткую дискуссию с Гитлером по поводу позиции Сталина при заключении пакта. Он описывает реакцию Запада в изложении фюрера.

«Затем Гитлер перешел к теме дня: после обнародования германо-русского пакта о ненападении весь мир затаит дыхание. Я сказал фюреру, что отношусь к готовности Сталина пойти на это соглашение только с недоверием. Могу себе представить, какие у него при этом недобрые задние мысли! На это Гитлер ответил: он считает договор своего рода браком по расчету. Разумеется, со Сталиным надо всегда быть начеку, но в данный момент он в пакте с последним видит шанс устранить Англию из конфликта с Польшей» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 228). Дальнейшее изложение позиции Гитлера совершенно не противоречит уже изложенному. «Гитлер испытывал по отношению к англичанам уважение и зависть, а по отношению к русским — отвращение и страх. Эйфорию Риббентропа насчет договора о союзе с русскими он не разделял. Этот договор служил фюреру только тактическим маневром в рамках его политики; он надеялся, что и для Сталина — тоже. Если Гитлер в те дни не высказывал этого открыто, то по его репликам все же можно было отчетливо понять: вся его внешняя политика и дальше служит только одной цели — разгромить большевизм. В данном пункте он и тогда, и потом выступал против воззрений Риббентропа» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 232).

Будет уместным также сослаться на оценки пакта, сделанные различными деятелями III рейха. Вот, например, свидетельство начальника Генерального штаба Германии Ф. Гальдера, датированное 28 августа 1939 года. «В договоре с Россией имеется секретная статья: Украина и страны Прибалтики, за исключением Литвы, отходят русским» (Гальдер Ф. Оккупация Европы... С. 34). Очевидно, что Гальдер имел в виду Западную Украину. Здесь мы видим, что «Секретный протокол» был не очень-то и секретным, по крайней мере для многих лиц из высшего руководства гитлеровской Германии.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Далее Ф. Гальдер приводит важное свидетельство об отношении членов нацистской партии к случившемуся. «Пакт с Советским Союзом не был принят широкими партийными массами. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола» (Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939—1941. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 36). Вот еще одно важное свидетельство хорошо информированного источника. «Ошеломление, удивление, ужас, недоверие и осуждение — так отреагировала общественность в Германии и во всем мире. Гитлер велел постоянно докладывать ему об откликах, пытаясь составить себе представление о том, какое именно действие произвело это соглашение на Англию, Францию и Польшу» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 231). Но несмотря на это, люди, давно и близко знавшие Гитлера, в большинстве своем вели себя достаточно благоразумно и своему фюреру не возражали. «На основе многолетнего опыта никому из партийных друзей Гитлера и в голову не могла прийти мысль перечить его принципиальным политическим решениям» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 243).

Правда, некоторые лица в Германии все же пытались высказывать осторожную антипатию по отношению к пакту. И верили, что Гитлер разделяет их антипатии, но с оговорками. «Гитлер разделял мои антипатии. По крайней мере, я в это верил. Его книга “Майн кампф” содержит целые страницы проклятий в адрес русского режима. И вдруг, совершенно неожиданно, ради политического комфорта, он изменяет своим прежним убеждениям и заключает союз со страной, которую в других обстоятельствах называл врагом Европы номер один. Столь бесцеремонное поведение Гитлера и Риббентропа можно было бы рассматривать как искусную дипломатию; меня же оно ужаснуло. Они совершили коренной

переворот в традиционной внутренней и внешней политике Германии. До того момента национал-социалистическое правительство боролось с большевизмом на внутреннем и внешнем фронтах. Антикоммунистические пакты были заключены с Италией, Японией, Венгрией и Испанией. Гитлер выступал за крестовый поход против большевистской России, как врага человеческой расы, и вдруг сам заключил союз с этим монстром» (Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 56).

Некоторые лица из заключения пакта пытались сделать весьма своеобразные политические выводы, носящие явно сиюминутный характер. «Гейббельс же воспользовался случаем, как это часто бывало, атаковать Гофмана со свойственным ему цинизмом: мол, тот нашел в “папаше” Сталине хорошего собутыльника!» (Н. фон Белов. Я был адъютантом Гитлера. 1937—1945. — Смоленск: Русич, 2003. С. 234).

Любопытен, казалось бы, небольшой штрих, который тем не менее в определенной мере может характеризовать обстановку, в которой заключался сам пакт. «Поэтому в тот момент, когда мы вошли в комнату, Риббентроп был очень удивлен, когда увидел, что рядом с Молотовым стоит Сталин. Этот ход был рассчитан на то, чтобы вывести германского министра иностранных дел из равновесия; а еще он означал намек на то, что договор может быть заключен либо сейчас, либо никогда» (Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 365).

По мнению Фрица Тиссена, «... на русских произвело огромное впечатление отношение западных держав к оккупации Чехословакии. В 1939 году политический реализм подсказал им, как отвести гитлеровскую угрозу от России и в то же время вернуть свои бывшие территории. Заключение этого пакта было гениальным приемом Сталина. С его помощью он на некоторое время избавился от вполне реальной угрозы, которую представляла

немецкая армия, — неизмеримо более мощная, чем Красная армия, — оснащенная и вымуштрованная главным образом для войны на Востоке. В те августовские дни 1939 года пакт с Москвой казался мне отвратительным по двум причинам: во-первых, из-за противоестественности союза с врагом западной цивилизации и, во-вторых, потому, что являлся первым шагом к войне» (Тиссен Фриц. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939—1945. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 57).

Видный сотрудник отечественных спецслужб П. А. Судоплатов так интерпретировал значение пакта в глазах Сталина и Молотова, основывающееся на сведениях об оценках этого договора в финансово-промышленных кругах Германии. «Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки, способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей. Такие люди действительно были в Германии но, как выяснилось вскоре, их экономическое и политическое влияние на Гитлера оказалось, к сожалению, не столь значительным» (Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 80).

В 1940 году в Германии была выпущена книга, предназначенная немецкой молодежи, в которой пропагандировались биография и достижения Гитлера. Перевод этой книги на русский язык был осуществлен одним из отечественных издательств в 2007 году. Вот как в этой книге оценивался пакт. «Между тем Англия неустанно предпринимала попытки уговорить Россию вступить в союз против Германии. Если бы это произошло, Германия была бы окружена недружественными государствами со всех сторон. Однако в отличие от остальной Европы, Россия не торопилась ввязываться в дела

западных держав, долгое время не отвечая ни “да”, ни “нет”. В конце августа 1939 года союзники узнали нечто для себя неожиданное: Россия заключила с Германией пакт о ненападении. Оказывается, она и не думала воевать с рейхом. На востоке разомкнуто враждебное кольцо вокруг Германии! Англичанам и французам понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя от такого чудовищного потрясения» (Штилер А. Повесть об Адольфе Гитлере // Пер. с нем. — М.: Плацъ, 2007. С. 252—253). Любопытна оценка «для немецкого употребления» войны между СССР и Финляндией, приведенная в упомянутой книге. «В конце ноября англичанам удалось настроить Финляндию против России и между ними началась война» (Штилер А. Повесть об Адольфе Гитлере... С. 267).

Видный немецкий дипломат В. Путилиц писал впоследствии о мотивах, по которым СССР заключил пакт. «...здравый смысл подсказывал мне, что, повинаясь чувству самосохранения, Советский Союз поступил так, как ему следовало поступить. Ни Гитлер, ни Чемберлен никогда не являлись друзьями Москвы. Когда они оба начинали грызться друг с другом, у Советского Союза не было никаких оснований вытаскивать из грязи ни того, ни другого» (Путилиц В. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 252).

Теперь сошлемся на сведения одного из будущих деятелей антигитлеровской коалиции. Уинстон Черчилль был, несомненно, одним из наиболее информированных политиков того времени. В литературе можно встретить его оценки пакта. Как опытный и в достаточной мере циничный политик, Черчилль по-разному оценивал пакт в зависимости от политической ситуации, в которой ему приходилось давать такую оценку.

Уже в начале октября 1939 года он в своей речи обосновал необходимость для СССР заключения пакта и ввода войск на территорию Польши. «Неда-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ром выступивший 1 октября 1939 г. по радио У. Черчилль заявил: “То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть”» (Суровов В. Ледокол 2. — Мн.: ООО «ФУАинформ», 2005. С. 164). Г-н Черчилль, как видно из его слов, вполне трезво и весьма объективно оценил обстановку. Но нельзя забывать, что такую публичную оценку отчасти можно объяснить его нахождением в оппозиции по отношению к правительству Чемберлена осенью 1939 года.

А вот другая оценка. Прошло всего две с половиной недели с начала Великой отечественной войны. «Получено 8 июля 1941 года. Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину. Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление совершенно неспровоцированному и безжалостному вторжению нацистов... Чем дольше будет продолжаться война, тем большую помощь мы сможем предоставить» (Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том I. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 9). Здесь при желании можно обнаружить косвенную оценку пакта, но гораздо ярче выделено предложение Сталину об активном сопротивлении Гитлеру, а не к заключению сепаратного мира. Истекло еще менее двух недель. «Получено 21 июля 1941 года. Текст личного и секретного послания от г-на Черчилля г-ну Сталину... Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара» (Переписка Пред-

седателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Том I. — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. С. 11). Тем самым Черчилль задним числом согласился с пактом и фактически одобрил на будущее положения «Секретного протокола». Здесь можно предложить читателю вернуться к отрывку из письма Сталина в адрес Черчилля от 18 июля 1941 года, который приведен выше.

Гораздо позднее Черчилль в своих мемуарах стал уже откровенно ругать пакт. Вполне обоснованную отповедь дал поздним оценкам Черчилля А. Шубин. «Подводя итог заключению пакта между СССР и Германией, Черчилль утверждает, что “только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт”. Политик здесь явно возобладал над историком, что часто случается в повествовании Черчилля. Он “забыл”, что всего годом ранее государства Запада, которые Черчилль вовсе не считал тоталитарными и деспотичными, пошли в Мюнхене на еще более “одиозный и противоестественный акт”» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 285 — 286. Шубин А. В. Мир на краю бездны... С. 351). Что здесь сказать? Очень важное замечание.

В качестве резюме сошлемся на мнение О. А. Платонова. «В общем, даже злейший враг Русского народа У. Черчилль сказал, что заключение договора о ненападении было “в тот момент в высшей степени реалистичным”» (Платонов О. А. Бич божий. Величие и трагедия Сталина. — М.: Изд-во Алгоритм, 2004. С. 105).

Вопросы соблюдения дипломатического протокола в международной практике всегда считались важными.

И вот каким образом вопросы протокола соблюдали Англия и Франция. «Французская и английская делегации, прибывшие в Москву летом 1939 года, чтобы прозондировать почву [выделено В. Петровым] для создания возможно-

го союза против Гитлера, состояли из второстепенных фигур. Таким образом, политика Сталина по отношению к Гитлеру основывалась на правильном соображении, что враждебность западного мира и Японии к советскому строю сделает изоляцию СССР от международного сообщества постоянным фактором» (Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: ТОО «Гей», 1996. С. 111). Оценка Судоплатова, что переговоры были только зондажом со стороны Англии и Франции, представляется достаточно обоснованной.

Вот как можно сравнить соблюдение дипломатического протокола двумя противоборствующими сторонами в их отношениях с Советским Союзом. «Совсем недавно британский министр Галифакс отказался прибыть в советскую столицу, а министр иностранных дел рейха готов был осуществить это немедленно. Естественно, на Кремль это должно было произвести впечатление. Не случайно Риббентроп потребовал от Шуленбурга, чтобы телеграмма была вручена Сталину лично» (Уткин А. И. Россия над бездной (1918 г. — декабрь 1941 г.). — Смоленск: Русич, 2000. С. 127). И председатель Совнаркома, он же нарком иностранных дел, оценил различие в подходах. «Молотов был доволен предложением немцев прислать не мелкого чиновника, как англичане, а министра» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 276).

Заключение пакта было далеко не таким дружественным актом, как это любят демонстрировать некоторые современные политики, ученые и писатели. «23 августа, прилетев в Москву, Риббентроп встретил прохладный прием, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично Сталин, который не поддерживал разговоры о “духе братства” двух народов, а деловито торговался. Советская сторона приняла немецкие поправки к проекту пакта, кроме помпезной преамбулы о дружбе» (Шубин А. 10 мифов Советской страны. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 280).

Еще до заключения пакта проницательные западные политики допускали его возможность. «На Западе это заявление [А. А. Жданова в газете. — В. Петров] вызвало озабоченность. 4 июля 1939 г. Рузвельт попросил советского полпреда в США К. А. Уманского предупредить Сталина, что, если он заключит союз с Гитлером, тот нападет на Россию, как только завоюет Францию» (Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. — М.: Высшая школа, 1992. С. 18). Потенциально возможное в недалеком будущем заключение пакта не было секретом, по крайней мере для США, уже в конце июня 1939 года. Как и оказался в чем-то верным их прогноз развития событий. Но срок «как только завоюет Францию» в действительности растянулся на целый год, с 22 июня 1940 года по 22 июня 1941 года. А за этот год можно было сделать и было сделано в СССР многое.

Для Франции заключение пакта имело чрезвычайно неприятный характер. «Двадцать третьего августа в 6 часов вечера, после того как в Кремле подписали советско-германский пакт, на улице Сен-Доминик на чрезвычайном заседании Совета национальной обороны царит атмосфера катастрофы. Протокол ведет начальник личного кабинета Даладье генерал Декан» (Табуи Женевиева. Двадцать лет дипломатической борьбы. Пер. с франц. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 455).

«В конце августа 1939 г. внимание всего британского общества привлекло подписание Советско-германского пакта о ненападении, состоявшееся 23 числа этого месяца. Официальный Лондон воспринял эту новость с удивлением и озабоченностью. Премьер-министр высказал опасение, что Британия находится накануне военного конфликта. По словам Чемберлена, столкновение между Британией и Германией было бы страшным бедствием для народов обеих стран» (Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологии и политика (1932—1940 гг.). — СПб.: Алетейя,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

2001. С. 430). А без пакта это не было Англии ясно уже летом 1939 года? Зачем же тогда посылали английскую делегацию в Москву? Ответ: очевидно, что только в качестве зондажа. Поэтому можно согласиться с приведенным выше мнением П. Судоплатова.

О значении пакта, хотя и в окарикатуренном виде, писал один британский печатный орган, имевший, выражаясь дипломатическим языком, «неоднозначную» репутацию. «26 августа 1939 г. в издании “Спикерз Ноутс” опубликовано несколько пунктов соглашения между СССР и нацистской Германией, которые сопровождались расплывчатыми, противоречивыми комментариями. В них говорилось, что русский народ, видимо, решил заниматься своими делами и “избавиться от еврейских начальников, которые, — как считали лидеры БСФ, — пытались втянуть его в мировую войну...”» (Прокопов А. Ю. Фашисты Британии... С. 431).

Приведем точку зрения такого одиозного политика, как Л. Д. Троцкий, содержащуюся в книге С. Кремлева (Брезкуна). «Удар ледорубом поставил точку в затянувшейся истории подрывной работы Троцкого против СССР. После заключения Пакта 1939 года он писал в американском журнале “Либерти”: “Кремль впрягся в повозку германского империализма... До тех пор, пока Гитлер силен — а он очень силен, Сталин будет оставаться его сателлитом”» (Кремлев С. (Брезкун). Берия. Лучший менеджер... С. 253). Оценка Троцкого носит явный «подрывной» по отношению к Сталину характер, называя последнего «сателлитом Гитлера». Характерная оговорка «до тех пор, пока...» Но здесь Троцкий далеко не оригинален. Ведь вся история человечества полна примеров, когда сателлиты сохраняли верность господину только до тех пор, пока он был силен, и охотно с ним расставались, как только он ослабевал. Термин же «сателлит Гитлера» Троцкий применил к Сталину, явно руководствуясь своими политическими целями.

Приведем слова переводчика Сталина В. Н. Павлова, в изложении писателя В. В. Карпова, относительно секретного протокола. «Секретный протокол сегодня осуждают, а по тем временам, в той международной обстановке, его расценивали как мудрый поступок Сталина» (Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Книга первая. — М.: Вече, 2002. С. 196). В. Н. Павлов уверенно оценивал подписание секретного протокола как «мудрый поступок Сталина». Но остается вопрос. А кто мог «по тем временам, в той международной обстановке» оценивать секретный протокол? Ведь о нем официально никому ничего не было известно!

Правовой анализ пакта в советское время был дан на самом высоком уровне. «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии, и имел одной из целей — отвести от СССР угрозу надвигающейся войны. В конечном счете эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии. В это время страна стояла перед трудным выбором» (Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года // Правда. 29 декабря 1989 года. / Цит. по: Страницы истории: Дайджест прессы. 1989. Июль — декабрь. — Л.: Лениздат, 1990. С. 205—207).

Современники пакта в то время отнюдь не преследовали целей его демонизации и даже простого осуждения. «В дни, последовавшие за советской оккупацией Восточной Польши, Суриц сообщал, что французское правительство намерено придерживаться сдержанной позиции и даже отговаривает польское правительство в изгна-

нии от объявления войны Советскому Союзу. «Люди типа Манделя» склонны были видеть в советских действиях в Польше проявление чисто русского, даже традиционно царского стремления защиты национальных интересов, которое в итоге одолеет и Гитлера» (Карлей Майкл Джабара. 1939. Альянс, который не состоялся... С. 285—286). Тем самым Франция показала свое понимание реалистичности действий СССР на территории Польши, начиная с 17 сентября 1939 года. Такого же рода понимание наблюдалось и со стороны Англии. «22 сентября 1939 г. английским и французским генштабами был подготовлен рапорт, квалифицировавший действия СССР по отношению к Германии как упреждающие и отмечавший, что они были предприняты лишь тогда, когда стало очевидным окончательное поражение Польши, с которой история сыграла злую шутку. Как подметил американский историк Б. Будурович, в июне 1936 г. Польша препятствовала принятию международных санкций против фашистской Италии, захватившей территорию Абиссинии (Эфиопии) именно ввиду того, что последняя, по словам Ю. Бека, якобы «перестала существовать как государство»» (Суровов В. Ледокол 2. — Мн.: ООО «ФУА-информ», 2005. С. 164—165).

Японцы даже и после окончания Второй мировой войны продолжали негативно оценивать заключение пакта Германией. «Ошима после войны назвал заключение этого договора «исключительно вероломным поступком со стороны Германии»» (Комптон Дж. Свастика и орел. Гитлер, Рузвельт и причины Второй мировой войны. 1933—1941. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 176).

Пакт имел большое значение для обеспечения безопасности границ СССР на всем Дальнем Востоке, равно как и безопасности одного из многих его союзников того времени — МНР. «Советско-германский договор от 23 августа 1939 г. имел и то последствие, что он нанес сильный удар по японской военщине. 25 августа япон-

ское правительство заявило, что этот договор противоречит «секретному договору, приложенному к антикоминтерновскому пакту», разоблачив тем самым агрессивные антисоветские планы, строившиеся Японией и Германией в отношении СССР. Оказавшись без поддержки со стороны Германии и потерпев сокрушительное поражение на реке Халхин-Гол, японские милитаристы были вынуждены на время отказаться от новых провокаций против Советского Союза» (Всемирная история. В десяти томах. Том IX. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. С. 517).

В Политическом управлении РККА явно придерживались официальной точки зрения на пакт. «Руководство ПУРККА отреагировало на договоры, подписанные между СССР и Германией, специальной директивой Мехлиса (29 сентября). В ней, в частности, до руководства политуправлений округов и армий доводилась следующая мысль: пакт о ненападении «устранил угрозу войны» и означал «блестящую победу сталинской внешней политики»» (Невежин В. Если завтра в поход... С. 148). Была бы странной какая-то иная позиция ПУРККА по данному вопросу.

Но политический выигрыш от заключения пакта был омрачен внутриполитическими издержками и противоречиями идеологического плана. Таким образом, перед руководством СССР неожиданно встал вопрос о том, что необходимо задуматься над вопросами изменения идеологии или, по крайней мере, корректировки ранее проводимого идеологического курса.

Обстоятельства, предшествующие заключению пакта, были весьма неблагоприятными для Советского Союза. «Мы получили достоверное сообщение о том, что французское и британское правительства не горят желанием оказать Советскому Союзу поддержку в случае войны с Германией. Это вполне совпадало с данными, полученными нами тремя или четырьмя годами

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

раньше от кембриджской группы. По этим сведениям, британский кабинет министров, точнее Невилл Чемберлен и сэр Джон Саймон, рассматривали возможность тайного соглашения с Гитлером для оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом. Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта. Полученные директивы обязывали нас быстро рассмотреть возможные варианты сотрудничества со странами, готовыми подписать соглашения о противодействии развязыванию войны. Речь шла не только об Англии и Франции, с которыми велись консультации с начала 1939 года, но также и о Германии. В Германии за мирное урегулирование отношений с Советским Союзом выступали в среде влиятельных военных лишь выходцы из Восточной Пруссии» (Судоплатов П. Разведка и Кремль. — М.: ТОО «Гей», 1996. С. 109—110). Тем самым подтверждается, что и для Гитлера заключение пакта было невероятным поворотом внешней политики. Об этом уже говорилось выше, когда приводились отзывы на пакт со стороны немцев. А вот еще одно важное, хотя и неявное последствие. «Пакт Молотова — Риббентропа положил конец планам украинских националистов по созданию независимой республики Карпатской Украины, планам, активно поддерживаемым в 1938 году Англией и Францией. Эта идея была торпедирована Бенешем, который согласился со Сталиным в том, что Карпатская Украина, включавшая также часть территории, принадлежавшей Чехословакии, будет целиком передана Советскому Союзу» (Судоплатов П. Разведка и Кремль... С. 121).

О том, что нельзя оценивать пакт, используя чисто современные системы политических и нравственных координат, напоминает нам Павел Судоплатов. «Очень часто пакт о ненападении с Германией изображают, абстрагировавшись от его значения. При этом не

берется во внимание неизбежность урегулирования спорных вопросов пердела мира, конфликтных ситуаций в международных отношениях в конце 30-х годов, не учитываются нюансы, связанные с моральными аспектами в практике международных отношений» (Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 67).

«Прямая угроза гитлеровской агрессии, несмотря на заключенный советско-германский Пакт о ненападении, нависала и над Советским Союзом. Подписанные 23 августа 1939 г. секретные советско-германские соглашения не только не снимали, но, напротив, обостряли эту опасность, способствовали изоляции Советского Союза и толкали Советское правительство подчас на недостаточно обдуманые и опрометчивые шаги» (Моисеев М. Смена руководства Наркомата обороны СССР в связи с уроками советско-финляндской войны 1939 — 1940 гг. // Известия ЦК КПСС. № 1 (300). Январь 1990. С. 210—215). Здесь явно прослеживается определенная направленность оценки, сделанной в условиях политических реалий СССР декабря 1989 года.

И наконец, приведем оценки пакта, сделанные в разное время учеными и писателями.

Д. А. Волкогонов пытался вывести оценки заключения пакта, основываясь прежде всего на психологических характеристиках руководителей СССР и Германии. «Сегодня нам ясно, что молниеносные договоренности двух диктаторов стали возможны в силу родства их тоталитарных душ. Оба вожди, оба имели мировые планы, оба ненавидели демократию и любили сверхвооружения, и тот и другой ловко орудовали тоталитарными инструментами — ложью и насилием. Правда, вождь из Москвы был расист социальный, а из Берлина — этнический» (Волкогонов Д. А. Семь вождей. — В 2-х книгах. Кн. 1. М.: АО «Издательство “Новости”», 1995. С. 209—210). Еще один фрагмент работы того же автора. «Циничный торг и полюбовное

соглашение коммунистического вождя и фашистского фюрера подготовили роковое развитие событий в Европе и мире» (Волконогов Д. А. Семь вождей. — В 2-х книгах. Кн. 1. М.: АО «Издательство “Новости”», 1995. С. 210). «Циничный торг», по выражению Д. А. Волконогова, на самом деле являлся обычной практикой отношений между странами в тот период развития внешней политики. Все же «роковое развитие событий в Европе и мире» подготовили не «циничный торг и полюбовное соглашение» между Сталиным и Гитлером, а логика действий Гитлера.

Александр Глезер писал по поводу пакта. «Пакт о ненападении между сталинским СССР и гитлеровской Германией, заключенный в 1939 году, вызвал чувство недоумения у многих западных либералов. Дружба социалистического государства с фашистским казалась им противоестественной и шокировала. На самом деле ничего более естественного, чем этот пакт между двумя тоталитарными режимами, попирающими все демократические идеалы, права человека и целых наций, не было» (1939—1941. Советско-нацистские отношения. Документы. — Париж — Нью-Йорк: Изд-во «Третья волна», 1983. С. 5). Оценка пакта представляется вполне ясной из приводимой цитаты.

Многие авторы, которые не жалеют суровых слов для осуждения пакта, умалкают, когда речь идет о Мюнхенском сговоре. «Заключение нацистско-“демократического” сговора в Мюнхене не удостаивается такого осуждения. Он расценивается не как ошибка, а как мудрый стратегический маневр. Читая, например, военные мемуары или книги британских авторов по военной истории, часто натываешься на подкупающие своей откровенностью и чисто английской бесстрашностью суждения. “Мюнхенский кризис завершился, Англия и Франция выиграла время ценой независимости Чехословакии”, — пишет, например, современный английский военный историк Брайан Шофилд. А вот пакт Риббент-

ропа — Молотова — одно-значно преступление перед Польшей, Прибалтикой, Западом, Востоком, Севером, Югом, человечеством и человечностью» (Юсуповский А. «Историческая правда» в роли пропагандистской лжи: деонтологическая война с Россией / В кн.: Загадочная Отечественная война / Ред.-сост. Г. Пернавский. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 319—381). Здесь как раз и проявляется политика двойных стандартов. Мюнхенские соглашения Англия и Франция заключали по мотивам предотвращения войны между ними и Германией, что ныне ими вполне допускается. Если эти соглашения сегодня не приветствуются, то, по крайней мере, вполне понимаются. А пакт, которым Сталин пытался отвести войну от СССР, ими же дружно осуждается и совсем «не понимаются» мотивы его заключения.

«Пакт Молотова — Риббентропа, ознаменовавший переход к эгоистическим вариантам внешней политики СССР, был результатом и итогом отказа от политики коллективной безопасности. Понятно, что если не можешь решить проблему безопасности вскладчину по причине ненадежности партнеров, то логично вспомнить, что своя рубашка ближе к телу» (Юсуповский А. «Историческая правда» в роли пропагандистской лжи... С. 331—332).

Можно оценивать возможные последствия отсутствия пакта и заключения англо-франко-советского соглашения в августе 1939 года по следующим данным. «Об интенсивности боевых действий в период с сентября 1939 по май 1940 можно судить по сводке германского верховного командования, которое объявило о своих потерях на Западном фронте: 196 человек убитыми, 356 человек ранеными, 144 человека пропавшими без вести, 11 самолетов. События 1940 года подтвердили правильность оценки советским правительством позиции Англии и Франции, которые не желали воевать с Германией и по-прежнему желали направить военную мощь Гер-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

мании против СССР» (Порохов С. Битвы империй: Англия против России. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Астрель-СПб., 2008. С. 267). Это суммарные потери германских войск на западном фронте за более чем восемь месяцев «странной войны». А вот на восточном фронте, который, как неизбежное следствие заключения указанного соглашения, не замедлил бы возникнуть примерно по линии Минск — Псков — Нарва, интенсивность боевых действий и, как следствие, потери РККА, были бы несопоставимо более велики. А состояние войны на западном фронте могло бы при этом вообще быть прекращено сепаратным образом.

Можно вспомнить еще одно важное последствие пакта. Это получение в 1939—1940 годах нашей страной «предполья». Даже в ходе чистого длинного марша, без боевых столкновений, военная техника нападавшей стороны должна была бы выбывать от чистой амортизации в гораздо большем количестве, чем при аналогичных коротких маршах.

Постскриптум

Вот как разворачивались события на Западе в связи с тем обстоятельством, что советские войска перешли границы Польши. «Польские послы в Великобритании и Франции 17 сентября 1939 года уведомили союзные правительства о том, что Советский Союз “предпринял нападение на Польшу... польское правительство заявило протест в Москве и дало указание своему послу потребовать паспорта”. Они просили союзников также выразить “решительный протест” и констатировать, что СССР совершил

явную агрессию. Однако ни посол Рачинский, ни посол Лукасевич не могли внятно объяснить собеседникам, считает ли Польша себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом. Если нет, на каком основании альянс должен выражать Москве “решительный протест” и какого рожна правительство оставило страну, не объявив войну? “Не вижу, какую пользу могла бы принести нам война с Советским Союзом, — высказал свое мнение из Москвы посол Сидс, — хотя лично я был бы весьма рад уведомить о ней господина Молотова”. На заседании британского кабинета было решено, что Англия “подписывалась” защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии. И в Париже, и в Лондоне единодушно пришли к выводу, что полезней будет ограничиться протестом не слишком “решительным”, поддерживать поляков морально, но отношений с Советским Союзом не обострять. Польша уже выбыла из числа активных игроков на международной арене, а способствовать укреплению германо-советского союза враждебными действиями невыгодно для Запада» (Бешанов В. Красный блицкриг. — М.: Издатель Быстров, 2006. С. 92—93). Тогда такая своя позиция Англии и Франции казалась им вполне естественной. Как, впрочем, они понимали логику действий СССР, хотя и отнюдь ее не приветствовали. Страны Запада явно рассматривали нашу страну как единственно достойного по потенциалу будущего возможного европейского союзника против Гитлера. Относительно «аморальности» действий Советского Союза страны Запада прозрели почему-то только спустя длительное время после сентября 1939 года.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА между СССР и Германией в 1939 году: соглашение с дьяволом как единственная возможность обретения союзников для победы над ним

(редакционный комментарий)

Завершая тему Пакта Молотова — Риббентропа, освещенную в 2-х выпусках нашего журнала В. В. Петровым, редакция посчитала своим долгом выразить и собственную точку зрения по данному вопросу. Если в работах нашего автора читатель имеет дело прежде всего с мнениями на сей счет, господствовавшими как среди участников, так и среди наблюдателей заключения Пакта Молотова — Риббентропа, то уже в предлагаемом комментарии редакция для исчерпывающей полноты самого исследования этого сложнейшего исторического события дополнительно выражает несколько крайне важных соображений о самом историческом значении этого уникального договора двух непримиримейших противников. Впрочем, сначала короткое и необходимое пояснение. Читатели журнала могут резонно спросить: а зачем нам, собственно, знать это самое историческое значение, неужели без него нельзя обойтись? Отвечая на выдвинутые выше вопросы, подумаем над значением всякого человеческого опыта. Ведь он, как и память, позволяет воспринимать смысл настоящего и даже знать в общих чертах будущее. То есть всякий опыт, в том числе исторический, и дает всякому человеку осмысленное бытие, надежду, а значит, и смысл самой жизни. С другой стороны, неумное или неумелое восприятие опыта ведет к повторению глупого и прискорбного в настоящем и будущем. Поэтому-то и необходимо знать наверняка суть прошлых событий, дабы не повторять их печальные и обидные смыслы в собственной жизни впредь. Но вернемся к оценке пак-

та. Все его противники практически в один голос квалифицируют происшедшее в Москве 23 августа 1939 года как аморальный спусковой механизм для начала Второй мировой войны. В результате подобного утверждения непременно выходит то, что главные виновники развязываний войны — это, конечно, Гитлер и Сталин, или Германия и СССР. Но вернемся к истокам появления на исторической арене и Гитлера, и Сталина — к Первой мировой войне, устроенной между собой исключительно буржуазными державами. Разве не это небывалое до того историческое событие породило и власть Сталина, и власть Гитлера? Иначе говоря, за появление названных мировых лидеров в полной мере ответственна вся мировая буржуазия как нечто целое. И это не вопрос для какой-либо дискуссии. Затем, из сегодняшнего исторического далека вполне отчетливо видно, что для нынешнего торжества в мире либерально-буржуазных ценностей поражение во Второй мировой войне гитлеровской Германии оказалось очень даже подходящим. Другими словами, нелюбимый многими сторонниками безбрежной индивидуальной свободы советский социализм-коммунизм объективно оказался в конце концов лишь *нелюбимым орудием* их же победы над нацизмом. Но тогда спросим честно самих себя: а разве Сталин мог быть *объективным* союзником Гитлера? Если нет, то зачем в таком случае ему и стоящей за ним стране ныне настойчиво приписывается статус виновника начала Второй мировой войны? Или подумаем над еще таким простым вопросом: а могла ли победить

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Третий рейх исключительно самостоятельно хоть одна из стран, вступивших впоследствии в борьбу с ним? Если таковых тогда не было, то и победа над всемирным злом была возможна в то время лишь в коалиционном варианте. Да, с субъективной точки зрения, Сталину сегодня вполне возможно поставить в вину мотив всяческого уклонения от военного столкновения с Германией в близорукой надежде, что, может быть, вермахт все-таки увязнет в войне с Польшей, Францией и Англией и тогда его можно будет легко победить в удобное для СССР время. Но с другой стороны, все политики тех дней отчетливо догадывались, что *главной и совсем неотменяемой* политической и военной мишенью Гитлера являлась все-таки Советская (большевистская) Россия. В таком случае у Сталина оставалась *единственная* возможность для спасения советской страны — возможность создания коалиции против Гитлера *любой ценой*. И что же объективно в те дни было пригодно для гарантированного решения этой исключительной задачи? Только пакт о ненападении с самой Германией. Почему? А потому, что все

иные варианты никак не исключали борьбу Сталина с Гитлером один на один, в которой участь победителя для Сталина и СССР никак не была предопределена. Тем более, что в таком случае Германия, скорее всего, стала бы получать от Франции и Англии молчаливую поддержку. Да, известный пакт породил страдания европейских народов, так как объективно резко усилил позиции Гитлера и позволил ему *бесцеремонно* прибирать к рукам всевозможные ресурсы Европы для изначально запланированной им войны с СССР. Но это соглашение опять же *объективно*, а значит, и неизбежно привело к созданию и искомой коалиции держав для борьбы с Германией и ее слабосильными союзниками с полной гарантией окончательной военной победы над ними. То есть по законам логики, как ни поворачивай, получается ровно то, что *Пакт Молотова — Риббентропа с исторической точки зрения имеет только тот единственный смысл, что он стал исключительной возможностью обретения СССР союзников для окончательной военной победы над гитлеровской Германией*.

Глава из рукописи Б. В. Асафьева «МУЗЫКА МОЕЙ РОДИНЫ»

Предисловие Реставратора — Андрея Павлова-Арбенина

Имя этого великого человека, восславившего в трудах своих неиссякаемую родниковой чистоты красоту земли русской, сегодня, в год 125-летия со дня его рождения, по неизвестной причине произносится только на лекциях и семинарах в музыкальных учреждениях, согласно учебным планам...

Вспомним 100-летие со дня рождения Б. В. Асафьева.

1) 1984 год. Не только в СССР, но и во многих странах имя ученого звучало в многочисленных докладах, на конференциях, раскрывающих многогранность асафьевского учения. Высказывалась и горячо поддерживалась мысль о необходимости «проведения каждые три года асафьевских чтений». Увы, как показало неумолимое время, это было только благое намерение, канувшее в «медленную Лету» — сказочную реку забвения. Возможно, в будущем имя Асафьева снова обретёт свою должную «популярность» — пути господни неисповедимы...

2) В Ленинградской Государственной Консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова все торжества проходили под неусыпным, пристальным оком доктора искусствования, профессора, заведующей кафедрой музыкальной критики Л. Г. Данько.

Очень кратко говоря о творческом наследии Б. В. Асафьева, нельзя, хотя бы «вскользь», не упомянуть о его композиторском даровании, диапазон которого необычайно велик.

Оперы: «Минин и Пожарский» (либретто М. А. Бугакова), «Казначейша» (по поэме М. Ю. Лермонтова), «Гроза» (по А. Н. Островскому), детские оперы: «Золушка», «Снежная королева», «Алёнушка и братец Иванушка».

Балеты: «Триумф республики» («Пламя Парижа»), «Утраченные иллюзии» (по мотивам О. Бальзака), «Ледяная дева» («Сольвейг») по Э. Григу; по А. С. Пушкину «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Каменный гость», «Гробовщик», «Франческа да Римини», «Барышня-крестьянка» и т. д. Всё это ждёт своих исследователей и исполнителей...

Кроме этого, Асафьев является автором музыки к драматическим спектаклям, многие из которых были поставлены в Ленинграде, в Большом драматическом театре, автором пяти симфоний (1-я посвящена памяти Лермонтова), произведений для духового оркестра, народных инструментов, для фортепиано, кантат, хоров, массовых песен, романсов на слова В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, К. Д. Бальмонта, А. А. Фета, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова и т. д.

Сегодня делается ещё одна попытка «внедрить» в сознание нашего современника красоту «Музыки моей Родины» — именно так назван цикл, опубликованный под псевдонимом «Игорь Глебов» и повествующий о творениях М. Глинки, П. Чайковского, М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакова, А. Бородина и многих других музыкантов-летописцев, великим дарованием которых было музыкально-образное мышление.

Творческая мысль Асафьева формировалась под воздействием таких могучих ручейков, как В. Стасов, Н. Римский-Корсаков, М. Балакирев, формировалась в процессе изучения им русских летописных сводов, творений А. Пушкина, Н. Карамзина, С. Соловьёва. Пристально вслушиваясь в творения о «делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой», Асафьев раскрывает для себя необозримую ширь дарований людей, живущих и творящих «в давно прошедшие года».

Это было не только юношески страстное созерцание прекрасного неизвестного.

Уже тогда это была зарождавшаяся в юном сознании огромного диапазона мысль, получившая в жизни крупнейшего «музыканта, исследователя и публициста» гигантское претворение в многочисленных трудах, ставшими золотым ключом для входа нынешнего и грядущих поколений музыкантов в мировую сокровищницу знаний.

Цикл «Музыка моей Родины» — это не специальное пособие для музыкантов. Это прежде всего, по словам самого Асафьева, «записи, накопившиеся в моем сознании вокруг дорогой мне всю жизнь темы о русской музыке». Здесь внимательный читатель услышит интонации «Слова о полку Игореве», «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», неповторимую красоту устремленных ввысь православных русских храмов, поймёт, как велико было воздействие на творческое воображение Асафьева трудов Вс. Миллера, А. Веселовского, В. Адриановой-Перетц, В. Зеленина, М. Алпатова, других исследователей древнерусской истории, литературы и фольклора.

Кратко хотелось бы сказать о некоторых публикациях цикла «Музыка моей Родины», осуществленных в годы минувшие.

Первым опытом можно и должно назвать публикацию цикла на страницах IV и V томов «Избранных трудов» Б. В. Асафьева. Несмотря на то что эти труды выходили в свет в Москве под грифом Академии наук СССР, при сравнительном изучении данной публикации и архивно-рукописного подлинника цикла выявились многочисленные значительные сокращения и даже изменения авторского текста. Однако надо отдать должное инициаторам подготовки к изданию пятитомника «Избранных трудов» — ученику Б. В. Асафьева, доктору искусствоведения, профессору А. Н. Дмитриеву и его жене Т. П. Дмитриевой-Мей, которые сделали «больше-большого» для того, чтобы «Избранные труды» вышли в свет.

К 100-летию со дня рождения Асафьева автор этих строк подготовил рукопись «Музыка моей Родины» полностью по тексту авторской рукописи, хранящейся в Москве, в архиве, носившей в те годы название «Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР». Материал, снабженный примечаниями составителя, был сдан в редакцию журнала «Советская музыка» и опубликован в 1984 г. (№ 4, 5, 6, 7). Однако «ввиду ограниченности объёма журнала» текст цикла и на этот раз не избежал, к сожалению, весьма значительных сокращений.

Сегодня читателю предлагается не отредактированный текст главы «Русский народ, русские люди — характеры, быт».

«Остаётся одно: ждать и надеяться», что в недалёком (!) будущем цикл «Музыка моей Родины» будет опубликован без малейших сокращений и читатель наконец увидит это сокровище русской музыкальной мысли в его первозданной, незамутненной «требованиями времени» красе.

РУССКИЙ НАРОД, РУССКИЕ ЛЮДИ — ХАРАКТЕРЫ, БЫТ

В целом ряде русских опер отдельные действия своей монументальностью создают впечатление фресковой композиции. Оно достигается масштабами действия, участием хоровых масс, величием или дерзновенной предприимчивостью характеров, размахом музыкального развития и музыкального зодчества. Слушая такую композицию большого, насыщенного музыкой пространства и напряженной длительности, испытываешь высокое наслаждение: от неё исходит совершенное особое воздействие, как от величавых явлений природы. Талант композитора — талантом, ум — умом, техника своего мастерства — техникой, и, естественно, она должна быть прекрасной, ибо иначе развалится «звучащее здание». Но энергия, мощь дыхания, ощущение силы, словно развертывающего всю совокупность музыки и скрепляющего отдельные колеса механизма, — вот тут решают не воля и талант одного человека, а действуют внушения, идущие к нему от множества объединенных сознаний. Так было с готическими соборами, так

с великолепными фресками наших древнейших храмов, так и с фресками музыки. Право же, смешно было бы думать, что заказ какого-либо мецената или антрепренера мог вызвать Глинку, например, на сочинение финала «Русалки».

Именно русская музыка выдвинула в опере хоровой ансамбль как действующее лицо, а не пассивно присутствующую на сцене толпу хористов. В сценах-фресках лучших русских опер чувствуется, как диктующая действие воля принадлежит народу.

Оперные действия русского музыкально-фрескового стиля содержат в себе что-то сильное, могучее, упорное и в других оперных культурах почти никогда не мыслимое. Там от них давно ушла народная жизнь как опора искусства, русская же опера, лишь выйдя из пеленок развлекательного придворного зрелища, сразу укрепились на героико-демократическом стиле, а в своём развитии — на интонациях народной речи и песни.

Вот по силе обнаружения русской народности, величия и мужественности русских характеров первая из великолепных оперных фресок: интродукция и I акт «Ивана Сусанина» Глинки¹⁾.

Фреска включена в становление русской весны. Такое включение массового действия в русскую природу, вернее в русский крестьянский календарь, происходит вовсе не ради описаний или эффектной звукописи картин русской весны. Тут цель иная, она лежит в естественных связях народной жизни со сменами времен года, а также и в разнице ощущений от весны ли с её возрождением, или от осени, или зимы. И здесь, в опере Глинки, взято раннее, очень раннее время весны. Действие ещё ведётся на солнечном пригреве, над освобождающейся от зимней спячки рекой. Начинается оно сочным и мужественным хором — голосом народа: возвещается готовность подняться на защиту родины. Это стойкий неколебимый голос воедино чувствующих волю, откуда перекидывается грандиозная арка к пресветлому энергичному и величавому хору финала оперы «Славься».

И вот вся интродукция, начинаясь с твёрдого утверждения народной воли, идёт под его воздействием. Первый мотив хора в дальнейшем служит Сусанину смелым, отважным выпадом врагам. Этим же мотивом в увертюре начинается опера. Наоборот, женщины и девушки в интродукции берут на себя роль вестниц весны и выступают с сочными веснянками, смягчая суровый колорит мужского хора. Под конец интродукции мужской и женский хоры сливаются в полнозвучном ансамбле, выражающем силу и беззаветное мужество русского народа.

Далее, дочь Сусанина в своей каватине, ожидая возвращения жениха, в сущности дополняет выступления хора с их темами подвига и весенних надежд, темой счастливых вестей, ожидаемых по реке. Русская река — великий дар природы в суровом климате, в лесах. Конечно, она и «почтовый тракт», и кормилица. В пении Антонида развертывается образ русской реки в связи с ощущениями русских людей.

Вдаль зовёт река, она же несёт вести и издали ждут по реке — с нетерпением — вестей о судьбе родины и близких. С этим ожиданием сочетается «девичье глядение» в даль с мечтой о возвращении милого: он — ратник.

Все объединено настроением приближающейся весенней поры и жениховства. Тем самым психологически чутко в слушателе вызывается чувство надежды, вестник радости. Но ещё не все элементы нарастания собраны: издали слышна несущаяся по реке как предзнаменование победы, русско-светлая, протяжная мужская песня. Она сливается с чувством нетерпеливого ожидания на берегу, и тогда вспыхивает, будто эмоциональное пламя, яркий хор встречи ратников, тот звонкий до-мажор, который на другой мелодии ещё мощнее, радостнее и всенароднее зазвучит потом, в конце произведения, в канте «Славься». Нет в мировой музыкальной литературе подобной Славы отчизне. По силе массового выражения величаво-простого цельного чувства любви к родине и патриотической восторженности финал «Ивана Сусанина» не превзойдён и в русской опере.

Действительно, очень трудно передать словами светлые, укрепляющие мужество качества музыки Глинки, да еще когда они выражены в дружных ансамблевых интонациях. В его музыке не бывает броских для слуха «экстравагантностей». В ней доминируют охватывающая сердца сила, идущая от глубины понимания народных характеров и народного быта, от пронизательного вникания в народную психику, в чувство солидарности и дружность русских людей перед нависшей над родиной грозной опасностью.

Рядом с героическим напряжением и подъемом от первого хора интродукции, возвещающего готовность самопожертвования, до хора встречи ратников, дальше — через рассказ ратника о битве с поляками под Москвой — всюду, как просто и сердечно обнаружены Глинкой в I акте «Сусанина», да и потом, в домашней семейной сцене III акта — ощущения и русского деревенского пейзажа, и всего крестьянского уклада.

Нет, к сожалению, возможности останавливаться на каждой из замечательных музыкальных фресок — картин русских опер, где чувствуются дыхание великого народа и его жизнь в несчастье и счастье. В глинкинском «Руслане» изумляют той же силой солидарности и солнечности всеохватного чувства жизни грандиозные фрески Радости: богатырский пир в интродукции к опере и ее финал — народное ликование с неистовым ре-мажором.

А перед финалом волнует сурово-скорбное ораториальное *lamento* — народный плач по Людмиле, словно бы похищенной от людей Персефоны.

Ещё богатейшая фреска — сцены и народного базара и схода у пристани в Новгороде в опере Римского-Корсакова «Садко» ^{*2)}.

В чередовании сольных выступлений, малых ансамблей и пышных по звучности хоров, в пестрой смене колоритных по стилям звеньев музыкальной цепи арий, песен, романсовых эпизодов (например, гость из славного города Ведынца), былинных сказов и причетов, духовного стиха нищих и нагих, издевательских скоморошин — раскрывается жизнь цветущего торгового древнерусского города. Конечно, романтика, а не хладнокровная деловая история. Но как впечатляет все это

*Предшествует в творчестве Римского-Корсакова народной сцене в «Садко» красивая, богатая звукопись сцены в опере «Млада» из быта полесских славян в бурном клокотании и мстительной решимости.

даже историков, передавая средствами интонации нерв и пульс давних эпох русской жизни! Здесь, живьём, на слух, осязается вековая предприимчивость новгородцев, их дерзостные, смелые торговые экспедиции, их пестрое общение с народами и их взаимные ссоры на соревновательской почве. Садко — образ былины — становится реальным характером, смысленным, догадливым купцом, но и славным патриотом родной земли. А эпизоды странствий воплощены музыкой моря во множестве его оттенков и состояний!

Прекрасно-спокойное, величаво-красующееся море интродукции, но красиво оно в безмятежном и все же суровом молчании — штиле. Ещё прекраснее оно грозное и разгулявшееся. Прекрасно и в своих глубинах.

Но кроме подробно выписанного композитором характера самого героя странствий — Садко, сколько других русских характеров его сопровождает на протяжении оперы. Например, по одной песне варяжского гостя перед нами и замечательный образ, и эпоха: видится над бурным морем прислонившаяся к скале мрачная фигура. Для варяга нет опасностей и страха на море: его лелеет волна. Ритмы и рокот моря для него — родные песни. Грозные скалы — надежный приют. И шубертовский стражник с его горными потоками и вековыми лесами — лишь наивное дитя в сравнении с варягом — коршуном морей и мрачным гением скал.

Поставьте рядом с ним гостя индийской земли, опять одной образной песней, какой выдвинут контраст!

Страны века, народы и сочный русский быт, и гениальная сметливость русского народа и его предприимчивость организовано и художественно размещены на громадной фреске торгового. Наряду с этим ещё область фантастики с нежнейшими зовами царевны Волховы и с неистойвой русской плясовой: гульба подводного царства и весь его быт слажены по древненовгородскому укладу. Только вот царь подводный потому и царствует так глубоко, что царей новгородцы знать не хотели.

Ещё могучая фреска — сцена восставших крестьян под Кромами («Борис Годунов» Мусоргского). Тут — народная стихия. Тут — песня в своем могучем, гневом разъяренном приливе. Этот гул — тоже плеск моря — Мусоргский доводит до предела массового музыкального нагнетания звучности. Наплыв двутактов — одного за другим:

Расходилась, разгулялась
Сила, удаль молодецкая³⁾.

Тут не то что мерные, грузные подъяремные шаги репинских бурлаков и не тяжело звонкое скакание пушкинского «Медного всадника». Тут в мерном раскачивании мотива — словно гудит громадного неизмеримого веса колокол — необъятная сила. Сила в гигантском размахе, в накале гнева и в неистовом развороте и, наконец, решительный всплеск удали: «Ой ты сила, силушка. Ой ты сила бедовая...» — большего размаха сам Мусоргский не успел достигнуть в своей хоровой музыке. Даже в стрелецкой слободе в «Хованщине»... Сцену под Кромами можно вообразить так, как если бы вдруг сдвинулись с места русские люди суриковских полотен: «Боярыни Веры Морозовой», «Утра

стрелецкой казни», «Покорении Ермаком Сибири». Ещё вернее: в Кромах натиск той же силы, что несется со скалы в суворовском «Переходе через Альпы».

Но есть ещё величавая суровая фреска — собранная на защиту государства русская рать: пролог к опере Бородина «Князь Игорь»⁴). Бородин — композитор, обладавший замечательной способностью сосредоточения энергии музыки в веских, массивных, плотных пластах. Это словно бы в контраст дикой воле его же половецких танцев. В музыке пролога оперы «Князь Игорь» — вековая русская история дана как история обороны родной земли. В ней, в её серьезной торжественности, сдержанной, спокойной, звучит убежденность миллионов воли, уверенность в своей стойкости и непреодолимости. Уже в степенном развертывании музыки «необыкновенной простоты» начала пролога до первого вступления хора слышится подготовка внимания и провешивания особенного, всенародного, значительного, знаменательного.

Столь же широко и плавно, величавыми эпическими песнопениями — картинами развернута музыка «Сказания о граде Китеже» Римского-Корсакова и особенно в той части, где музыка повествует об осажденном городе — о великом ночном стоянии в Китеже и уходе ратников в бой (их песня сурового мужества) и, наконец, в великой «Сече при Керженце»⁵). Это одна из вершин оборонного русского эпоса и симфонического стиля Римского-Корсакова. Здесь же надлежит вспомнить о ночной сцене веча и восстании псковской вольницы в «Псковитянке».

Необходимо присоединить сюда отдельные фрагменты из «Рогнеды» Серова, неровной и шероховатой по музыке, но в общих чертах очень талантливой оперы (например, сцена княжеского пира). У Серова было то, что можно назвать оперно-яркой хваткой, броским обобщением, умением живописать «портреты» эпохи, быта и крупных характеров сочными грубоватыми мазками. Можно говорить об его исторической оперной декоративной музыке вовсе не в смысле чего-то внешнего, а в том же смысле, как о русской декоративной живописи, давно утвердившей за собой право на то, чтобы признаваться искусством серьезного содержания. Серов — композитор крупных объемных звукописных полотен и ярких импрессионно-звуковых впечатлений, умеющий комплектовать фигуры и сцены звуковыми сочными пятнами.

Пренебрежение Серовым, давно ставшее «модным», в особенности со стороны оперных дирижеров, — какое-то эстетско-слуховое заблуждение и с позиций музыкального театра нелогичное. Например, одной своей варяжской балладой Серов не только выявляет яркий, упругий и волевой облик Рогнеды, но вызывает в сознании обобщенный образ эпохи варягов. Идоложертвенный хор — суровый, фанатический, затем хор славения в княжеской гряднице, могучие песни на княжеской охоте и т. д. — все это сильные, ярко декоративные страницы «Рогнеды». В опере «Юдифь» — суровый библейский характер героини, её страстная палящая любовь к родному городу и ненависть к врагу, вызывающая ее на героический подвиг, — какой цельный величавый характер и тоже портрет ренессансовой силы воображения. Там же — вождь Олоферн, чья одна только воинственная

песня о походе через пустыню, как и варяжская песня Рогнеды — мощный, глубоко реалистический штрих, дающий тон всей опере. Но в «Юдифи» еще не забываемые образы евреев-старейшин осажденного города, образ певца восточной лирики в стане Олоферна, наконец, сурово фресковые хоры.

Остается «Вражья сила» — опера о русском купеческом быте, нравах и драме семьи. Смелая, по-своему дерзкая, своенравная музыка создает впечатляюще свежую и просто вкусную, выпукло натуралистическую картину провинциальной жизни и своеобразной поэзии старинного быта русского городского мещанства — категории весьма значительной в истории русской жизни и особенно эволюции русской песенности⁶⁾.

Серов первый это понял и живописно обобщил: встреча масленицы на постоялом дворе — роскошная картина быта, как и проводы масленицы и народное гуляние. Реализм образов, незабываемо врезающихся в сознание Спиридоновны — ресторанной хозяйки постоялого двора, заезжающих мужиков, скалозуба-кузнеца Еремки, метко заслужившего прозвище Мефистофеля российского посада, разбитной девушки Груни и купцов — этот реализм связан со смелым и для музыкальных пуристов эпохи конца 60-х и начала 70-х годов дерзким обращением Серова к русскому бытовому фольклору городской провинции, фольклору посадов, предместий, застав, пригородов. Это называли вульгарным площадным языком и простить этого до сих пор не могут Серову, который первый не испугался частушечных интонаций. Он понял, что стиль мелодической лирики посада и пригородов, стиль так называемого фабрично-заводского пошиба определяется закономерно-исторической метаморфозой русской песенности в ее широко демократической расцветке, как и стиль народных картинок. Серов оценил и закономерность, и выразительный реализм интонаций этого сложного пастушечнопесенного и песне-романсного комплекса.

Он даже опередил «Снегурочку» (музыку к весенней сказке Островского) в этом отношении. Он угадал, что строить русскую реалистическую оперу с сюжетным фундаментом из быта русского города, строить ее мелодику только на крестьянской песне давних, изживаемых народом стадий и миновать современную живую устную песенную традицию — немислимо. В этом большое историческое значение музыки «Вражьей силы» Серова, где городской куплет сливается с частушечным бойким музыкальным просторечием деревни нового пореформенного уклада русской жизни.

Чайковский как крупная композиторская индивидуальность с сильными профессиональными навыками и принципами и в то же время убежденный искатель реалистической истинности в опере, злился на композитора Серова за «какое-то почти отвратительное музыкальное безобразие». И все же тянулся к Серову, думается, не только за несомненностью таланта, чутья и воображения, которых он не мог как честный художник не признавать в Серове. Чайковский, быть может, не сознаваясь в этом вполне и самому себе, в период работы над «Чародейкой» учился реалистической интонационной правде и смелости как у Серова, как и у Даргомыжского.

А главное, сам никогда не чуждался строя песне-романсовых интонаций фабрично-заводского поселка, русского посада, пригорода и застав городских*.

В темах Чайковский — Серов и Чайковский — Мусоргский и шире: Чайковский и «кучкисты», то есть вся группа композиторов вокруг Балакирева, важнейшее значение имеет явление кризисов народно-песенной интонации, эпохи перерастания старинной песни в городской романс и в ироническую частушку, как и напевной речи-сказа в речь частую.

Ни Чайковский, ни Серов в их тяготении к современной им народной — в широко демократическом смысле — романсовой песенной культуре, при несомненной их любви и к старинной крестьянской песне, ни «кучкисты» в их стремлении к чистоте строгости стиля народной жизни и с установкой на подлинную коренную крестьянскую русскую песню — не могли различить основного: эстетической стороны вопроса с критериями музыкальной формы, вкуса голосоведения и ощущения стилевой чистоты от вопросов о степени жизнеспособности той или иной народной мелодии и причинах ее распространенности. Это вопрос народной живой интонации, то есть вопрос, почему какой-либо напев, пусть даже простонародный, никак не отвечающий критериям интеллигентских вкусов о красоте, таил бы в себе такой силы притягательность, что /.../ и теперь упорно живет себе да живет. Жизнь его оправдана и выражением народного постижения красоты чувства, чего вовсе нельзя путать с вульгарной чувствительностью, и выражением юмора в различных оттенках иронии, чем так жизненно полна частушка (область народного скерцо), и прямотушным выражением эмоций в различной их динамике, далекой от салонной «зализанности чувства».

Все это вовсе не обязательно содержится только в красоте мелодии в отношении ее эстетического совершенства и закономерностей. Ведь музыковедческая красота интонационно мертва, если напев, скажем, при всей его эстетической привлекательности, не содержит в себе интонационно-эмоциональной жизненности, то есть волнения чувства, а воздействует только на интеллект. Поэтому для музыки устной традиции нет мелодий, красиво обработанных, а существуют только мелодии живой волнующей передачи, то есть в их ядре, в корне есть эмоциональное начало. Оно не что иное, как жизненный тонус нашей звуко-речи, ее направленности на общение с людьми средствами эмоционально-звукового убеждения. Этого инстинктивно или сознательно ищет каждый композитор. Но одни все ближе и ближе, все теснее и теснее смыкаются с развитием человеческой интонации и доходят до натуралистического подражания человеческой бытовой речи или отображения ее у писателей. Другие опираются на мелодию, как единство правды интонации и красоты музыки, как на одно из могучих

* Тема Чайковский — Серов очень любопытна и позволяет многое познать в процессах русской разночинной эстетики боевой эпохи отражения великих общественных позывов. «О музыкальном безобразии у Серова и воображении» — это в записи и дневнике Чайковского от 16 апреля 1887 г. (Дневники П. И. Чайковского, М., 1923. С.139). Сравните также отзывы Чайковского о Серове, помещенные в «Жизни П. И. Чайковского», т. II, с. 128. Еще интересна заметка о «Вражьей силе» Серова в книге А. Сакетти: «Из области эстетики и музыки» (СПб., 1896).

проявлений человеческого творчества в области звукозодчества. Впрочем, и словесная речь человека, и мелодия, и все элементы музыки существуют реально только звуча, и в звучании, то есть интонационно.

Серов, действительно, пренебрегал зодческой стороной музыки и ее интонационной красотой, но он стремился к ярко пафосному выражению характеров в одних случаях и в других к их почти натуралистическому изображению через оперы на бытовые современные интонации в бытовых же песнях. Речитативом он владел неважно. Главное же, не всегда обладал властью гармонического сочетания в действенной форме всех элементов музыки (чем грешил и Мусоргский)⁷⁾. Но зато в нем жило истинно — театральное качество широких обобщений — это не музыка в развитии, а музыка резких экспрессивных штрихов и «бросковых пятен», в сочетании своем создающих картины-эпизоды и характеры большой силы «репрезентативности», то есть «театральной представительности». В этом отношении при своих ограниченных, сравнительно с высокими мастерами русской музыкальной фрески и монументального звукозодчества, способностях Серов во многом определил и предупредил этих мастеров, которые тоже постепенно в своем опыте становились, а не вылуплялись сразу мастерами. Но Серов, по природе своей публицист, не умел ничего художественно завершать (как, например, Римский-Корсаков), а только намечал и грубовато рубил /.../.

Можно вышеприведенные примеры музыкально-фрескового письма довести до нашей эпохи и присоединить к ним современные ораториальные — кантатного стиля фрески: «Куликово поле», «Сказание о родной земле», «Александр Невский», «Киров с нами» — Шапорина, Прокофьева и Мясковского. Вместе с фресками русских классиков музыки мы почувствуем единый волевой цикл, цель которого — высокой художественной значимости звукопись о русском народе, о земле и родине и о создаваемой народом и мощно им обороняемой великой русской государственности. В самом деле: этот цикл обнимает почти всю историю русской государственности до Петра Первого от Киевской и феодально-княжеской Руси, с прекрасным и величавым эпосом о татарском нашествии («Китеж» Римского-Корсакова), далее — повествования о русских городах-оплотах народной силы — о Пскове и Новгороде и о славных вождях, выполняющих народные чаяния (Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный). Лирическая кантата Чайковского «Москва» и его же героическая увертюра словно яркий изобразительный гобелен «1812 год» восполняют этот ряд музыкально-патриотических картин-явлений народной славы. Они, конечно, различны по стилю и темпераменту, по масштабам звукозодчества и динамике музыки, но едины по целеустремленности. Кантата Мясковского «Киров с нами» закрепляет эти картины ярким образом одного из героев нашей эпохи.

В редком из создаваемых музыкой характеров русских людей нет следов песенности. Не песен как напевов широты или неперенных цитат из народных песен, но песенности в широком смысле, как коренного свойства русской интонации, что так сочно проявляется и в собственно мелодиях, и в крестьянской старинного уклада плывущей словесной речи.

Конечно, в оперных характерах, чье становление складывается на большом протяжении в нескольких драматических ситуациях, в «состав характера» может входить и целиком народная песня (скажем, в «Хованщине» Мусоргского песня Марфы-раскольниковы «Исходила младешенька», но в данных условиях действия она — существенный элемент характера Марфы). Второй важный элемент русской классической оперы в создании русского характера — это свойственное всему русскому искусству стремление к реализму. В музыке оно осуществляется через вокальную правдивость чувства тона, правду «произнесения» звуков, что передается в музыке инструментальной. И не только в сфере мелодии (в смысле интонационного прямоудия особенно волнителен мелос Чайковского), но и тонко психологизируемой гармонии. К примеру, эмоционально обновленные Мусоргским последования гармоний во всем разворачивании драмы совести царя Бориса на протяжении оперы («Борис Годунов») — это необъятный мир душевных внутренних процессов. Смены гармоний отражают у Мусоргского чуть ли не каждое резкое смещение биений сердца. И не только резкое, сильно волнующее, а вот как в сцене с детьми в терему: послушайте оттенки ласковости в обращениях Бориса к сыну и дочери и вникните в дальнейшее их отражение в каждом из элементов музыки, образующих характер Бориса.

Не только строительство мелодической и гармонической ткани, но и обусловившее и вызвавшее их мелодию и гармонию, чувство отбора. Чувство вот именно такого, а не иного музыкального выражения, что уже и есть интонация, составляет основу, из чего возникает ощущение реализма музыки, правдивости ее, а значит, и образов, и характеров, и драматических ситуаций. Удивительно убедительной стороной всей музыки Мусоргского является его мотивировка характеров правдой интонации. Он с непостижимой чуткостью отбирает из материала музыки как раз те сочетания, которые становятся у него реальнейшим выражением правды, живой интонацией. Пусть бы еще речь шла о каких-либо особенных звуко сочетаниях-изобретениях. Нет! Мусоргский гораздо чаще, чем это кажется, удовлетворяется очень простыми звуко сочетаниями. В других случаях, у других композиторов они будут или обыденны, или внешне холодны, а у Мусоргского от какого-то «чуть-чуть» в обороте рисунка возникает жизненная интонация. Укажу на диалог Бориса с Шуйским в сцене в терему, где столкнулись два сложных политически чутких и изобретательных характера, — как тут значительно каждое интонационное «чуть-чуть». И как даже выдающийся музыкант Римский-Корсаков не всегда понимал и оценивал смысл такой детальнейшей работы над интонацией. Римский-Корсаков как редактор произведений Мусоргского шел к обобщениям во имя логики формы и музыкального зодчества и жертвовал драгоценными деталями интонаций. Но сила и правда выражения, заключающиеся в музыке Мусоргского, преодолевали насилие со стороны этой системы музыкального мышления — системы звукозодчества. И характеры Мусоргского жили и живут даже под навешенным на них слоем формальных исправлений, эстетически оправданных, но иссушающих драгоценные интонационные «чуть-чуть».

Теперь еще об одной новой редакции «Бориса Годунова», проведённой Шостаковичем. Мы слышим все же интонации характеров

Мусоргского среди экспрессионистских звучаний современного оркестрового языка: фрески остались по-прежнему целы!

Великолепны постройки звуков зодчего Римского-Корсакова. Его умение строить помогало ему созидать произведения высокой красоты архитектоники. Но первозданность в области характеров и правды интонаций, то есть логика психологизма, все-таки остается за Мусоргским, и дело тут вовсе не в сравнении масштабов талантов и мастерства, что немыслимо и ни к чему. «Песни и пляски смерти» и «Без солнца» — циклы, идущие всецело от постижения реализма интонации. Дело в простом. В звуках, как элементах художественного звукозодчества, вовсе не существен каждый звук, как живое произведение и носитель эмоционально-смыслового качества. Но в звуках как носителях правды интонации, а значит правды общения, важен каждый звук не в качестве «камня на стройку», а в общей живой природе: он звучит смыслово и ритмуется, ибо в нем пульс сердца человека. Тогда понятны все интонационные «чуть-чуть» гениального музыканта-психолога Мусоргского, хотя бы с позиции эстетики звукозодчества они казались и утопичными

Отсюда, из этого родника, возникает искусство поющего характера не только в операх, но едва ли не в каждом из романсов Мусоргского. Собственно говоря, какие тут романсы: это — драматические монологи и сцены, звукопись человеческого сердца, картины крестьянского быта и жизни «бедных людей» в изобразительно-драматургическом аспекте, — вот чего добивался Мусоргский! Но и «Крестьянская пирушка» (стихи Кольцова) отражает истину характеров и превосходит своей наглядностью многие картины передвижников, претендовавшие на натуралистическую видимость. Образ замерзающего убогого мужичка в «Трепаке» — немой, ибо не он, а в нем музыка, но интонационное окружение его так правдиво, что вы видите его как проявление очень типического русского характера. Так же глубоко портретна фигура «Забытого». Больше того — вся картина ожидания того, кто «забытый лежит», его близкими, дома, слышится в интонациях.

Вот сочнееший портрет «Семинариста», он преимущественно достигнут звеньями выразительно-образных интонаций, нанизываемых одна за другой. Если это «музыкальная проза», то есть вид музыки, где метрика отстоявшихся в эволюции музыки форм не имеет значения, — пусть так, давайте изучать закономерность такой прозы и научимся ей следовать! Из подобного рода цепи интонационно-изобразительных звеньев возникают у Мусоргского цельные реалистические характеры. Звенья могут быть различного качества и бытуют оторванно друг от друга, что в опере естественно, но если их мысленно сопоставить, они дадут единый образ (например, Шуйский в «Борисе Годунове» или Марфа в «Хованщине»).

Порою характер определяется сразу одной поэтически выразительной лирической фразой: вот Ленский в «Евгении Онегине» («Прелестно здесь, люблю я этот сад, уютный и тенистый — в нем так отрадно»). Или в той же опере: во вступлении первой лирической интонацией оркестра запечатлевается образ Татьяны. Иногда характер складывается почти только из восклицаний, речитативов и взаимообращений (Голова и Писарь — в «Майской ночи» Римского-Корсакова, князь Хованский в «Хованщине» Мусоргского). Иногда характер — это одно

ариозо, одна ария, за которыми встает образ больший, чем, казалось бы, позволяет лаконичность формы себя-высказывания. Удачный пример — три характера и образа — представители своих стран: варяжский гость, гость Индии и гость Италии (из Вены — Венеции). Характер преимущественно ясно и выразительно слышен в песне варяжского гостя, а образы стран — в песне индийского гостя и арии венецианца.

Громадная популярность песни индийского гостя вполне объяснима. Мало ли красивых мелодий, звукописующих Восток... Но в мелодии этой песни есть убедительность эмоционально-интонационная... Одно свойство или качество — петь, показывая красоту мелодии (она тогда не объект исполнения, а средство изображения), раскрыть личность, нравы, характеры, страну, быт. Далеко не каждая из только красивых мелодий содержит в себе силу обобщения, да еще на долгое время. А для оперы наличие таких мелодий — условие жизнеспособности.

Великим мастером создания национальных эпических характеров из широких плавных кантилен и соответственного качества арий и плавных речитативов с ариозными ответвлениями, то есть характеров, где песенное начало с развернутым дыханием составляет главное условие и содержание, остается Глинка и его подлиннейший наследник Бородин. Три арии: «Ты придешь, моя заря» («Иван Сусанин»), «О поле, поле» («Руслан») и «Ни сна, ни отдыха» («Князь Игорь») — как будто вполне определяют каждый характер*.

Но Глинка и Бородин воздвигают вокруг столь величавых лирических курганов восполняющие их «малые склоны» и драматургические важные тропы к ним и лирические междудействия: прощание с дочерью Сусанина, его мужественные, пластически-прекрасные ответы врагам, его речитативы — речи наедине с собой, — каждый из которых выразительнейшая по гениальной простоте и прямодушности. Все это тоже музыка — речь-мелодия, образ русского богатыря. Упомянутая его ария объединяет в себе симфонические реплики оркестра, изъясняющие и обстановку — поле, усеянное костями, — и смены душевных состояний Руслана.

Здесь же его содержательнейшие речитативы, его глубокое раздумье («времен от вечной темноты») — медленная часть его арии, где главенствует ощущение русских степных просторов. Наконец, следует третья стадия арии — героическая песнь-ода (вера в счастье и удачу, и обращение к любимому существу).

Ария мощного размаха окружена руслановской же музыкой сочного мелодического наполнения и благороднейших речитативов, которые требуют пения на глубоком дыхании и длительной выдержки. Вспомним основные выступления Руслана: «Какое чудное мгновение» (в момент волшебного оцепенения, I акт), его диалог с Финном, его арию (II акт), его ревнивые призывы к спящей зачарованной сном Людмиле (IV акт) и ласковый привет к ней, пробуждающейся к жиз-

* В «Князе Игоре» Бородина стоит в этом отношении сопоставить его монументальнейшую арию с его беседой-диалогом с половчанином Овлуром и затем ханом Кончаком. Именно в этом комплексе — лирический курган (ария) и два склона или выхода к нему — познается характер Игоря.

ни (У акт). Это не все, но и в уже перечисленном — богатейший комплекс мелодической, ясной и светлой, щедрой музыки, именно музыки в полноте ее выразительных средств, обращенной на создание одного характера. А рядом с Русланом — Людмила, Горислава, Ратмир, наконец, Финн с его колоритной балладой.

Из вариационных эпизодов, на которых построена баллада, возникает монолитнейшее философическое повествование о любви — пример ярчайшей образности.

Характеры Гориславы и Ратмира, столь же лирико-эпические, столь же, как Руслан, овеянные сердечным теплом, также определяются в своей человеческой сущности их центральными ариями, для каждого из них интонационно глубоко отличными. В развитии всей оперы характеры действующих лиц — это скрепляющиеся пути освежающих душу и мысль мелодических родников. Стиль музыки характеров Глинки — это ясность и пластичность — обусловлен эпическим прямотоном и цельностью психики главных действующих персонажей обеих опер его.

Конечно, и сложно, и нервно, ибо сложна и извилиста психика, образующая характеры в музыке Чайковского. В основе лежит все-таки русская глинкинская традиция образования характеров из мелодических более или менее длительных комплексов, то есть включая гармонии и ритмы, их составляющие и восполняющие из напевных обычно речитативов. Конечно, вокальные образные линии углублены у Чайковского психологически содержательной оркестровой тканью и симфонически образной системой распевного развития, но без очень строгого проведения лейтмотивов как системы плакатов*.

Сложнее и гибче стал русский мелос, впитав в себя вместе с эволюцией общественных и личных отношений множество повлиявших на русскую интонацию элементов. Тут и изменения в языке, и взаимодействие с поэзией и литературой, а главное — рост личности, а значит, и «утончение» восприимчивости.

Оставим в стороне оперу, обратимся к области камерной интимной лирики, у Чайковского преимущественно романсовой. Ведь если у Мусоргского в его камерных драматических монологах характеры прямо-таки осязаются, а образы видятся, то он достигает такой же впечатляемости и в своей песне-романсовой лирике. «По-над Доном сад цветет» — Мусоргского обаятельная лирика, а за ней слышны и поступь, и облик, и вся ситуация стихотворения, досказанные музыкой. Чайковский этого тоже не чуждается. В лирико-драматическом романсе *«Корольки»* кроме его мелодической содержательности в целом, выразительно симфонически выступает вся линия повествования и душевной драмы казака. Интонация — вся диктуется пережитыми эмоциями. Она драматически прерывиста. Музыка — вся спешит вперед: рассказчику хочется скорей-скорей достигнуть тягостной для него концовки. Поэтому тон рассказа нервный, напряженный, поддерживается динамичным инструментальным сопровождением.

* В данном отношении очень интересно сопоставить психологизацию оперной ткани в «Евгении Онегине» и в «Пиковой даме». В последней опере ведущие оперные мотивы в полном смысле образуют нервную ткань музыки, под которой скрыт косяк формы.

Тут и в пределах камерной новеллы мастерски развернулся Чайковский-драматург и Чайковский-симфонист, с его исключительным владением музыкальной светотенью и динамикой звука и в голосах и инструментах. «Корольки» — очень сильная композиция. Это — экспрессивнейшая картина, в ней и описание всего происходящего, и острота переживаний. Здесь слышится характер, и рисуется ситуация драмы, и видится обстановка в контрастах интонаций и светотеней (например, выявление облика Ганы, ее просьбы, и далее повествование «вот пошел я с казаками», затем интенсивнейшее развитие битвы). Надо отметить изобразительную роль ритмики.

Но мастерство Чайковского, изобразителя характеров людей «повышенной нервной пульсации», еще не все тут. Она сказывается и в сугубо лирических, казалось бы, глухо в себе замкнутых романсах. А между тем они стали едва ли не наиболее убедительными и сильно распространенными. Люди слышали в них, именно свое лично-характерное, при всей разности индивидуальностей. Вникнем подетально в самое известное и привычное в лирике Чайковского. Например, «Страшная минута» длится почти на полупшепote, словно то, о чем должны знать только двое! Откуда же сила общения подобного романса при сугубой интимизации? Разве это внутренне созерцательная лирика «в себе»? Нет и нет. В том и сущности наизжитенных интонаций Чайковского, что он владеет ими как драматург, направляющий на живое восприятие, и даже сквозь ткань интимнейшей «тихой лирики» обнаруживает, при всей своей индивидуальной обособленности, типичный характер.

В своем стремлении дойти «до дна души» русские признания (можно говорить даже о стиле русских признаний) становятся очень общительными, ибо драматургически объективированы, значит, Чайковский владел умением пронизательно наблюдать, обобщать и рассказывать из «жизни психики» то, что волновало, и сильно волновало, не только лично его, как интимно личное свое, но множество людей и становилось им близким. Если русская лирика и сжимается до предела только личного, она все-таки стремится к раскрытию и обнаружению себя в зеркале общительнейших интонаций, ибо русское личное — это оттенок, колорит переживания всем ведомого чувства, а не своего только чувства. Тут нет эгоцентрической направленности лирики. Только на себя, свое я. В этом разгадка массовой популярности искусства Чайковского.

Очень субъективно окрашенных, не общительных романсов Чайковского совсем не так много, как привычно думается. Чувство для него чаще всего драматургически ценный объект и обнаружение характера людей. Наблюдатель-драматург идет впереди созерцателя. Тем и достигается необычная эмоциональная общительность, сила и страстность высказываний.

Не драматургична и потому вуалирует характеры и если и не субъективна, то очень созерцательна и замкнута романсовость Римского-Корсакова, в корне противоположная и Мусоргскому, и Чайковскому. Она не может достигнуть душевной открытости, такой смелой даже в лирических признаниях — монологах типа «То было раннею весной» и особенно «День ли царит».

Если у кого искать нити лирических размышлений и самозерцаний без тени драматургичности и при старательном вуалировании характерности и характера, то безусловно в субъективнейшей по «тишине и замкнутости психики», и в то же время глубокой психологической пронизательности ранней лирики современного симфониста Мясковского*.

Нельзя весь лирический строй Чайковского принимать за интимные личные признания. Чайковский слишком драматург и слишком наблюдатель и знаток людских характеров, чтобы только «самоизливаться». Зато его интонации — так общезначимы и «доходчивы». Повторяю, формы его музыки обнаруживают в себе тщательную направленность на восприимчивость слушателей и, казалось бы, только свое Чайковского редко не становится общезначимым (музыка же, в которой решительно преобладает только свое, жизнеспособной не бывает).

Мои замечания не столь парадоксальны, как могут показаться при обычном взгляде на Чайковского как преимущественно замкнутого в своем созерцателя. Этому решительно противоречит шекспировски-конфликтный драматургический строй симфонизма Чайковского. Ясно, что лирик-созерцатель не мог бы достигнуть такой величайшей напряженности. Симфоническое развитие доводится Чайковским до степени звукоодушевления, когда искусство звуко-зодчества не замечается (оно всегда есть у него, но не звучит самоцелью, как это бывает иногда у Глазунова). Музыка тогда становится всецело «спиралью эмоций», а симфония безусловно лиричнейшей из форм и становлений конфликтов людских чувствований, а значит, драматически насыщенной сферой музыки**.

В характерах опер Чайковского переплетаются, словно лианы, интонации самых многообразных качеств и потому-то его характеры так сложны. В «Пиковой даме», наисовершеннейшем произведении во всех отношениях, композитор сам ежеминутно превращается из наблюдателя-драматурга — «ваятеля масок» — в задушевнейшего лирика общечеловеческих переживаний, лежащих над данной портретностью и характерностью, в композитора музыки нервного тока высокого напряжения (теперь эта роль у Шостаковича).

Основным характером представляется характер Германа, человека противоборствующих искаженных чувств, но трагического в своей последовательной одержимостью двуликой страстью. И все-таки это не совсем верно. Эмоциональной пружиной трагического действия оперы служит светлый характер Лизы, и трагедия вспыхивает оттого, что ее прямотушие, открытость ее чувства, составляя решительный контраст искаженному чувству и сердцу Германа и иссушенному былыми

* Теперь в замечательном цикле романсов Мясковского на стихи Лермонтова композитор нашел путь к глубоко общительной при всей ее индивидуальности лирике, связующей его замкнутый, бывало, мир лирических высказываний, с лучшими традициями романсности русских классиков.

** Колоссальный цикл симфоний Чайковского — грандиозный подвиг жизни композитора — заключает в себе полный творческих противоречий трагический смысл, сопоставление и попытку обобщить главные тропы русской симфонии, тропу лирико-субъективную, лирико-драматическую, эпическую, философско-созерцательную.

страстями, преследуемому призраками прошлого характеру Графини. В «Пиковой даме» сцепляются чувствования трех главных характеров. И как усложнилась к концу человеческая психика, склонная к повествовательно-эпическому строю преобразования, если русская музыка стала способной выразить все это в столь четких формах со столь неотразимо убедительной интонационной экспрессией.

Два диалога, два драматически острых столкновения Лизы и Германа (во 2-й и 6-й картинах) и между ними встреча Германа и Графини, два признания Германа (Лизе: «Прости, небесное создание» и Графине: «Если когда-нибудь знали вы чувство любви»), обнаруживающие двуликость страсти Германа и его колеблющийся душевный мир, — вот стержни, вокруг которых движется «Хоровод масок» и сплетается наэлектризованная сеть интонаций.

Оба признания Германа дышат почти в родственных интонационных гранях. Все музыкально-напряженное действие «Пиковой дамы» движется в лианоподобном сплетении трех трагических характеров. В экспрессивнейших обнаруживаниях чувствований, при поддержке, вмешательстве, досказываниях оркестра, симфонически непрерывно превращающегося из одного состояния в другое, человеческие голоса звучат в совершенно новом качестве не над оркестром и инструментальной сферой, а в органическом взаимодействии: и в них, и в оркестре — пульс сердца, совершающаяся жизнь. В ней, в ее художественном обнаружении, — цель этой впечатляющей музыки, и в окончательном торжестве прямодушия Лизы. Ибо в сочувствии красоте ее цельного чувства слушатель находит высокое оправдание всему произведению, что и было замыслом композитора.

Торжество душевной цельности и непреклонности еще сильнее проявляется в образе Иоланты, в последней опере Чайковского. В нарастающем, умно расцвеченном через все действие восхождении музыки к свету расцветает и характер Иоланты, как только она познала чувство любви.

Конечно, вся нить сюжета развивается здесь в русском психологическом постижении и преломлении рыцарства.

Душевная стойкость, появляющаяся в русских девушках и женщинах через раскрытие сердца в любви и сочувствии, а тем самым рождение личности в пробуждении человечности — лирическая притягательная тема для русских композиторов. Иоланта в этом отношении далеко не единственный женский образ, но зато не драматический характер. Параллельно Иоланте, но уже русские сказочно-былинны образы — девушка-Снегурочка, царевна Волхова в «Садко» и царевна Лебедь в «Сказке о царе Салтане» Римского-Корсакова — воплощают все то же стремление к человечности, раскрывающееся в любви: музыка теплеет, мгновение за мгновением, следуя за расцветанием образа.

Поэтически красивая народная мысль о заложенном в природе стремлении к человеку и человечности оказалась словно бы органически связанной с талантом Римского-Корсакова, и он нашел в своем сознании музыку, олицетворяющую данную мысль, как нечто реальное в чувствуемых и видимых образах. Конечно, человечество, покорившее природу упорным трудом, перенесло в сказках инициативу стать человеческой на природу и воплотило мысль в прекрасных образах искусства и, главное, музыки. Музыка ведь очень присуща способности

передавать метаморфозы одушевления!.. В своих сказочно-поэтических образах Римский-Корсаков связывает эти, подсказываемые народом, процессы одушевления, очеловечивания природы со стойкостью и прямодушием, с верностью и испытанностью. Он очень любит, изображая девичьи существа, тоскующие по человеческому чувству, наделять их «полуживой» музыкой и кажется, если бы полюбившееся нам в природе красивое явление, будь то птица или цветок — стало одушевленным, — оно запело бы вот так, как поет музыка Римского-Корсакова. До такой степени убеждает нас его воображение сказочника-музыканта. До такой степени мы верим созданному им музыкально-сказочному языку. Так же верим Василисе Премудрой в русской народной сказке или восточной фантастической действительности в сказках Шахерезады.

Сказочные и былинные образы и характеры Римского-Корсакова (Кашей — это уже характер и прирожденно злое существо, Садко — также характер, смелый и предприимчивый, Баба-Бабариха в «Салтане» — характер очень завистливый, ненавидящий прямодушие, Мизгирь в «Снегурочке» — характер и предприимчивый и дерзкий, развращенный удачливостью и т. д.) убедительны, ибо русское народное воображение, мыслящее всегда реально, остается таковым и в сказочно-фантастических образах. Характерно искусство, с каким Римский-Корсаков «отепляет», одушевляет полуптичью, получеловеческую музыку своих сказочных девичьих существ: он делает их «говор» все более и более напевным, песенно подобным и, наконец, всецело лирически-песенным.

Легко услышать подобную метаморфозу сразу же в первом появлении Снегурочки в прологе оперы, в первых ее ариозо: сперва образ ее, пение ее почти неотделимы от природы, или птичий «стон» над озером или жавороночье длительное над полем «звененье». Вдруг слышится приветная ласковая теплеющая мелодия, но еще далеко не согретая девичьим чувством и далекая от жадных до страсти, женских душевных, гневных интонаций заклятий Купавы (к пчелам, к хмелю).

Также интересно понаблюдать за царевной Волховой: ее кличи среди шелеста тростников Ильмень-озера, ее отогревающееся возле Садко сердце, растущая в ней уже девичья тоска по милому, ее брачные призывы и, наконец, глубоко элегичная колыбельная расставания в последнем акте перед превращением в реку.

Кто чувствует и любит глубоко, по-людски русскую природу, поймет Римского-Корсакова, что он мог ощущать, как «плачет природа» и как «радуется». Иначе он не мог бы сочинить ни музыки плача дочери Кашея, превращающейся в иву, при расставании с жизнью, ни стихийного пляса подводного царства. Он одушевлял музыкой то, что русский народ одушевлял в своем многообразном творчестве. Недаром нет почти ни одной области в поэзии и музыке народа, которую Римский-Корсаков не досказал бы или не развил в своем творчестве: и былины, и сказки, и духовные стихи, и плачи, и игры, и действия, и обрядовые песни. Больше того, всмотритесь, как оживляет рука мастера народной резьбы дерево и кость, и тогда вслушайтесь, сколько оттенков — хотя бы в музыке «Кашея бессмертного» — между неживыми ее пластами или еле мерцающими движениями инструментов и между дышащими теплом мелодиями песенного склада. Интересно,

что в своих женских образах и характерах реально-бытовых и сказочных Римский-Корсаков через все свое творчество проводил параллели: одушевленное теплое женское сердце и злое, жесткое, холодное, словно камень. Или вот как в «Майской ночи»: Ганна и Панночка, человеческая, юная, внешняя любовь Ганны и Левко и сочувствующая этой любви «нежить», утопленница, не успевшая отомстить матеке при жизни (образ живучей мести). В «Младе» — князь Яромир и любящая его мстительная Войслава, тогда как он мечтает о загубленной Войславой Младе. В «Кашее» Иван-Царевич также на перепутьи: его невеста — пленница Кашея должна подогревать тлеющую в Кашее жизнь с его злобным каменным сердцем. Она одушевляется вспыхнувшей в ней любовью к царевичу. В «Садко» противопоставлены нелюбимая, но реальная жена и манящий сказочный образ Волховы. В драматической опере «Царская невеста» тоже два резко контрастных женских характера: прямодушное чувство Марфы и мстительное страстное сердце Любаши. В «Китеже» всецело господствует образ глубоко любящей русской девушки. Зато в «Золотом петушке» — саркастическая эротика, где сопоставлены женское бездушие и бессильная похотливость старости.

Почти всюду у Римского-Корсакова мы имеем варианты одной, в сущности, остро психологической темы, вернее, темы двух миров «добротного и злого сердца» женского чувства и столь же родственного в этой теме раздвоения чувства мужчины. Раздвоенность неизбежно раскрывается в различных операх, как нечто психологически неизбежное. И вряд ли можно считать, что упорно воспроизводимый спор женского прямодушного сердца (Ганна, Снегурочка, Млада, Волхова, Марфа, плененная царица, дева Феврония) с носителями сердца, искаженного слепой ли страстью, мстительностью, злобой ли иронией над верностью чувства, возникал лишь как выгодный драматургический прием. Я не хочу анализировать причины зарождения данного психологического явления, но оно не может таить за собой глубоко реальных оснований, так остро сказавшихся в музыке композитора, казалось бы, каменного сердца, равнодушного к музыке в ее выходах за пределы эстетического.

И ведь что любопытно. В первой опере Римского-Корсакова («Майская ночь») двуликость любви — чуть намечается, в комедийной-фантастической оболочке, нисколько не вносящей разлада в вещь чувство Ганны и Левко. В «Младе» герой резко поставлен между двумя женскими характерами. В ткани оперы это отражается на красочно зловещем колорите одной из борющихся сил и на обаятельности лирической музыки верности любви — другой силы. В фантастическом вымысле здесь дано приближение к большой жизненной правде. В «Садко» те же темы. Только образ сказочной Волховы деятельнее «небытия» Млады, а реалистический бытовой характер нелюбимой жены — смягчает остроту двуличия чувства самого героя. В «Царской невесте» все жизненное, все контрастнее акцентируется соперничество контрастных «любвей» и реальных характеров — Марфы и Любаши, а не чародейки Войславы и Млады — небесного духа. Наконец, в двух последних операх Римского-Корсакова женские образы «добротного и злого сердца» распределялись по произведениям: Феврония в «Китеже» и Шемаханская царица в «Золотом петушке», иначе говоря —

прямодушные чувства и кривое зеркало (вспомним «Снежную королеву», сказку мудрого Андерсена) любви!.. Не приходится говорить, что упорство, с каким Римский-Корсаков держался данной психологической сферы, имело для русской музыки значение очень большое, оно оставило даже в стороне другие стороны творчества Римского-Корсакова.

Обычным считалось видеть в нем то ли фантаста рассудочного склада, то ли стилизатора с холодным сердцем, то есть стилизатора народных жанров⁸). Человек большого чувства, чуткий до женской души и сильных характеров, в нем не ощущался. Не правда ли, странно? Выходило: сухой мертвый художник и лишь умный формалист в музыке! А между тем стоит расплести свою сеть, сотканную из параллелей, диагоналей, треугольников и прочих музыкально-драматургических фигур, дающих схематику соотношений чувств героев его опер, и [...] решительно [...] перевести эти фигуры на язык человеческих чувствований, тут только надо довериться музыке Римского-Корсакова и послушать, например, через какие в ней прообразы возникает прекрасный лирический характер Февронии. Или как композитор создавал характеры мстительных женщин, прежде чем достиг в себе такой силы мастерства иронии, чем мог показать изнанку маски женственности в саркастической эротике Шемаханской царицы, направленной на двух старцев в «эротике никуда». Ведь в своем «Золотом петушке» Римский-Корсаков «оглушил», надевая глупостью не только царя и его двор и душу, но всех и вся, включая сказочный народ, и испепелил оперного героя в русской музыке с беспощадной иронией, равной Шедрину. Правда, он подал беспощадность на роскошном блюде изысканных звучностей, завуалировав иронию. Но все же такое «испепеление» после только что прозвучавшего «Сказания о граде Китеже», где еще жили стойкие прямодушные характеры, было суровым знаменем времени.

Как ни скрывал в себе композитор вдумчивого психолога под обликом чистого музыкального зодчества, он оказывается таковым, даже если считать возможным, что при пестроте сюжетов его опер отбор характеров и работа над ними у него идет сперва как будто инстинктивно и лишь потом преднамеренно по обдуманым основным линиям.

Эмоциональный подтекст женских характеров — от Ольги («Псковитянка») до Февронии («Китеж»), от Войслады («Млада») до Шемаханской царицы («Золотой петушок»), то есть сочетания образов прямодушной русской женской психики и характеров, носителей искаженных чувств, — определяет одну линию. Другая линия — мужские характеры: лирика простодушного чувства доминирует в задушевном мелосе Левко («Майская ночь»), ее преломление мы найдем в героическом образе посадничего — сына Михайлы Тучи («Псковитянка») и дальше, вестью в Садко, частью в Вакуле («Ночь перед Рождеством»), в Лыкове («Царская невеста») и т. д. до Княжича в «Китеже». Рядом движется линия властных насильнических характеров: Мизгирь («Снегурочка»), Грязной («Царская невеста»), Кашей («Кашей бессмертный»), Сальери («Моцарт и Сальери»).

Эта линия приводит к издевательскому юродству надо всем, что носит в себе высоту помыслов и прямодушия, — к сарказму и измене

родине Гришки Кутерьмы («Китеж»), к образу не менее жуткому, чем Шемаханская царица. Оба эти характера родственны в анархии чувства.

Есть еще серия комедийно-бытовых и мужских и женских характеров. Есть голоса человеческой подлости (Матута-трус, холопского нрава боярин в «Псковинятке»)*, тоже ведущая к искаженной психике Гришки Кутерьмы.

Как видим — очень яркая галерея русского люда. Над ним господствуют цельные, этически прекрасные характеры, как псковский наместник боярин Токмаков, мудрый царь Берендей («Снегурочка»), князь Юрий («Китеж»). Характер Ивана Васильевича Грозного взят в трагическом аспекте его отцовства («Псковитянка») и, с другой стороны, в смысле хозяйского строгого глаза, присматривающего за государством (так же и в «Царской невесте»). Особенно экспрессивно сплетается группа сильных контрастных ярких русских исторических характеров возле «коллективного лица» — беспокойного Пскова (народ и вольницы). На сцене прекрасный стойкостью своего чувства девичий образ Ольги — дочери Пскова и царя Ивана.

В этой, на мой взгляд, лучшей опере Римского-Корсакова сочетаются мужественность и правдоподобие отдельных характеров с драмой, выдвинутой историей обороны родины. В музыке, действительно, отражена сущность конфликта умным пронизательным распределением «разноликих интонаций» по соперничающим сторонам: Грозный и псковская вольница — основной музыкально-драматический конфликт, Ольга с ее прекрасным сердцем и своими тихими вдумчивыми интонациями — любящее, ищущее привета и ласки существо — становится жертвой великого исторического спора Москвы с «большими городами». Но она внутри, в себе самой почувствовала «двуликость» чувства между робкой любовью девичьего сердца, тягой молодости к посадничьему сыну Михайле и совсем необъяснимым для нее влечением к Грозному образу царя Ивана. Все это выражено музыкой души Ольги, иначе не назвать присущих ее образу, ее природе задушевных интонаций. Из них не возникает ни пышных патетических, ни цветистых широких мелодий. Вся музыка Ольги звучит словно бы внутренне, а сердце и то, что Ольга выносит вовне, прямо смотря в глаза даже Грозному и выдерживая его взгляд, — является отражением чистого родника, ее внутреннего душевно-стройного «я». Здесь она владеет силой неодолимой, собранной в сердце; устоявшимся спокойствием, не спокойствием вялого хилого характера, а спокойствием большого чувства, которое она в себе знает и которым умеет противостоять напору сильных властных характеров.

Шаяпин создавал потрясающий своей суровой волей лик Грозного. При глубоких, кипевших в нем, в природе его существа, «несогласиях», весь видимый облик царя Ивана был закован в броню жесточайшей решимости (например, выразительнейшая сцена въезда во Псков). Но из интонаций Грозного во встречах с людьми понятно было, что

* Первая опера Римского-Корсакова, сочинявшаяся в период дружбы с Мусоргским в 1868—1872 гг. и испытывавшая потом ряд авторских редакций. В рукописи место сноски не обозначено. Разумею, что данный текст сноски относится к опере «Псковитянка» (П.-А.).

властный подозрительный Хозяин-вотчинник борется в его натуре с опередившим ее умом царя-государственника, чувствовавшего, что народ с ним. И в этой страстной и гордой личности вдруг всколыхнулось отцовское, казалось бы, давно забытое чувство. Шаляпин вносил в каждый произносимый тон, тон-слово, тон-слог тончайший смысл, и это было так же убедительно, так же художественно-безоговорочно, как и его взор — взор, осязающийся через все действие, даже когда на сцене Грозного не было. Бесспорно, образ Грозного — гениальный из серии шаляпинских сценических характеров.

И все же возможно ли было бы вызвать образ именно такой силы воздействия на иных музыкальных интонациях, чем те, что создал Римский-Корсаков? Ведь образ этот им продиктован и на них возникал Грозный Шаляпина. Это особенно чувствовалось в заключительной сцене, в диалоге с Ольгой, где прямодушно-душевная убедительность ее интонаций вполне выдерживала остроту реплик Грозного, да еще передаваемых Шаляпиным. Значит, в самой музыке «Псковитянки» заключался не просто материал для репетирования и пения, а волевое содержание, звуковой эмоциональный подтекст, помогавший реализации сценических ситуаций и выявлению характеров.

Действительно, характеры драмы «Псковитянки» во всей их контрастности так восполняли музыкой друг друга, что образовалась своего рода предусмотренная гармония. Например, уже одна сказка Мамки в первом действии вносила с собой и сочный бытовой фон теремной жизни и свежесть народной фантастики и подводила к появлению Михайлы Тучи, то есть воспринималась уже не как колористическая бытовая подробность, сценическая «утварь», а становилась оправданным драматическим стимулом. Подленькая личность боярина Матуты, его хвастливо-трусливые и подхалимные молчалинские интонации в своей экспрессии очень драматургически значительны и рядом с благородством и самообладанием отца Ольги, князя Токмакова, составляют характерную глубокую тень. Сочно написан в отношении песенно-народного колорита смелый и романтически-дерзкий образ вольнолюбивого Михайлы Тучи. Народные песни, лежащие в основе характеризующей его музыки, замечательно переориентированы (переосмыслены) Римским-Корсаковым в драматургическом отношении. Но эти яркие песенные мелодии как раз и выявляют в Туче основное его качество — близость к народу, природную близость, что понимает и гневный Грозный.

За отдельными характерами выступает мощно трактованный народ — хор: на вече, затем при встрече Грозного и в финале, во всенародном плаче по «дочери Пскова» и Грозного — Ольге и одновременно по вольностям древнего города, но плаче светлом, как на древних тризнах, то есть с верой в правду жизни. Тут больше, чем плач псковичей, тут чувствуется голос народа, чувствуется сурово-летописный, мерный и степенный стиль всей оперы, соперничающей моментами — вот хоть в этом заключительном хоре — с «Игорем» Бородина. Именно своей мерностью музыка сама же поднимается над страстями и коллизиями действия драмы, позволяя почувствовать силу высоких народных помыслов о родине и государстве. Здесь Римский-Корсаков сам

проницательно шел дальше народничества в тогдашнем представлении, ибо очень смело выдвинул тезис: русский народ и государственность (Грозный).

Понятно, что в начале сценической жизни «Псковитянки» молодежью была с энтузиазмом подхвачена линия вольнолюбия Пскова и не замечена другая линия — исторически оправданный Грозный в его идее первенства государственности (Москва). Римский-Корсаков раскрыл драму борьбы Пскова, но в то же время, вводя летописный мерный тон, тон сказаний великих помыслов народов о родине, в котором тонут преходящие испытания, досказал волю истории.

Замечательно уж самое начало увертюры «Псковитянки», первые аккорды ее. Слово разворачивается летописный свиток (любопытно и дальнейшее проведение этого последования в опере). Тут сразу слышится предвращение чего-то значительного, и в некотором отношении рисунок музыки введения к сцене в келье в «Борисе Годунове» Мусоргского звучит внешне изобразительной имитацией, словно скрип пера Пимена! Нельзя сказать, что «Псковитянка» лучшая из русских опер по совершенству характеров, но их целеустремленность, свежесть звукоязыка, стойкость, цельность рядом с прекрасными народными сценами, где нет озорной толпы, а есть глубокое сознание достоинства своей «вескости» (опять вспоминается пролог к «Игору»), поднимают это произведение — первый оперный опыт Римского-Корсакова — на очень высокую ступень: в ней звучат страна, ее история, величие и красота народного характера, мужества и силы. Пусть в «Псковитянке» все народное звучит более ораториально, чем действительно драматургически (то есть ближе к Глинке и Бородину, чем к Мусоргскому) и возгласы на вече не составляют главного в выступлениях хора*.

Зато выдвижение народа как носителя идеи государственности дано в «Псковитянке» с большой убедительностью и мудростью проведения несмотря на романтически яркий показ выступления вольницы. Мусоргский еще не постиг такой смыслово-значительной постановки темы народа в своем «Борисе Годунове». В нем он закончил сцену под Кромами торжеством интервенции, до чего порой и доводили анархические выступления вольницы в Пскове и Новгороде — городах пограничных областей русской государственности. В «Хованщине» Мусоргский уже овладел пониманием идеи государственного объединения и весь смысл своей концепции образно выразил темой рассвета. Но он то ли не успел, то ли не почувствовал в себе сил завершить свою мысль и эту тему иначе, чем свести все к трубам петровских потешных как зари новой России: ни симфонически, ни театрально это не звучит светлым убедительным завершением. А хор псковичей, оплакивающих Ольгу в «Псковитянке», содержит и в своей тональности, и в мелодии, и во всей мерной поступи величавое спокойствие и доверие к жизни. Вернее, это мерный ход истории и голос русского народа. Здесь, в финале, уже нет псковичей и Пскова с их бытом и текущими спорами. Идея великой государственности —

* Римский-Корсаков проницательно и умно — теперь я понимаю это — закончил вече на уходе, а не по-мейерберовски — «потрясением мечами».

вперед. И как из музыки «Князя Игоря» Бородина в конце концов вытекает, что дело не в несчастливом походе Игоря и удаче половцев (в следующем походе может быть обратное распределение удач и неудач), а в исторической правде идей «Игоря». То же следует и из музыки «Псковитянки» Римского-Корсакова: борьба за государственность русского народа и глубокая уверенность в ее победе. Судя по величаво-светлой мерной музыке финального хора, таков конечный смысл замечательного произведения.

Но в «Псковитянке», как это часто бывает в русских операх, драматическое действие очень прочно и цепко срастается и связывается с русским народным бытом, с укладом жизни и ее поверьями и старинными обрядами. Уже в рассмотрении темы «русская музыка и русская природа» нельзя было не заметить преобладания народного ощущения природы в тесной связи с народным крестьянским календарем и его предугаданиями и образами и с народным хозяйственным укладом, верованиями и бытом. Но чувство природы в его чисто созерцательном содержании в наслаждении красотой пейзажа и одушевленности природы в размышлениях о ней — встречается (даже и в музыке инструментальной) сравнительно редко. И такие жемчужины русской мысли и чувства, как прекраснейший гимн красоте — в тихом и мудром благоговении перед ее явлениями в образе цветка и дивной девушки — разумею ариозо Берендея в «Снегурочке» Римского-Корсакова. «Полна, полна чудес могучая природа» или как Похвала пустыне, то есть поклонения природе в «Китеже» Римского-Корсакова и «Волшебном озере» Лядова, где симфоническое — размышление о красоте природы и созерцание здесь отчетливо довлеет над просто звукозаписью...

Продолжение читайте в следующем выпуске журнала

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ «Главное действующее лицо — крестьянин, и не по названию только, а по существу музыки, в которой раскрывается образ глубоко душевной правдивости; за ним, за крестьянином села Домнино Сусаниным, встает русский народ в великолепных мужественно ярких, суровой силы хорах интродукции. Действие оперы — подвиг, самопожертвование во имя счастья Родины, совершаемый Сусаниным, крестьянином-гражданином» (Б. Асафьев. М. И. Глинка. Л., 1978, с. 213). Как тут не вспомнить асафьевское: «Русский народ всегда на страже!»

Тут же Б. Асафьев останавливается на дорогом его сердцу звукоживописном видении и слышании весенности русской природы в русском искусстве. Это связано с мыслью о трудной судьбе Родины: «запела жизнь», а вместе с песней — пробуждение надежды на мирный труд, непоколебимая твердость духа русского человека, «оваянного национальным подъемом всей страны!» (Б. Асафьев. Цит. соч., с. 220).

²⁾ «Попал я как-то в Новгород в день праздника осеннего плодородия — Преображения: весь Волхов “под Софией” загружен лодками с овощами и плодами — переливающимися красками на ярком солнце. И на реке, и вокруг суетня и тол-

котня несусветные. Одежды, наряды, конечно, не легендарных времен Садко, но в очень неизменившемся историческом пейзаже. А динамика жизни — истонная. И как же вкусно схватил ее Римский-Корсаков в своих базарных сценах в “Младе” и “Садко”. Тут та пестрота смен явлений и какое-то постоянство метаморфоз при постоянстве круговращения толпы, что ему всегда удавалось изображать музыкально-мерной речью, чередой красочных звеньев, нагнетая какое-либо центральное событие, возбуждающее удивление, любопытство или ужас толкущейся массы людей. Можно тут вспомнить базарную сутолоку в “Китеже” (экспозиция образа Гришки Кутерьмы, встреча княжьей невесты, наконец, нашествие татар и т. д.) и сравнить с ярмарочной сценой Мусоргского в “Сорочинской ярмарке” для анализа сходства и различий или с народной сценой (пролог) в “Борисе Годунове” (Б. Асафьев. Николай Андреевич Римский-Корсаков. 1844—1944. В кн.: Б. В. Асафьев. Избр. труды, т. III, 1954, с. 188).

Безусловно интересна параллель «Садко» — «Китеж», развертываемая далее: «Акт на площади древнего Новгорода в “Садко” с широко развернутыми народными сценами перекликается со сценами величавого “Сказания о граде Китеже”, в котором композитор выступает и как летописец, и как сказитель духовных стихов, и как лирик-пантеист, и как симфонист-драматург, рисующий одновременно и трагические коллизии преступной совести изменника (образ Гришки Кутерьмы), и мощный подъем народного патриотизма, одухотворенность личного и массового подвига» (Б. В. Асафьев. Цит. соч., с. 232).

В исследовании «Музыка Римского-Корсакова в аспекте народно-поэтической славянской культуры и мифологии» («Советская музыка», 1946, № 7) встречаем еще одно меткое асафьевское наблюдение над русской фресковостью: «В операх Римского-Корсакова есть одна важная черта, глубоко-эпическая, как будто еще не отмеченная, но очень характерная для его творчества и решительно выделяющая его оперный стиль и определяющая его. Это постоянно ощущаемое присутствие рапсода — сказителя, певца, чьи вещие уста “знают” уже ход вещей и спокойно-величаво о них повествуют. Если нет сценического носителя “сказа”, то чрез музыку все равно ощущается его присутствие. Так ведь и в поэтике Гомера. Русско-славянские “древности” с их раскрытием быта как раз подсказывали Римскому-Корсакову данный метод действия. В “Снегурочке” такого рода собирательным сценическим лицом и “рапсодом”, воплоателем массовых образных понятий и идей о жизни, о действительности, является сказочный царь Берендей, в “Младе” жрец Радегаста, в “Ночи перед Рождеством” так остроумно построен финал, что оказывается, что сам герой оперы Вакула является сказителем, в “Садко” — конечно, сам Садко и герой и рапсод, в “Китеже”, где “сказительство” становится и действием и объектом действия, форма эта достигает наивысшего совершенства и порой оркестр становится “рапсодом”. Кроме того, носителями “вещего сказа” являются те, кому народное художественное эпическое мышление издавна передало это право: певцы-гуслиры, слепцы-нищие (в “Китеже” и отрок малый)».

³⁾ Позиция Асафьева — исследователя и публициста в данном случае такова: «В “Борисе Годунове” Мусоргский, естественно, не мог пройти мимо соблазнительной для музыканта-психолога трагедии совести царя-убийцы. Но, протянув эту драматическую нить, он дал все-таки основную развязку драмы в знаменитой народной сцене под Кромами.

Дело в том, что сцена эта, хотя и подсказанная Мусоргскому, блестяще музыкально решена в плане народного, исторически конкретного, насыщенного драматизмом массового действия. Сцена под Кромами (финал оперы) замыкает гениальные по силе выразительности народные сцены пролога и картину у Василия

Блаженного и с ними вместе образует параллельную драме царя Бориса ведущую линию народной драмы. Этим композитор подчеркнул свое понимание Смутного времени как социального конфликта, как эпохи крестьянских восстаний. В связи с этим понятно, почему впоследствии манила Мусоргского идея создания оперы “Пугачевщина”» (Б. Асафьев. М. П. Мусоргский (к столетию со дня рождения). В кн.: Б. В. Асафьев. Избр. труды, т. III, с. 22).

Эта мысль развивается и в позднейших работах: «Происходит, пожалуй, сильнейший во всем произведении музыкальный эпизод. Народ поет песнь, которую можно было бы назвать гимном стихийной крестьянской революции. Во всей мировой музыкальной литературе нет ничего, что сравнялось бы по силе, страсти с этим художественным выражением народного восстания: “Расходилась, разгулялась сила, удаль молодецкая” <...>».

В этой песне — художественный смысл всей сцены. Здесь показан вольнолюбивый русский народ во всей своей силе, со всей отвагой и удалью. Борис и Лжедмитрий отступают на второй план. Мы видим именно ту народную силу, которая впоследствии, пройдя через школу исторических испытаний, изгонит интервентов из русской земли, спасет и освободит Родину, выдвинет из своей среды Сусаниных» (Б. В. Асафьев. Цит. соч., с. 146).

- ⁴⁾ «Опере предшествует гениально-выразительный, по музыкальной структуре и психологической сущности своей, пролог. В тяжелой поступи мерных ритмов, в густых, заполненных гармониях, раздробляемых лишь своеобразно раскачиваемой основной темой введения (словно медленный торжественный трезвон), звучит крепкий, надежный строй, как величественный фон соборного храма, перед которым сосредоточен мир, на древнерусских иконах. Все элементы земного мира — здесь налицо. Плотной сомкнутой массой народа, князья люди и ряды воинства во главе со своим вождем — князем Игорем» (И. Глебов. Князь Игорь. Из писем о русской опере и балете. Письмо 4-е. Цит. по кн.: Б. В. Асафьев. Избр. труды, т. III, с. 277—278).

- ⁵⁾ «Конечно, все сказание о Китеже, все его “сквозное действие” пронизано идеей подвижничества за родную землю. Ночная сцена в осажденном Китеже с мужественной фигурой ослепленного Поярка и столь же трагически мужественной массовой песнью уходящего в неравный бой ополчения, затем музыкальная картина “Сечи при Керженце” — синтез этического величия русских боев — единственное даже во всей русской классической музыке глубоко реалистическое и мудрое выражение русской патриотической, оборонной тематики» (Б. Асафьев. Николай Андреевич Римский-Корсаков. 1844—1944. В кн.: Б. В. Асафьев. Избр. труды, т. III, с. 188).

Эпическая стройность «Псковитянки» раскрыта Асафьевым следующим образом: «Суровость и лирическая напевность, личная и массовая удаль, выраженная в эпической сцене псковского веча, удаль типично русская, благодаря удачно выбранной народной мелодии, становящейся песней о вольности, мужественные тона хоров и хоровая же “светлая печаль” плача о Пскове над убитой Ольгой — все это эпически и драматически яркие варианты темы подвига, заданной русской музыке еще “Сусаниным” Глинки и величавым богатырским обликом витязя Руслана» (Б. В. Асафьев. Цит. соч., с. 187—188).

- ⁶⁾ Раскрывая «формулу» отображения Серовым «быта русского городского мещанства», Асафьев писал во второй половине 20-х годов: «Своей “Вражьей силой” он оказался в рядах народников и выступил параллельно Мусоргскому с идеей “опрошения” оперного сюжета и музыкального оперного языка, ярко и сочно прело-

мив в этом своем произведении быт купечества и городского мещанства. Серов-реалист смело ввел во “Вражью силу” городской фольклор (и песни, и куплет, и характерные куплетные наигрыши и отыгрыши), а близорукие критики-эстеты упрекали его — автора прекрасной статьи о русской народной песне — в стилистической нечуткости и неумении выбирать и обращаться с песенным материалом! “Вражья сила” была и остается сочной и красочной картиной нравов» (Б. Асафьев. Русская музыка XIX и начала XX века. Л., 1968, с. 38).

Этим асафьевским выводам о своеобразии и самобытности музыки Серова предшествует не менее интересная статья, где, в частности, раскрывается «театральность воспроизведения быта» в серовских операх: «Во “Вражьей силе” русская музыка все-таки имеет живую бытовую оперу, но не в тех частях ее, где терпкий диалог неуклюже сменяется водевильными куплетами или сладкими ноющими сентиментальными вздыханиями якобы песенных арий, а в сценах народных: на масленичном гулянье и в обиходе постоянного двора. Эти моменты искупают все и увлекают смелостью звуковых затей: архаические русские песенные квартетные гармонии с малой септимой, наигрыши маленького кларнета; остроумно найденный рисунок флейты-пикколо на тяжелой поступи басов в сцене Поводыря с медведем; пестрая смесь ритмов: ярко характерные и колоритные фразы пьяных тупо двигающихся мужиков, кличи прянишников, сбитенщиков и саешников; бабий надрыв и бойкая песня гуляющих парней на фоне крикливой сутолоки; пьяный чад, угар, задор, а рядом удалой радостный гулливый поток живого здорового веселья! Все это гудит, звенит, голосит и ослепительно завершается в дикой процессии проводов масленицы...» (Б. В. Асафьев. Вражья сила. «Жизнь искусства», 1920, 28, 29 октября. Цит. по сб.: «Б. Асафьев об опере». Л., 1976, с. 124—125).

⁷⁾ Позитивный аспект данной мысли развернут Асафьевым в работе «Опыт обоснования природы и характера творчества Мусоргского»: «Вокальность (собств. “мелосность”) Мусоргского отличается от вокальности формального типа постоянным присутствием в ней элемента интонационного новоизобретения, который при слушании воспринимается как что-то свежее и жизненно-непосредственное <...> Слово и живая речь для него не формальные импульсы, а интонационная база <...> Каждая музыкальная интонация, им выбираемая, оправдана жизненными стимулами: она проверена на опыте, она вытекает из жизнеощущений данного персонажа так, как они отражаются в его речи <...> Он не механически комбинирует, а наблюдает и сам интонирует выбираемый материал постольку, поскольку о пассивном фиксировании мелодических фраз по памяти, а также по указке уже имеющихся в музыкальном обиходе “речений” здесь говорить не приходится» (цит. по сб.: И. Глебов. К восстановлению «Бориса Годунова» Мусоргского. М., 1928, с. 4, 5).

⁸⁾ О бытовании подобных взглядов мы можем судить по нескольким источникам. Вот, к примеру, слова самого композитора: «Музыкальные рецензенты, подметив две-три мелодии, заимствованные в “Снегурочку”, а также и в “Майскую ночь” из сборников народных песен (много они даже и заметить не могли, так как сами плохо знают народное творчество), — объявили меня не способным к созданию собственных мелодий, упорно повторяя при каждом удобном случае такое свое мнение...» (Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1982, с. 177). В числе этих рецензентов был, в частности, и Цезарь Кюи.

Справедливости ради надо отметить, что в комментируемых фразах Асафьев 40-х годов полемизирует с Игорем Глебовым 1927 года, который писал: «Конец 90-х годов и начало XX века в русской музыке дает любопытную картину. Тогда

как и Мусоргский и Бородин в свое время не занимались стилизаторством, Римский-Корсаков уже целиком, до крайней степени, стилизатор-народник. Бородин и Мусоргский являлись народниками органически, Римский-Корсаков позднего периода делает из национальных и народнических стремлений поколений его юности объект художественной обработки» (И. Глебов. Памяти Танеева. В сб.: «Асафьев о хоровом искусстве». Л., 1980, с. 57).

В работе же «Николай Андреевич Римский-Корсаков. 1844—1944» читаем: «Тесная связь музыки Римского-Корсакова с музыкальным искусством-мастерством русского народа не ограничивается песенными цитатами и обработками народных напевов и приобщением народно-песенного материала к завоеваниям мировой музыкальной культуры <...> Грешно было бы эту способность, присущую Римскому-Корсакову, его естественно-человеческое, но обостренное своеобразием его художественной природы чувство прекрасного и в чем он очень по-своему выделяется среди русских композиторов, включать в одну “стать” с извращениями — рассудочно-хладными — модернистского эстетства» (цит. по кн.: Б. В. Асафьев. Избр. труды, т. III, с. 174).

НЕЖНЫЙ ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН

*...За то, что мне прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид...*

Марина Цветаева

Продолжим разговор о музыке и ее творцах. Еще раз напомним о ее значении как невербального средства общения. Возникает вопрос: общения между кем или чем? А по всему выходит — между всем живым. Использование человеком голосового аппарата в качестве средства общения началось еще до появления членораздельной речи. Мы далеки от мысли, что это было нечто гармоничное и, тем более, мелодичное, но понятно, что звук, обработанный звук, наполненный эмоциями, интонациями, был с человечеством дольше, чем слово, в том смысле, в котором мы сейчас понимаем его. И, как мы утверждали раньше, — по музыке можно понять, оценить состояние среды, в которой она возникла. Конечно, нельзя однозначно утверждать, что во времена классиков в обществе не было противоречий, несправедливости. Вопрос в соотношении добра и зла. Он в морали общества и тех категориях, которыми живет оно. Соблазнительно сказать, что отсутствие творцов серьезной музыки сегодня говорит о необратимом крахе цивилизации. Но мы бы предложили другой взгляд на проблему, и наталкивает нас на это количество великой музыки, созданной за последние 500 лет. Просто предыдущие поколения создали для нас неисчерпаемый запас духовных сил и облекли его в форму нотных знаков на бумаге — пользуйтесь! Это как нефть, накопившая энергию солнца для нас. Другое дело, как мы используем эту энергию? Во благо ли? Вот тут вопрос: если в сфере энергетики и технологии намечаются некие перспективы, то в духовной сфере они пока призрачны. Но то, что сейчас ощутима тенденция возврата интереса к классической музыке, пускай не у нас, в других странах, вселяет надежду.

Итак, Людвиг ван Бетховен. По фамилии видно, что предки Бетховена — голландцы. Имеет ли это значение? А не напоминает ли внешность известного в современной России голландца внешность Бетховена? Еще как! Да, мы говорим о Дике Адвокаате, посмотрите в их лица! Увидели? Вот-вот! Почему мы упомянули имя голландского тренера? А натолкнули нас на это проводы известного голландца простыми людьми, та трогательная реакция мужественного человека на проявления искренней человеческой любви, так контрастирующей с российским бизнесцинизмом. И Бетховен такой. Вид грозный, ха-

ракетер неуживчивый, вспыльчивый. Если оценивать поведение Бетховена в быту, в общении, абстрагируясь от сути этого человека, можно сильно ошибиться. Потому как вырисовывается фигура скандалиста, самодура и т. д. и т. п. Известны истории о том, как Бетховен в наемной квартире, находясь в своей комнате на втором этаже, поливал себя из ведра водой, дабы охладиться, не беспокоясь о том, каково жителям первого этажа. Или чего стоила попытка разбора несущей стены каменного дома для «улучшения вида из окна». Из переписки Бетховена видно, сколько обид он нанес людям. Но тем ценнее те письма, в которых он удивительно проникновенно просит прощения за нанесенные обиды и, как мы знаем, большинство «обиженных» остались его друзьями до конца. Да, личность противоречивая, но осмелимся утверждать, что и в личности, и в творчестве Бетховена доминирует... безудержная нежность.

Понимая нежность как *ненавязчивую заботливость*, утверждаем — это то, что присуще Бетховену и как человеку, и как творцу. В материальной жизни это проявлялось в его удивительном внимании к нуждам и бедам друзей и родных. Но более важна та нежность, которая пронизывает все творчество Бетховена, та нежность, которая заботливо приподнимает душу человека, приближает его к Богу. Да, нам возразят, у Бетховена были сложные отношения с религией, но кто осмелится утверждать, что он не был Богу мил и угоден? Лучшим доказательством безудержной нежности Бетховена является история преодоления им, казалось бы, фатальной для музыканта болезни — потери слуха. И Бах, и Гендель, ослепнув, практически остановили творческий процесс (кстати, оба были прооперированы в разных концах Европы: первый в Германии, второй в Англии, в разное время, но одним и тем же хирургом, и с одним исходом — смертью обоих музыкантов; как говорится, есть что обдумать!). Бетховен, в свою очередь, создал величайшие произведения без возможности услышать их физически, пользуясь только «внутренним оркестром». По сравнению с этим недугом остальные, мучавшие его всю жизнь и в конце концов сведшие в могилу, просто не в счет.

Творчество Бетховена достаточно целостно, ровно, сделано на совесть. Начнем с фортепьянных концертов (ведь Бетховен до потери слуха был концертирующим пианистом). В первых двух концертах чувствуется влияние Гайдна и Моцарта. От ларго 1-го концерта еще веет ледяным совершенством анданте 21 концерта Моцарта «Эльвира Мадиган». Но, к счастью, влияние Моцарта по сути было скоро преодолено, а по форме осталось надолго. Некоторое влияние Гайдна осталось до конца, и это тоже оказалось к счастью. Почему, на наш взгляд, влияние Моцарта обременительно? Да, Моцарт величайший творец, открывший новые средства музыкальной выразительности, сумевший обнажить свою душу, выразить, говоря словами Ницше, «очень человеческое». Но вместе с тем нам кажется, что он одновременно возносил свой взгляд к небесам и заглядывал в *inferno* и эта двойственность имманентна его творчеству. На наш взгляд, лишь творчество Баха имеет

четко выраженную направленность к спасению, лишь он сумел выразить божественную сущность в музыкальных образах, что абсолютно бесценно для тех, кто ищет в музыке не только эстетическое наслаждение. Творчество Бетховена, объявленное музыковедами как переходное от классицизма к романтизму или, другими словами, полуромантическое, в конечном счете приводит нас к тому же, к чему ведет и Бах (правда, сразу и без колебаний). На наш взгляд, Бетховен открыл романтизм и сам же в нем разочаровался. Лучшим свидетельством этой трансформации служат квартеты Бетховена. Как и во всех его инструментальных циклах, мы видим развитие музыкального языка гения, но не только. Бетховен ищет идеал, сам создает его и, разочаровавшись в нем, приходит к Богу, и тем вдвойне ценно его наследие. Преодолев такие тернии, страдания, испытания веком просвещения, он все-таки находит и опору и защиту. Да, нам возразят, что иерархия значимости композиторов у Бетховена была следующей: Гендель, Моцарт, Бах (Вегелер, Рис) — замечательный выбор, но, во-первых, «здесь нет Бетховена» (эти слова приписываются Шуберту, произнесшему их в момент агонии; произнеся их, он очнувшись, а затем отошел с миром, пережив своего кумира на год и умерев в 31 год). Во-вторых, в каком смысле значимых? Как создателей музыкального языка, открытий — допустим, а в смысле духовном? Гендель — замечательный музыкант, создатель огромного музыкального наследия экстракачества, но, заглянув в музыкальный справочник советских времен, мы видим: Гендель — выдающийся композитор... Бах, Гайдн, Моцарт, Бетховен — названы великими. Но почему? А потому, что творчество Генделя, по определению России, — «великолепный дворец», и не более того. Гендель — успешный музыкальный бизнесмен. Нам скажут: а оратории? Да, они великолепны, но он сам говорил, что потеря лондонской публикой интереса к жанру итальянской оперы (в котором он создал неповторимые образцы, только сейчас открывающиеся во всем своем великолепии) заставила его обратиться к жанру духовной музыки, как коммерчески привлекательному. В отношении Моцарта приведем цитату из интервью Гленна Гулда, которая, кстати, отдает должное праву любителя музыки на оценку искусства: «Я думаю, что когда целые поколения слушателей — особенно неспециалистов, поскольку их восприятие обычно более остро, чем у профессиональных музыкантов, — находят приемлемым употребить по отношению к Моцарту термины вроде “легкомысленности”, “непринужденности”, “фривольности”, “галантности”, “спонтанности”, то нам надлежит разобраться со всей тщательностью с причинами, породившими такие определения, которые вовсе необязательно связаны с недостатком понимания и отзывчивости. Я думаю, что для многих людей, — я отношу себя к их числу, — эти слова включают не только критику того, что Моцарт может дать, но намек на то, чего он дать не может». Гленн Гулд — один из лучших исполнителей сонат Моцарта!

Творчество Баха Бетховен признавал великим, но не актуальным для современного ему общества. На наш взгляд, здесь духовный конф-

ликт. Музыка Баха неотвратно переносит душу в храм, она заставляет исповедаться, потому что сама такова. А мы знаем, что для многих достойных людей приход в храм неприемлем, исповедь для них равносильна публичному и постыдному обнажению. Бетховену, с его революционностью и буйством, Бах был неудобен — он вязал его по рукам и ногам. Да простят нам столь пространное отклонение от описания собственно творчества Бетховена — продолжим.

Завершает цикл фортепьянных концертов Бетховена грандиозный 5-й, так называемый «Император», концерт-симфония. Слушать надо все. То же мы скажем о фортепьянных сонатах, а их 32. Придерживаясь «стандартного набора» из поименованных сонат: Патетической, Аппассионаты, Лунной, *Les Adieux*, Вальдштейн, рискуем пропустить не менее ценные. Прослушав же самостоятельно весь цикл сонат, вы сможете, во-первых, сделать выбор самостоятельно, а во-вторых, и это самое важное, воспринять их как нечто целое. Конечно, всем, кто хотя бы знает имя Бетховена, известны его симфонии № 5 с мотивом судьбы и № 9 с хоровым финалом «Ода к радости». Первая часть 5-й симфонии, на наш взгляд, и породила ошибочное суждение о Бетховене как о громовержце, о неистовом борце. Все это так, но послушайте симфонию до конца. Такого радостного, солнечного финала вы не найдете, пожалуй, ни у кого больше (за исключением финала 5-й же симфонии у Чайковского). Опять же мы рекомендуем прослушать все симфонии. Вы сделаете открытие, прослушав все симфонии Бетховена в исполнении камерного оркестра Европы под управлением Ник. Арнонкура. Весьма оригинальную запись фортепьянных концертов сделал А. Схондервуд. Воспользовавшись исследованиями, говорящими о том, что большинство прижизненных исполнений симфонических произведений Бетховена были в зале князя Лобковича, который мог вместить около 20 музыкантов, он восстановил «Бетховенский» оркестр, прибегнув и к аутентичному фортепьяно. В результате подобного исполнения исчез образ массивного, напористого звука, как говорят музыканты, «мяса». Звук получился легкий, все партии хорошо слышны, хотя и непривычно слышать вдруг «прозрачного» Бетховена. Впрочем, это исполнение несколько не противоречит традиционному варианту исполнения, ведь он рассчитан на большие залы. Оно же показывает, что акустическая мощь музыки не является для Бетховена самоцелью. Хотя Бетховен помимо клавира владел и скрипкой, он написал всего один скрипичный концерт, но какой! Слушать его просто необходимо. Кстати, он переложен автором для фортепьяно. Но в фортепьянной версии исполняется редко. Для скрипки Бетховеном написаны также два замечательных романса. Его сонаты для фортепьяно и скрипки входят в репертуар всех известных артистов. Крейцеровая соната, давшая название известному произведению Л. Н. Толстого, как раз из этого цикла. Весьма интересны также сонаты Бетховена для виолончели и фортепьяно (именно в такой последовательности, так как автор тем самым подчеркивал ведущую роль виолончели в этих сонатах). Мы не будем подробно разбирать каждое произведение (хотя,

несомненно, они заслуживают этого), так как для этого надо использовать поэзию — словесную музыку.

Можно истратить тысячу слов, найти миллион аллюзий, привлечь миллиард литературных образов и... выхолостить суть послания.

Завершая настоящее небольшое исследование явления Бетховена, мы хотели бы привести следующие слова:

«О Боже! Мое убежище, моя отрада, моя охрана! Ты читаешь в глубине души моей, ты знаешь страдания, испытываемые мной... Выслушай меня, существо, которого я не умею назвать, услышь горячую молитву несчастнейшего из смертных, самого обездоленного из твоих творений...»

Эти строки Бетховеном были написаны в 1818 году. Тогда же им было написано адажио сонаты оп. 106, где те же слова облечены уже в музыкальную форму, и от этого они зазвучали еще смелее, еще выразительнее. Иначе говоря, не могла душа подлинного музыкального гения быть вне Бога и против него, а значит, она не могла и не испытывать означенную выше безудержную нежность, нежность поистине насущную и спасительную.